

Ш

есни
трубадуров

Песни трубадуров

Перевод со старопровансальского
АНАТОЛИЯ НАЙМАНА

Издательство
«Наука»

Главная редакция
восточной литературы

МОСКВА
1979

Составление, предисловие и примечания
А. Г. НАЙМАНА

Ответственный редактор
М. Л. ГАСПАРОВ

П $\frac{70404-014}{013(02)-79}$ 184-78. 4703000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

О ПОЭЗИИ ТРУБАДУРОВ

Более 2500 песен оставили миру трубадуры Прованса. Почти все тексты в замечательной сохранности, многие рукописи представляют равноценные варианты тех или иных произведений. Большинство стихов сейчас тщательно прокомментировано, уточняются хронология и география трубадурской поэзии. И однако до сих пор она предлагает исследователю ряд загадок первостепенной важности.

Откуда взялось само слово «трубадуры»? От «тропов», элемента средневековых латинских гимнов, или от романского корня *trobare* (находить), в свою очередь, неясного происхождения? Что за истоки у этой самодовлеющей поэзии? Чьи влияния были главенствующими при ее возникновении? На эти роли претендуют и арабоандалусская поэзия соседней Испании, и средневековая латинская, и народная романская, и даже классическая персидская. Восток и Запад с одинаковыми основаниями заявляют свои права на почетное место предшественников, и непредвзятое мнение никому не отдает преимущества.

В самом деле, с начала VIII в. Европа слышала не только звон арабских мечей, но и арабскую речь, наблюдала не только нравы завоевателей, но и разносторонние проявления их самобытной культуры. Крестовые походы «приблизили» к Франции Сирию, Палестину, Турцию. Средиземное море вновь оказалось «посреди Земли», «всей Земли». «Последние известия» какого-нибудь заштатного луарского замка обсуждали события, случившиеся в Кентербери, Иерусалиме, Константинополе. Провансальцы запросто говорили о Саладине, как, скажем, впоследствии русские о Бонапарте. В стихах пламя страсти заливалось Нилом и любовный плен сравнивался с пленом сарацинским. Чтобы подпасть под обаяние чужой поэзии, не было нужды устраивать международные встречи поэтов: присказки базарных торговцев, пого-

ворки, песни были на слуху и запоминались еще до того, как становились понятны. Восточные системы стихосложения, и в особенности изощренная рифмовка, могли сделаться сравнительно легкой добычей провансальских певцов, язык которых был в эту пору уже в состоянии превозмочь самые немыслимые трудности.

Большую роль в становлении провансальской поэзии сыграла близость арабской Испании, граничившей с родиной трубадуров и обладавшей в эту эпоху более развитой культурой, в том числе поэтической. Существует весьма правдоподобная гипотеза о решающем характере этого влияния. Ведь именно через арабскую Испанию и именно в это время Европа знакомилась с греческой и восточной философией, математикой, астрономией, медициной. Посредником же между Испанией и Европой был в силу географических и исторических условий Прованс, имевший с Испанией династические, экономические и культурные связи.

Ко времени появления трубадуров арабская поэзия уже в течение нескольких веков воспевала целомудренную мистическую любовь, получившую в X в. обоснование в багдадской поэтической школе как форма высшей, идеальной любви. В арабской Испании XI в. теоретиком такой любви выступил последователь той же багдадской школы Ибн Хазм, автор знаменитого трактата «Ожерелье голубки», в котором эта любовь исследуется и систематизируется. Однако настоящее обоснование «арабская» гипотеза происхождения поэзии трубадуров получила с введением в научный обиход арабоиспанской строфической поэзии в жанре заджаля (букв. «песня»), сочинявшегося и исполнявшегося не на классическом арабском языке, а на разговорном. Такой язык, с большой примесью романских слов, был одинаково понятен обеим группам двуязычного населения арабской Испании, отличавшейся известным единством культуры, — и мусульманам, и христианам. По словам египтянина Ибн Сана ал-Мулка (1155—1211), именно смешение двух языков, арабского и романского, составляет «аромат заджаля, его соль, его сладость».

Важнейшим памятником поэзии заджаля является Диван кордовского поэта конца XI — начала XII в. Ибн Кузмана. Диван этот дошел до нас в единственной рукописи, переписанной на Ближнем Востоке в XIII в. и ныне хранящейся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Было давно замечено сходство в строфической структуре почти половины песен первого из известных нам трубадуров, Гильема Аквитанского, с заджалями Ибн Кузмана. Открытие такого сходства делает более вероятной гипотезу о происхождении лирики трубаду-

أَمَا خَيْرٌ يَا قَدِّمَ زَيْطِي وَنَا وَسَعْدِي أَشْرَ مَا حَوَّجَ لِي فَلَا تَكُنْ فِي خَيْرٍ مِنْ أَجْلِي
أَعْطَيْتَنِي قَطَّ الْأَوْكَدِ وَالْأَوْكَدُ قَطُّ

وَقَالَ لَهُمْ أَيْضًا

الصَّيَامُ رَتَبَتُكَ هَمًّا لِمَا أَوْلَانَهُ رَتَبْتُمْ
الصَّيَامُ أَنْتَ تَجْنِسُ الْخَلِيعَ قَلْبُ فَالَّذِي أَشْرَحْتَ لَا يُقَالُ مَنْ
هَبُوا يَا أَهْلَ الْخَلَاعَةِ بِالنَّبِيِّ يَا جَمَاعَةَ أَيَّامِ الصَّوْمِ فِسَاعَةَ
وَكَبِي شَهْرَ سَوَّالٍ وَتَرَى الدُّنْيَا فَا قَبَالَ كُلَّ أَحْزَانٍ وَعِلَالٍ
قَلْبٌ يَطْلُبُ لِعُفُوفٍ أَنْ جَنَى كَأَنَّ سَوَّافٍ إِذْ لَانَتْ وَيُذَوِّقُ
وَالَّذِي لَيْسَ بِسَمِيٍّ جَمْرًا كَبَابٍ بِسَمِيٍّ يَا عَلِيَّ نَقْطَهُ مِنْ مَاءِ
الْخَلِيعِ قَلْبٌ يَفْتَرَعُ يَنْظُرُ الْكَاسَ وَيَمِينُغُ كَأَنَّ حُرُوفَ حِينَ يَشْرَعُ
أَهْلُ النَّاسِ فِي طَلْبِ مَنْ لَا يَكُونُ شَرِبَ ثُمَّ إِلَّا لِقَلْبِ
يَطْنَمُ

وَقَالَ أَيْضًا

عَبَّ بِاللَّهِ عَسَنَهُ
جُودَ بَاهٍ دَمْحَ الصَّيْفِ أَيْضًا خَوْلِي رَوْحَانِ ذَابَ مِثْلَ الْحَرِّ قَدْ جَانِي
أَهْلُ دُنْيَا بَارِئًا بِالطَّرِيقِ طَلْبِ وَمَعِي الْحَزَنُ عَوْدًا عَيْتُ وَاللَّسْتُ نَكْرًا بَعِيَّتِي رَيْتُ وَأَلَاةٌ دَرَجَانَا

Лист единственной дошедшей до нас рукописи Дивана арабиспанского предшественника трубадуров Ибн Кузмана

ров из строфической поэзии Пиренейского полуострова. В пользу этой гипотезы говорят и расшифровки большого числа так называемых хардж — заключительных строф некоторых заджалей, написанных на разговорном романском языке (разумеется, арабским алфавитом), а также хардж из поэзии на древнееврейском языке. Эти расшифровки особенно ясно показали синкретический арабо-романский характер хронологически наиболее ранней поэзии Пиренейского полуострова, которая, при единстве средневековой культуры, могла разноситься и за ее пределы. Наконец, возможно, что через Испанию трубадуры в какой-то мере знакомились не только с арабской, но и с персидской любовной поэзией, достаточно популярной в то время в арабском мире. «Куртуазная любовь» трубадуров имеет, во всяком случае, много общего с суфийскими представлениями о любви, находившими выражение в поэзии мусульманских стран начиная с XI в.

Трубадурская поэзия точно локализуется во времени и пространстве, вся уместившись между таким-то и таким-то годом и не выходя за пределы таких-то и таких-то земель. Пределы, впрочем, были весьма обширны, от Ломбардии до Ирландии и от Кастилии до Брабанта, но эти расстояния пугали только жонглеров, таскавших на себе свои волынки от замка к замку в надежде исполнить чью-то песню, которой там еще не слышали или слышали и, одобрив, хотят насладиться еще раз. Трубадуры же преодолевали пространство верхом, часто с собственной свитой либо в чьей-нибудь свите, к их приему готовились загодя, их песен ждали — все равно где, за пиршественным ли столом, на сезонном турнире или в военном походе. Трубадуры слагали стихи, сочиняли музыку, пели, трубадуры слушали один другого, с первой строчки оценивали всю вещь, с полуслова понимали намек, тягались, кто лучше ристает, то бишь рифмует, чья совершенней Дама, то бишь строфа.

Немало соображений, спорных и бесспорных, породили различные толкования куртуазной любви. В ней находили и находят все что угодно — от эфирного спиритуализма до грубого сенсуализма. Это, однако, относится к сфере деятельности интерпретаторов; по существу же наиболее удивительным является, несомненно, самый феномен этой первой в Европе лирики на народном языке, возникшей на грани XI и XII вв. при аристократических дворах Прованса, стремительно набравшей силы и угасшей к середине XIII столетия, после того как она достигла никогда уже впоследствии не превзойденного в плане поэти-

ческой формы блеска и оказала влияние на становление всей последующей европейской поэзии.

Нигде и никогда, по утверждению Поля Валери, на таком небольшом пространстве и за такой короткий отрезок времени не была создана поэзия, которая характеризовалась бы подобным разнообразием и богатством, обилием блистательных поэтов, наконец, таким широчайшим распространением и влиянием в мире. Когда альбигойские войны, опустошив юг Франции, разбросали трубадуров по свету, песни их уже успели распространиться во многих странах. Особенно сильное влияние оказали трубадуры на формирование поэзии северофранцузских труверов. Влияние трубадуров ощущается в ранней английской поэзии, но больше — в поэзии немецких миннезингеров, с которыми они встречались при дворах Сицилии, Италии и Богемии. Всемирное влияние поэзии трубадуров осуществлялось, однако, прежде всего через ее прямую наследницу — поэзию итальянского Возрождения. Знатком и поклонником трубадуров был Данте, их высоко ценил Петрарка. Через лирику труверов культура трубадуров была воспринята французской поэзией.

Говоря о «всемирном» влиянии провансальской поэзии, надо подчеркнуть, что трубадуры не только наметили основные направления европейской поэзии, не только задали для нее формы, по сей день обнаруживающие свою жизнеспособность, — они в большой мере определили самые модели любовного переживания, превращение которых в устойчивую традицию было обусловлено средневековой культурой. Воспринятые более поздней европейской литературой, эти модели, вырождаясь, проникали в самую толщу жизни и обычаев. Даже простые правила благовоспитанности, не говоря уже об усложненных формах этикета, а тем более о так называемом романтическом отношении к прекрасным представительницам слабого пола, пронизаны рефлексом куртуазного мироощущения, восходящего в конечном счете к трубадурам.

В самом деле, трубадуры создали не только замечательную поэтическую культуру, но и своеобразную культуру любви. Главной темой, содержанием и сутью поэзии трубадуров является любовь к Даме, любовь, которую принято называть «куртуазной». В нескольких словах ситуация «куртуазной любви» сводится к следующему. Трубадур, как правило неженатый, влюблен в Даму, обычно замужнюю и поставленную выше его в обществе. Дама относится к нему более или менее сурово — самое большее, чего он изредка удостоивается, это улыбка или приветливый взгляд;

поцелуй считается уже высшей наградой. Напротив, стремление трубадура к Даме — бесконечно. Для него Дама представляет идеал красоты, добра и совершенства.

Любовь к Даме становится источником беспредельного внутреннего совершенствования, которому призвано соответствовать и совершенствование самого искусства трубадура, выражающееся, в частности, в формальной изощренности его песни. По своей природе куртуазная любовь не заинтересована в результатах, она ориентирована не на достижение цели, а на переживание, которое одно способно принести высшую радость влюбленному. Эта радость достигается долгим путем страданий, но уже само добровольно принятое страдание оборачивается для трубадура радостью.

Трудно переоценить культурное значение той революции, которую повлекла за собой новая концепция незаинтересованной любви, неизвестная ни античности, ни (до прихода трубаду-ров) средним векам. По словам английского ученого Роберта Бауры, роль куртуазного идеала заключалась в том, что в эпоху, когда плоть считалась греховным началом, трубадуры «освободили и освятили плоть, подчинив ее непогрешимому идеалу смирения и самопожертвования, и разрешили конфликт между душой и телом». Не порывая с изначальным эротизмом, эта концепция, сделавшая Даму принципиально недоступной, сосредоточила энергию любви на ее идеальном аспекте. Явившись источником духовного совершенствования для мужчины, эта любовь в какой-то мере освобождала и женщину от господствовавшего на протяжении средних веков отношения к ней как к существу низшего порядка, виновнице грехопадения и сосуду зла. Но это — уже далеко идущие последствия новой идеи любви, родившейся под небом Прованса...

Трубадуры воспевали любовь в куртуазной песне, кансоне, этот жанр был преобладающим и наиболее важным по значению. Провансальская кансона достаточно сложна по своей структуре и обычно содержит в себе пять-семь строф, замыкаемых одной чаще двумя так называемыми посылками (торнадами). Посылки состоят из трех-четырёх стихов, повторяющих метрическую структуру и рифмы заключительных стихов последней строфы; в них обычно содержится указание на адресата песни, часто — с целью сохранения любовной тайны — зашифрованного условным именем, «сеньялем». Песня отсылается либо самой Даме, либо покровителю или confidentу трубадура.

Каждая строфа песни насчитывает в среднем пять-десять стихов, хотя в виде исключения встречаются строфы от двустиший до 42 строк.

Песни трубадуров предназначались для музыкального исполнения — трубадур был не только поэтом, но и композитором, и мелодия составляла артистическую собственность трубадура в не меньшей степени, чем текст песни. С нею тесно связана самая структура строфы, разложимой, как правило, на состоящие каждая из нескольких стихов две или три метрически различные группы, соответствующие определенным мелодическим оборотам, так что даже и без приложения музыкальных знаков текст при чтении вслух начинает петься сам с первых же строк. Нотная линейка словно бы располагается параллельно стиху, ключ прописан отчетливо в первой строфе, нотные значки спрятаны в гласных, фонетика согласных определяет тон.

Важнейшим композиционным элементом строфы была, конечно, рифма, которую трубадуры культивировали с необычным мастерством.

Об этой особенности их поэзии, имевшей самые широкие последствия для истории более поздней европейской литературы, писал Пушкин: «Поэзия проснулась под небом полуденной Франции — рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значащее, имело важное влияние на словесность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков; побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие — любить размеренность, ответственность свойственно уму человеческому. Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее всевозможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы...» По мере погружения в провансальскую поэзию последнюю пушкинскую фразу начинаешь понимать с некоторым сдвигом смысла: трубадуры — это те, кто играл рифмою и т. д. Иначе можно сказать, что эта игра, изобретение и придумывание новых форм и есть двигатель и само существо их творчества.

Поэзия трубадуров обнаруживает поразительное разнообразие метрического и строфического рисунка песни, какое не было достигнуто ни одной последующей европейской литературной школой, — до 500 строфических форм.

Чтобы читателю легче было ориентироваться в формальной структуре вошедших в эту книгу переводов, пунктуально воспроизводящих форму оригинала, скажем кратко об основных вариантах строфики трубадуров. Если классифицировать ее

по рисунку рифмы, то все многообразие строфических структур в провансальской поэзии может быть сведено к трем основным разновидностям.

Во-первых, могли рифмоваться строки внутри одной строфы, которая составляет в этом случае замкнутое целое (как это широко распространено в более поздней поэзии, включая новейшую).

Например, у Маркабрюна — 1-я строфа: где в — д е р е в — на п е в — д ы ш а — п р и с е в — д е в — д о с у г; 2-я: о н а — о д н а — в е с н а — с п е ш а — н е ж н а — з в у ч н а — в д р у г; и т. д.

Во-вторых, те же рифмы могли повторяться в соответствующих стихах одной или нескольких последовательно расположенных строф, образуя парные или тройные структуры, и, наконец, они могли воспроизводиться во всех без исключения строфах песни.

Например, у Гаусельма Файдита — 1-я строфа: к у п л е т — в е с е л и т — с л и т — з в у ч и т — в п у с т ю — а т а к ю — п р о с т и т — о б и д — с т ы д — б е д — с л е д; 2-я: п р о п е т — з в е н и т — н а в з р ы д — з л и т — г л у х ю — р и с к ю — щ и т — р а з б и т — о т м с т и т — с е к р е т — п о б е д; и т. д. Такая «унисонная», как ее называют средневековые руководства, структура песни становится общепринятой формой в классическую эпоху поэзии трубадуров.

В-третьих, строки в пределах одной строфы могли не рифмоваться, находя соответствия лишь в рифмах последующих строф.

Например, у Бертрана де Борна — 1-я строфа: р а з д о р е — к и н ж а л — с е н ь о р — б е з д о м н ы й — т р о н — в е л ь м о ж — в о с п о ю т — б е з г р е ш н о; 2-я: с п о р е — а л — к о в е р — в е р о л о м н ы й — Р а н к о н — г р о ш — п у т — б е з у т е ш н о; и т. д.

В такой композиции, усиленно разрабатывавшейся Арнаутом Даниэлем, каждая отдельная строфа, написанная как бы «белым стихом», развивается максимально свободно и в то же время подчеркнуто единство песни в целом.

Говоря о дальнейших тонкостях искусства рифмы, можно указать на обращение системы рифм в каждой следующей строфе, их всевозможные чередования, вплоть до изобретенной тем же Арнаутом Даниэлем секстины, в которой последняя рифма предшествующей строфы становится первой в следующей и т. д., образуя в результате весьма замысловатый узор. В других случаях сложный рисунок рифм дополняется чередованием внутри

строфы стихов различной длины. Например, у Гираута де Борнеля:

Звучанье радостных строк
И смех победят истому,
Хоть я от счастья далек;
Но скучно и ей
От нежных затей —
Зачем же мне изощряться
В искусстве речей:
Что ж, тронув струну,
Я песню начну —
И зубы сомкну,
Чтоб зря не звучала:
Увы, сулит мало
Певучий слог
Веселья и благ —
Нет тех, кто был весел и благ.

В итоге метрическая схема (количество слогов в строках) строфы такова: 7 — (7 + 1) — 7 — 5 — 5 — (7 + 1) — 5 — 5 — 5 — 5 — (5 + 1) — 4 — 5 — 8, при рисунке рифмы: а — в' — а — с — с — d' — с — е — е — е — f' — f' — а — g — g. И все последующие строфы такой песни должны быть в метрическом и рифменном отношении полностью идентичны.

В нашей книге представлены переводы лучших любовных кансон трубадуров. Читатель сможет по достоинству оценить ностальгическую песнь легендарной «дальней любви» Джауфре Рюделя и несколько сентиментальные сетования Бернарта Вентадорнского; меланхолические излияния покинутой своим возлюбленным графини де Диа и сдержанность песни любовного одиночества Пейре Овернского; изощренную диалектику Гираута де Борнеля и экзальтированный пыл «безумца» Пейре Видаля; риторическую нравоучительность Фолькета Марсельского и безукоризненно обоснованные куртуазные домогательства Гаусельма Файдита; изумительные по своему мастерству и красоте упражнения в куртуазной казуистике Раймбаута Оранского и поражающие благородной холодностью совершенства великолепные изыски Арнаута Даниэля.

Надо заметить, что тенденция ко все более усложняющимся формам отражает основную установку трубадуров, стремившихся к непрерывному совершенствованию своего искусства, к созданию уникальных, доселе не превзойденных по виртуозности

произведений; степень искусства трубадура отражает, по замыслу, самую силу его любовного чувства. Подобная установка приводит к созданию так называемого «изысканного стиля», характеризующегося усложненностью формы, избирательностью и отшлифованностью поэтического языка, вообще поэтической безукоризненностью.

Арнаут Даниэль заслуженно считается наиболее выдающимся мастером «изысканного стиля». В XXVI песне «Чистилища» Данте устами итальянского поэта Гвидо Гвиницелли называет его «лучшим ковачем родимой речи» — лучшим, чем он, Гвидо, мастер «нового сладостного стиля». Эта оценка как нельзя более точно определяет поразительное словесное искусство Арнаута, само отношение к слову: у него мы читаем, что он изгибает, подпиливает, скоблит слова своих песен (Г н у я слово и строга ю). Вместе с насыщенной и часто неожиданной рифмой эти слова, тщательно отобранные, искусно друг к другу пригнанные, скрепленные фонетическим сродством, создают впечатление необычайного поэтического совершенства. В рифме, насыщенной консонантизмом и непривычной для слуха, Арнаут Даниэль обычно использует редкие, необычно звучащие слова, с ее помощью соединяя далекие понятия, создающие в ассоциативной связке неожиданное семантическое напряжение. Минорная тональность песен Арнаута, воспевающего «меланхолическую ностальгию по еще не испытанной радости», их изысканный аристократизм, поразительный артистизм — все это является идеальным выражением того стремления к совершенству, которое призвано быть реализованным в самой куртуазной любви. Трубадур вечно гонится за идеалом и никогда его не достигает, как выразил это сам Арнаут в знаменитых строках:

Стал Арнаут ветробором,
Травит он борзых быком
И плывет против течения.

Другой важнейший жанр поэзии трубадуров составляет сирвента — песня, формально строящаяся по образцу любовной кансоны, но отличающаяся от нее тематически. В сирвентах трубадуры обсуждают вопросы религии, морали, политики, в так называемых «персональных сирвентах» — достоинства и недостатки своих покровителей и друг друга. К таким сирвентам примыкает в нашей книге песня, носящая литературно-пародийный характер, — «Галерея трубадуров» Пейре Овернского, в которой этот поэт осмеивает 12 своих собратьев. В продолжение

Сордель. Гравюра XV в., включенная в первое издание «Божественной комедии» (1491)

ее другой трубадур, Монах Монтаудонский, сочинил песню с юмористическими портретами 16 других поэтов (в виде единственного здесь исключения мы ограничились, не рискуя утомлять читателя однообразием, переводом всего двух строф из нее).

Своеобразным вариантом «персональной сирвенты» представляется жанр похвалы, в котором трубадур обращает свою иронию на себя самого, как это делает в последней строфе только что упомянутой сирвенты и Пейре Овернский. Наиболее знаменитое произведение этого жанра — похвальба Пейре Видаля Эн Драгоман, да будь я на коне, в которой он хвастается своим превосходством в делах рыцарства, войны и любви. Все дело упирается в отсутствие коня — эта шутливая песня, собственно, и была сочинена Пейре специально для того, чтобы

намекнуть сеньору Монпелье, графу Гильему VIII, какой подарок хотелось бы ему от него получить.

Разновидностью персональной сирвенты следует считать и форму плача, в котором большое место занимает восхваление достоинств и доблестей оплакиваемого лица — знатного сеньора (нередко бывшего покровителем трубадура), собрата-трубадура, изредка — возлюбленной Дамы. В нашей книге жанр этот представлен плачем Фолькета Марсельского по виконту Барралю, сеньору Марселя, и одною из двух знаменитых песен Бертрана де Борна, оплакивающих смерть «Молодого Короля» Генриха Плантагенета, которого он при жизни подстрекал пойти войной на отца. Весьма интересен плач Сорделя по его покровителю Блакацу, в котором он призывает иных трусливых властителей укрепиться душой, отведав сердца покойного (архетипический мотив «съеденного сердца» вообще получил у трубадуров большое развитие).

Сирвенты на темы морали впервые встречаются у Маркабрюна, одного из ранних трубадуров. Чрезвычайно интересно, что в них почти с момента зарождения куртуазной поэзии оплакиваются падение нравов, упадок куртуазии и вообще всевозможные пороки: в этом сказывается направленность куртуазного мировоззрения на некое идеальное прошлое, которому настоящее противостоит как время деградации и упадка. Такова сирвента Маркабрюна *Н а ч и н а ю б е з о п а с к и*, в которой он вдохновенно обличает Лже-Амора вместе с его служителями.

Обличительный пафос Маркабрюна основывается, конечно, не на приписывавшейся ему «некуртуазности», а, напротив, на самом серьезном отношении к куртуазии. Его концепция любви дуалистична, в ней Лже-Амору — любви ложной, падшей, источнику греха, утвердившемуся в настоящем веке, — противопоставлена любовь истинная, «тонкая», куртуазная. Этот круг идей облечен у Маркабрюна в необычную и трудную форму. Язык песен Маркабрюна резок, часто груб, поэт любит прибегать к вулгаризмам, прозаизмам, загадочным выражениям, смысл которых на фоне куртуазной поэзии не всегда ясен. Тенденция к выбору таких выражений как нельзя лучше сочетается у Маркабрюна с «закрытым», или «темным», стилем, родоначальником которого он является. Этот стиль характеризуется, так сказать, «теснотой идей», известной запутанностью мысли, которая сится выразить себя с помощью необычных сопоставлений, неожиданных метафор и целого набора персонифицированных абстрактных понятий. Сугубо прозаические выражения соседствуют

в нем с аллегорическими, двусмысленными и загадочными образами, которыми вдобавок поэт жонглирует при помощи усложненного синтаксиса.

Сочетание моральной напряженности с «теснотой» выражения сохраняется в сирвентах продолжателей Маркабрюна: Алегрета с его мастерской «песней сухости» и — позднейшего — Гаваудана с его сирвентой «о самом коротком дне года», исполненной изумительной космической образности. Новый подъем подобной поэзии сопровождает последние страницы лирики трубадуров, отозвавшихся яростными сирвентами на вторжение из Северной Франции в Прованс крестоносцев, истреблявших вместе с альбигойской ересью куртуазную культуру. Особенно прославился в эту эпоху своими обличительными сирвентами Пейре Карденаль. В других своих произведениях он, также вполне в духе Маркабрюна, высказывает неприязнь к дамам, любви и куртуазным формулам, потерявшим свое значение и им пародируемым. Такова песня *Любовь я ныне славлю в сласть, где трубадур, иронизируя, славит Амора лишь за то, что тот его оставил, и дальше перечисляет всевозможные куртуазно-поэтические клише, которых ему теперь не надо больше повторять.*

Огромную роль играли в жизни эпохи политические сирвенты, в которых трубадуры — нередко это были сами сеньоры — вели пропаганду в пользу своих сюзеренов, подстрекая к войне или призывая, напротив, к миру, а также стремясь дискредитировать врага. В умелых руках поэта подобные сирвенты являли большую силу и были, конечно же, одним из важных орудий в политической борьбе. Среди таких песен можно назвать «Песнь крестового похода» Фолькета Марсельского, которой нельзя отказать во вдохновенной убежденности. Из числа трубадуров, прославившихся своими политическими сирвентами, самым знаменитым был, несомненно, Бертран де Борн. Его замечательно экспрессивные, исполненные скептического ума военные сирвенты — отличающиеся к тому же великолепным мастерством — вместе с обширными прозаическими комментариями к ним, написанными в XIII в., образуют нечто вроде настоящего исторического романа, главная линия которого — отношения с Ричардом Львиное Сердце. В 10-х годах нашего века в стихотворении «Близ Перигора» Эзра Паунд подведет этим отношениям итог:

...А десять лет спустя иль, может, двадцать
Арнальд* и Ричард в поле под Шалюсом:

* Арнаут Даниэль.

Тень круглых башен над похóдным станом,
Дрожат палатки, коновязь вдали
В укрытье, фиолетовая ночь,
Дым костерков трещащих, знаменосцы,
На знамени ленивый леопард,
Блестит кольчуга тускло, оружейник
Жжет факел над броней.

В тишайшем месте

Они, опять в разбор скандалов старых
Пустившись, слышат вдруг, что мертв де Борн
(Нам с этим слухом жить шесть сотен лет).
Умрет назавтра Ричард — пусть сейчас
Он trobar clus * обсудит с Даниэлем.
«Ковач же лучший», выбрав песню друга,
Завидует, оплакивает стиль,
Хулит талант свой... — Это как хотите.
Потом они беседуют о мертвом.
Плантагенет: «Любил ли он ее?»
Арнальд: «Любил ли вашу он сестру?»
Да. Восхвалял. Но в некотором смысле
Писал хвалу, чтоб показать, что он
Горд быть близ вас, что он был вами принят.
Вы знали, кто он».

«Знали, кто он, — вы».

«Я лишь артист, вы мастер двух ремесел,
С рожденья с ним».

«Что знаем о друзьях мы?»

«Сказать: он видел бой — сказать: любил!»
«Сказать: любил — найти ли ключ к загадке?»
Конец беседе. Ричард утром выйдет,
Свою стрелу получит сквозь забрало,
Простит стрелка, умрет,

спор кончит наш. Арнальд же кончит

«Нетленной славой», как гласит апокриф, —
И это все. Пока не скажет Данте **:

«Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало

* Темный стиль (ст.-прованс.).

** Данте встречается Бертрана де Борна в восьмом круге ада среди зачинщиков раздора (Божественная комедия. Ад. Песнь XXVIII. Пер. М. Л. Лозинского).

Трубадур Бертран де Борн в Дантовом «Аду», несущий отсеченную от тела собственную голову. Гравюра XV в., включенная в первое издание «Божественной комедии» (1491)

В толпе, кружащей неисчетный раз,
 И срезанную голову держало
 За космы, как фонарь, и голова
 Взирала к нам и скорбно восклицала:

”
 Я связь родства расторг пред целым светом,
 За это мозг мой отсечен навек
 От корня своего в обрубке этом:
 И я, как все, возмездья не избег“».

Весьма распространен был между трубадурами и обмен сирвентами: так, на внушительные упреки в измене и военном предательстве, которые Ричард Львиное Сердце бросает Дофину Овернскому, этот последний отвечает дипломатически осторожными оправданиями. Однако область подобных и всевозможных иных споров у трубадуров составляли специальные диалогические жанры, представленные несколькими разновидностями. Речь идет о так называемых прениях — песнях, сочиненных или, во всяком случае, исполняемых двумя певцами, которые, чередуясь от строфы к строфе, обмениваются на протяжении песни своими взглядами.

Существует два основных варианта прений. Первый из них, тенсона, допускает свободное развитие диалога. Таковы тенсоны Пейре Гильема с Сорделем или маркиза Альберта Маласпина с Раймбаутом де Вакейрасом. Другой вариант, так называемый джок партит, или партимен, предусматривает, чтобы трубадур, открывающий прения, задавал тему, сводимую к дилемме, которая и будет обсуждаться в песне, причем собеседники должны придерживаться противоположных взглядов. Так, в интереснейшем партимене, трактующем вопросы приверженности к тому или иному стилю, Ги раут де Борнель требует у Раймбаута Оранского, чтобы тот защищал свою любовь к «простому стилю», тогда как сам обосновывает свои симпатии к «трудной», «закрытой» манере выражения. Другой пример — спор о том, что предпочтительнее: быть мужем Дамы или ее любовником, — спор, который ведет со своим кузенком Ги д'Юссель, причем последний придерживается еретической (с позиций классической куртуазии) точки зрения, отстаивая преимущества брака.

Вполне естественно, что многие прения посвящены тонкостям куртуазной любви, которые в нашей книге обсуждают также Ги раут де Борнель с Аламандой, наперсницей своей возлюбленной, а Мария Вентадорнская — с тем же Ги д'Юсселем. А в споре, который ведет со своей Дамой Аймерик де Пегильян, ее место занимает в последних строфах сам Амор. В нескольких прениях — Сорделя с Бертраном д'Аламаном, Ланфранка Чигалы с Дамой Гильельмой — рассматривается под разными углами проблема, является ли любовь и служение Даме высшим уделом в сравнении со служением рыцарскому долгу и бранной славе.

В жанре тенсоны трубадуры, таким образом, ограничиваются обменом мнений, тогда как партимен может быть полемическим спором. В обоих случаях один из собеседников ставит ту или иную проблему или просто высказывает некоторое суждение во

вступительной строфе; в следующей строфе, повторяющей метрическую структуру и рифмы предыдущей, выражает свое мнение его оппоненту, соблюдая заданную мелодическую схему; дальше снова вступает первый и т. д. Формальная сложность прений свидетельствует против вероятности их импровизированного характера. Некоторые песни, по-видимому, сочинялись и исполнялись по уговору двумя трубадурами, в других авторство второго поэта является фиктивным. Жанр этот, несомненно, уходит своими корнями в архаическую обрядность; в нем весьма сильно обнаруживает себя присущее поэзии трубадуров игровое начало.

К диалогическим жанрам относится также жанр пастурели, своим названием обязанный тому, что героиней его всегда является пастушка. Пастурель обычно открывается описанием встречи рыцаря (чаще всего — самого трубадура, от лица которого ведется рассказ) с пастушкой посреди некоего утреннего идиллического пейзажа. Рыцарь, обычно погруженный в мысли о холодности своей Дамы (призрак ее, например, маячит в замыкающей эту книгу пастурели Гиравта Рикьера), пытается в следующем за вступлением диалоге добиться у пастушки благосклонности. Это отнюдь не всегда ему удается, пастушка нередко (как, например, в пастурели Маркабрюна) отвечает ему с остроумием и иронией. Чаще же всего действие пастурели сводится к словесной дуэли ее участников в остроумном, а иногда и грубоватом диалоге.

Пастурель принято считать «социальным» жанром, в котором аристократический мир встречается с «низшим классом». Суть противопоставления, однако, вовсе не в том. В пастурели встречаются представители не столько противоположных классов, сколько противоположных идеологий — куртуазной и, так сказать, идеологии здравого смысла. Конфликт этих идеологий, рисуемый автором пастурели часто с иронией, представляет собой, по существу, ситуацию Дон Кихота с той разницей, что для трубадура она является только прогулкой, выходом за пределы куртуазного универсума, куда он в любой момент может вернуться. В некоторых отношениях ситуация пастурели представляется обратной к ситуации куртуазной кансоны: рыцарь здесь социально выше «Дамы», с которой он, однако, все равно обращается «по-куртуазному», и в результате этого несоответствия, особенно подчеркнутого в открыто сатирической пастурели Маркабрюна, получает отпор с позиции здравого смысла.

Фигура юной пастушки из пастурели имеет, однако, еще одну важную функцию. Самый ее образ, как бы не вычлененный

из мира природы, связан, вероятно, в какой-то мере с античной традицией пасторальной поэзии. В этой связи особенный интерес приобретает помещенная в нашей книге пастурель «темного» трубадура Гаваудана — блаженный сон, воспоминание о рае певца, заснувшего под деревом возле встретившейся ему прекрасной поселянки. Встреча и безгрешное соединение рыцаря с пастушкой происходит в утопическом, идеализированном, освобожденном от всякого сословного разграничения мире с его букволическими атрибутами, куда рыцарь попадает благодаря волшебному сну, играющему здесь роль *deus ex machina*. В этом магическом мире снимается противоречие идеологий куртуазного рыцаря и пастушки, соответствующее фундаментальному противоречию между идеалом и реальностью куртуазной любви.

Третий существенный жанр, сохранивший элементы диалогических структур, — это жанр альбы, включающий песни, посвященные неизбежности разлуки влюбленных на рассвете, о наступлении которого возвещает сторож или верный друг, всю ночь охранявший место свидания. В композиционном отношении провансальские пьесы этого жанра, который культивировался также немецкими миннезингерами, отличаются обязательным в конце каждой строфы употреблением слова «альба» (заря, рассвет). Диалоги в альбах распределены неравномерно — происходит он то между влюбленными, то слово сначала предоставлено Даме, потом сторожу, в иных альбах — сторожу, потом Даме. В тех же случаях, когда участники альбы не ведут диалога, она может представлять собой драматический монолог либо сторожа или друга, будящего влюбленных и предупреждающего их об опасности, либо Дамы или ее возлюбленного, содержащий жалобу на необходимость расставания. Такова одна из лучших альб — *Дама и друг ее скрыты листвою*, дошедшая до нас без указания на ее автора. Приведена в книге и знаменитая альба Гираута де Борнеля, последняя строфа которой, добавленная каким-нибудь позднейшим жонглером или переписчиком, заключает ответ влюбленного сторожу.

Интересно, что акцент делается в альбе на скрытый характер любовного свидания: именно опасаясь клеветников и ревнивцев, должны влюбленные расставаться на заре. Расставание снова соответствует здесь доминирующей ситуации куртуазной любви, однако в жанре альбы сделана одна существенная уступка. Если в классической куртуазной кансоне эта ситуация заключается вообще в невозможности реализации любовного стремления, то в жанре альбы она сведена к невозможности продления

любовного свидания. Но ситуация осуществленности этой любви, во-первых, выносит этот жанр на периферию куртуазной литературы, во-вторых, сама выносится в приглушенное, темное, молчаливое время суток. Как и в пастурели Гаваудана, осуществление любовного стремления совершается в некоей идиллической, не вполне реальной обстановке, связанной с мотивами сна. То, что не могло бы осуществиться при ярком свете «куртуазного дня», прячется под покровом ночи. Естественно, что возвращение дня делает невозможным продление того, что вообще нереализуемо в куртуазной системе ценностей, возглашающей голосом часового: «Близится утро!»

Подобным образом расшифровывается значение и пространственных категорий, представляющих собой более прямую и непосредственную проекцию куртуазных ценностей в системе координат альбы. Так, башня, служащая местом свидания влюбленных, может быть интерпретирована как некоторое специфически «куртуазное» пространство, в силу этого как бы застывшее во вневременности, в вечном настоящем реализованного любовного соединения, не подлежащем больше обычному течению времени. Вместе с ходом «обычного» времени, тем не менее неизбежно надвигающегося на этот куртуазный остров, на него наступает и агрессивное внешнее пространство социально обусловленного мира, которое в конце концов похищает у Дамы ее возлюбленного.

Мы рассказали о главных жанрах поэзии трубадуров. Заметим, однако, что при всем ее великолепии, роскоши, изысканности поэтическое пространство оставалось почти неподвижным, стихи мостили дорогу, которая была лишь подробностью неизменного ландшафта, по которой никто не ехал, а если и возникал всадник, то в застывшей позе, подсмотренной им на цветных миниатюрах. Движение дожидалось Данте, дикого Данте, как пишет Пушкин. Это для его «Комедии» трубадуры тщательно укладывали по 30×30 строк на одну рифму, чтобы он, выбрав на цельном и гладком настиле участки по 3×3 , всего только и нужные для его бегучих стоп, ступил на эту дорогу, и она двинулась под ним и вместе с ним, как змея, свиваясь в кольца, сжимаясь и разжимаясь на границах терцин.

Но и сами трубадуры ощущали, по-видимому, «стоячесть» своих поэтических вод, старались обрести свободу движений бóльшую, нежели позволял им панцирь канона. В ходе эволюции куртуазной поэзии с ее безграничным стремлением к разнообразию формы они все более тяготели к изобретению оригиналь-

ных жанровых нововведений, которые нередко вообще оставались представленными какой-нибудь единственной инновацией.

Такова прелестная «Песня про „не-знамо-что“» Раймбаута Оранского — сам автор определяет свой эксперимент лишь путем отрицательного перечисления известных форм — «не сир-вентес, не эстрибот, не то, что пели в старину... чего никто никогда не видел, чтобы кто-нибудь сочинил...»; можно сказать, что сюжетом песни вообще является обоснование ее жанровой неотождествимости. Таковы представленные в творчестве Монаха Монтаудонского несколькими песнями энуг и плазер (производные от слов со значением «докука» и «удовольствие») — жанры, в которых трубадур перечисляет соответственно вещи, его раздражающие и вызывающие у него тоску, и другие, его радующие и веселящие (из них мы поместили в книгу пример первого, как более колоритного). Говоря об индивидуальном жанровом творчестве, надо упомянуть разнообразные жанровые эксперименты из наследия Раймбаута де Вакейраса. Это, с одной стороны, жанры фольклорной ориентации — довольно сложная по форме эстампида, восходящая к жанру северофранцузского происхождения, тесно связанному с музыкой и танцем, или же песня Волны высокие, волны кругом, стилизованная под женскую песнь друга, — жанр, необычный для провансальской поэзии, но распространенный в галисийско-португальской, с которой трубадур мог познакомиться в бытность свою в Испании.

Среди жанровых инноваций того же поэта заслуживает внимания, с другой стороны, его галантный и загадочный «Гарлаубей» (конный бой) — описание несколько иного турнира, в котором нужно видеть символизированное сопоставление достоинств нескольких дам, представленных лошадьми (эта достаточно универсальная символика была введена в провансальскую поэзию еще «первым трубадуром» — Гильемом Аквитанским).

Подобные жанровые эксперименты трубадуров, как правило, проникнуты тем духом иронии, игры, шуток, который вообще свойствен их поэзии в самой высокой степени. Мы уже встречались с одним из наиболее выраженных проявлений этого духа в веселом поношении Пейре Овернским и Монахом Монтаудонским своих собратьев-трубадуров. Эта традиция продолжена в нашей книге песней-перебранкой Элиаса д'Юсселя с Гаусельмом Файдитом и шутливой тенсоной маркиза Альберта Маласпина с его придворным трубадуром Раймбаутом де Вакейрасом: маркиз насмеяется над неудачной любовью поэта, а тот обвиняет

его в грабеже на большой дороге, провоцируя этим новые обвинения со стороны маркиза в вымогательстве и слишком больших расходах на содержание трубадуров. Нередко ирония поэта парадоксальным образом обращается на Даму; так, в знаменитой песне о «Составной Даме» Бертран де Борн, попавший у своей возлюбленной в немилость, не найдя другой столь же достойной, создает искусственный образ «синтетической возлюбленной», которой он отныне будет служить, заимствуя для нее лучшие черты у нескольких благородных Дам. В русло несколько иной, антифеминистической традиции вписывается «Песня о злых женщинах» позднего трубадура Сервери де Джироны, содержащая, однако, куртуазную посылку, обращенную к «Даме Сверхдостоинств». Наконец, вместе с образом Дамы характерному «снижению» может подвергаться самая идея любви трубадуров.

В этой связи надо заметить следующее: лирика трубадуров — это высокая поэзия куртуазной любви, составляющей ее суть, ее апофеоз, ее высшее культурное достижение. Но едва ли не с самого момента появления этой поэзии в ней зарождается параллельная струя, в которой господствует кощунственная профанация идеи подобной любви, торжествуют всевозможные игровые мотивы, «снижающие» ее. Таковы в нашей книге иронические «советы влюбленным» Раймбаута Оранского, рекомендующего добиваться любви Дам ударами «кулака по зубам» или вызывая их ревность приглашением в свой дом «тех, чей всем известен позор», или же обсуждение Пейре Гильемом в его тенсоне с Сорделем пикантных деталей его отношений с некоей графиней. Непонимание настоящего значения подобных мотивов долгое время вызывало обвинения трубадуров в цинизме, лицемерии и некотором нездоровом сенсуализме. Истинный их смысл не может быть понят, однако, без обращения к более широкому контексту средневековой культуры.

Подобное снижение, выворачивание наизнанку куртуазных ценностей, с ранних пор сопровождающее высокую лирику трубадуров и, парадоксальным образом, ее обновляющее и питающее, чрезвычайно характерно для средневековой культуры в целом, с ее «пьяными литургиями» и шутовскими праздниками. Все они исполняют сходную функцию: пародируя ценности высокой куртуазной любви, подобные сниженные мотивы этим их возрождают и оживляют, предохраняя от вырождения в пустые окостеневшие схемы, не наполненные живым содержанием. Сниженные, карнавализирующие, пародийные элементы, неотделимые от пронизывающего всю поэзию трубадуров духа игры и

шутки, реализуются в ней в широком спектре выражения — от мягкого юмора до беспощадной сатиры, от безобидной насмешки до рискованного гротеска, обнаруживая то мощное смеховое начало, которое по необходимости дополняет в средневековом сознании тонкости «куртуазной казуистики».

Несмотря на то что поэзией трубадуров Прованса (в меньшей, впрочем, степени, чем современными им легендарными их же жизнеописаниями) вдохновлялись Гейне, Уланд, Кардуччи, поэтических переводов трубадуров на современные языки существует довольно мало. Это несомненно связано не только с исключительной сложностью их языка и версификации или с полным отсутствием в современных языках множества понятий, перенесенных из сферы феодально-вассальных отношений в сферу рыцарского служения Даме. Объясняется это в первую очередь тем, что, несмотря на увлечение трубадурами в эпоху романтизма, ключ к их поэтике, обусловленной средневековыми эстетическими моделями, найден был сравнительно недавно. Лирика трубадуров, определяемая так называемой «эстетикой установленного, эстетикой тождества», ориентирована на поэтику варьирования, поэтику бесконечно разнообразной рекомбинации набора постоянных элементов, заданных в пределах канона. Непонимание этой поэтики, столь чуждой романтизму с его установкой на индивидуальное самовыражение, долго определяло отношение к поэзии трубадуров в целом как «однообразной», «монотонной».

Существует тем не менее известное число поэтических переводов трубадуров на немецкий язык, сделанных в XIX в. Фридрихом Дицем, обратившимся к ним по совету Гёте и ставшим впоследствии знаменитым исследователем в области романских языков; позднее — Паулем Хайзе; в XX в. книгу переводов выпустил Рудольф Борхардт. Во Франции трубадуров переводил поэт-сюрреалист Ж. Рибмон-Дессань. Но самыми совершенными по мастерству и точности являются английские переводы Эзры Паунда, в которых переданы малейшие нюансы наиболее усложненных кансон изысканно-темного Арнаута Даниэля.

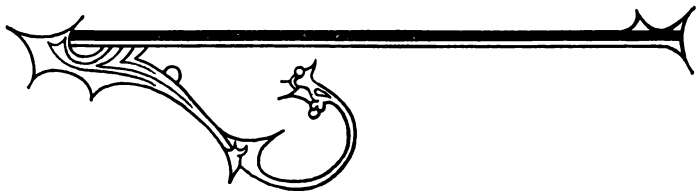
В нашей стране о провансальской поэзии узнали вскоре после того, как вспомнили о ней во Франции. Пушкин писал о трубадурах в 1825 г. Из русских поэтов трубадурами интересовался Блок, читавший их в подлиннике и посвятивший их эпохе пьесе «Роза и Крест», в которой он поместил прекрасный (и точный, хотя и неполный) перевод одной из сирвент Бертрана де Борна. Трубадуров переводили Елизавета Полонская и Б. И. Ярхо,

включивший, вслед за Блоком, переводы и переложения провансальских песен в свою пьесу «Расколотые», главный герой которой — герцог Гильем Аквитанский. Плодом многолетних трудов являются переводы В. А. Дынник, собранные в 23-м томе I серии «Библиотеки всемирной литературы».

Настоящий сборник является наиболее полным собранием поэтических переводов песен трубадуров, изданных на каком-либо языке (речь идет, разумеется, о переводах, точно соблюдающих все формальные особенности каждого провансальского текста).

Мы предлагаем вниманию читателя около ста песен семисот- и восьмисотлетней давности с надеждой, что наша работа окажется небесполезной для ознакомления с творчеством трубадуров, место которых в истории поэтической культуры столь велико.

А. Г. Найман

ГИЛЬЕМ АКВИТАНСКИЙ

Песня ни о чем

Сложу стихи я ни о чем,
Ни о себе, ни о другом,
Ни об учтивом, ни о том,
 На что все падки:
Я их начну сквозь сон, верхом,
 Взяв ритм лошадки.

Не знаю, под какой звездой
Рожден: ни добрый я, ни злой,
Ни всех любимец, ни изгой,
 Но все в зачатке;
Я феей одарен ночной
 В глухом распадке.

Не знаю, бодрствовал иль спал
Сейчас я, — кто бы мне сказал?
А что припадочным не стал,
 Так все припадки
Смешней — свидетель Марциал! —
 С мышонком схватки.

Я болен, чую смертный хлад,
Чем болен, мне не говорят,
Врача ищу я наугад,
 Все их ухватки —
Вздор, коль меня не защитят
 От лихорадки.

С подругой крепок наш союз,
Хоть я ее не видел, плюс
У нас с ней, в общем, разный вкус;
 Я не в упадке:
Бегут нормандец и француз
 Во все лопатки.

Ее не видел я в глаза
И хоть не против, но не за,
Пусть я не смыслю ни аза,
 Но все в порядке
У той лишь, чья нежна краса
 И речи сладки.

Стихи готовы — спрехвала
Другому сдам свои дела:
В Анжу пусть мчится как стрела
 Он без оглядки,
Но прежде вынет из чехла
 Ключ для разгадки.

Песня об удачливой любви

Нежен новый сезон: кругом
Зеленеет лес, на своем
Языке слагает стихи
Всяк певец в листве, как ни мал;
Все проводят в веселье дни,
Человек же — всех больше шал.

Но оттуда, куда влеком,
Нет посланца с тайным письмом —

Ни взыграй душой, ни усни;
Та ль она, какую желал,
Не узнав, останусь в тени;
Прав ли я, пусть решит финал.

Беспокойной нашей любви
Ветвь боярышника сродни;
Нет листочка, чтоб не дрожал
Под холодным ночным дождем,
Но рассвет разольется ал —
И вся зелень вспыхнет огнем.

Так, однажды, в лучах зари
Мы закончить войну смогли,
И великий дар меня ждал:
Дав кольцо, пустила в свой дом;
Жизнь продли мне бог, я б держал
Руки лишь под ее плащом.

Мы с Соседом Милым близки,
А что разные языки —
Ничего: я такой избрал,
Что на нем речь льется ручьем;
О любви пусть кричит бахвал,
Мы ж разрежем кусок ножом.

Прощальная песня

Про то стихи сейчас сложу,
Про то спою, о чем тужу;
Любви я больше не служу —
Знай, Пуату и Лимузен.

В изгнанье отправляюсь я,
Тревог и страха не тая:
Война идет в мои края,
Лишенья сына ждут и плен.

Горька разлука с домом мне,
Мое именье Пуатье
Отдам Фольконовой семье,
Мой милый сын — его кузен.

Но, знаю, будет побежден
Гасконцем иль Анжуйцем он,
Коль не поможет ни Фолькон,
Ни тот, кто выделил мне лен.

Быть должен смел он и суров,
Когда покину я свой кров,
Но слаб он, юн и не готов
Жить средь насилья и измен.

Гнев на меня, мой друг, отринь!
И ты, Христос, прости! Аминь.
Смешав романский и латынь,
В моление не встаю с колен.

Я Радость знал, любил я Бой,
Но — с Ними разлучен судьбой —
Взыскупя мира, пред Тобой,
Как грешник, я стою согбен.

Я весельчак был и не трус,
Но, с богом заключив союз,
Хочу тяжелый сбросить груз
В преддверье близких перемен.

Все оставляю, что любил:
Всю гордость рыцарства, весь пыл...
Да буду господу я мил,
Все остальное — только тлен.

Но вспомните, когда умру,
Друзья, на траурном пиру
То, как я весел был в миру —
Вдали, вблизи, средь этих стен.

Скитальца плащ с собой беру
Собольей мантии взамен.

ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЬ

Песня о дальней любви

Длиннее дни, алей рассвет,
Нежнее пенье птицы дальней,
Май наступил — спешу я вслед
За сладостной любовью дальней.
Желаньем я раздавлен, смят,
И мне милее зимний хлад,
Чем пенье птиц и маки в поле.

Я верой в господа согрет —
И встречу я с любовью дальней.
Но после блага жду я бед,
Ведь благо — это призрак дальний.
Стать пилигримом буду рад,
Чтоб на меня был брошен взгляд,
Прекраснейший в земной юдоли.

Услышать на мольбу в ответ
Жду, что готов приют мне дальний;
Я мог бы, если б не запрет,
Быть рядом с ней и в дали дальней;
Польются наши речи в лад
И близь и даль соединят,
Даря усладу после боли.

Печаль и радость тех бесед
Храню в разлуке с Дамой дальней,
Хотя и нет таких примет,
Что я отправлюсь в край тот дальний:
Меж нами тысячи лежат
Шагов, дорог, земель, преград...
Да будет все по божьей воле!

Даю безбрачия обет,
Коль не увижусь с Дамой дальней,
Ее милей и краше нет
Ни в ближней нам земле, ни в дальней.
Достоинств куртуазных клад
Сокрыт в ней — в честь ее я рад
У сарацинов жить в неволе.

С Творцом, создавшим тьму и свет,
Любви не позабывшим дальней,
Я в сердце заключил завет,
Чтоб дал свиданье с Дамой дальней,
Чтоб стали комната и сад
Роскошной каменных палат
Того, кто ныне на престоле.

Мой только тот правдив портрет,
Где я стремлюсь к любви дальней.
Сравню ль восторги всех побед
С усладою любви дальней?
Но стать горчайшей из утрат —
Ибо я крестным был заклят —
Ей предстоит. О злая доля!

О сладость горькая утрат!
Будь крестный мой врагом заклят!
Страсть без ответа — что за доля!

МАРКАБРЮН

*Пастурель, в которой сеньор
соблазняет пастушку, но та
защищается с большим
достоинством и искусством*

Как-то раз на той неделе
Брел я пастбищем без цели,
И глаза мои узрели
Вдруг пастушку, дочь мужлана:
На ногах чулки белели,
Шарф и вязанка на теле,
Плащ и шуба из барана.

Я приблизился. «Ужели,
Дева,— с губ слова слетели,—
Вас морозы одолели?»
«Нет,— сказала дочь мужлана,—
Бог с кормилицей хотели,
Чтобы я от злой метели
Становилась лишь румяна».

«Дева,— я сказал,— отрада
Вы для рыцарского взгляда,
Как и крепкая ограда
Я для дочери мужлана;
Вы одна пасете стадо
Средь долин, терпя от града,
Ливня, ветра и бурана».

«Дон,— в ответ она,— измлада
Знаю я, чего мне надо;
Чары ваших слов — привада,—

Мне сказала дочь мужлана,—
Для таких, кто ценность клада
Видит в блеске лишь; услада
Их — вдыхать пары дурмана».

«Дева, вы милы, пригожи,
С дочерью сеньора схожи
Речью — иль к себе на ложе
Мать пустила не мужлана;
Но, увы, я девы строже
Вас не видел: как, о боже,
Выбраться мне из капкана?»

«Дон, родня моя — ни кожи,
Если всмотритесь, ни рожи,
Их удел — кирка да вожжи,—
Мне сказала дочь мужлана,—
Но творить одно и то же
Каждый божий день — негоже
И для рыцарского сана».

«Дева, в вас видна порода,
Одарила вас природа,
Словно знатного вы рода,
А совсем не дочь мужлана;
Но присуща ль вам свобода?
Не хотите ль, будь вы подо
Мной, заняться делом рьяно?»

«Ваши речи полны меда,
Но, сеньор, такого рода
Куртуазность — ныне мода,—
Мне сказала дочь мужлана.—
Прячет ваш подход невзгоду,
Так что: ходу, дурень, ходу!
Иль вам кажется, что рано?»

«Дева, этот тон суровый,
Этот ваш ответ бредовый
Не пристал ничуть здоровой
Духом дочери мужлана;
Вежество пускай основой

Станет нам для дружбы новой
Без взаимного обмана».

«Дон, лишь вовсе безголовый
Соблазняет нас обновой —
Мил сеньор, служить готовый, —
Мне сказала дочь мужлана. —
Но за этот дар грошовый
Шлюхой числиться дешевой?!
Нет, наград не стоит рана!»

«Дева, связан мир рутиной —
Со своею половиной
Ищет встречи всяк: мужчиной
Я рожден, вы — дочь мужлана;
Мне теперь не луговинной,
Но влекущую пучиной
Эта кажется поляна».

«Дон, но следствие с причиной
Связано, дурь — с дурачиной,
Вежество — с учливой миной,
И с мужланом — дочь мужлана;
Золотою серединой
Курс держать, борясь с судьбиной, —
Вот суть жизненного плана».

«Дева с благостной личиной,
Знать, за логикой змеиной
Вы не лезли в глубь кармана».

«Дон, тревожен крик совиный;
Тот — ждет манны; пред картиной
Этот — в позе истукана».

Песня о превратностях любви

Начинаю без опаски
И, как водится, с завязки
Ладные на вид побаски:
— Разумей! —
Кто живет не по указке
Доблести — по мне, злодей.

Юность никнет, чахнет, тает,
А Любовь налог взимает
С тех, кто в плен к ней попадает:
— Разумей! —
Свой оброк издольщик знает,
И послушаться не смей.

Искоркой Любовь сначала
Тлеет в саже, от запала
Сушь займется сеновала:
— Разумей! —
И когда всего обстало
Пламя, гибнет ротозей.

Знаю я Любви повадки:
Здесь — радушье, там — загадки,
Здесь — лобзанья, там — припадки:
— Разумей! —
А начни играть с ней в прятки,
Станет линии прямей.

Прямо шла ее дорожка,
Ныне скривлена немножко,
Ну, а там заглохнет стежка:
— Разумей! —
Острым язычком, как кошка,
Лижет, чтоб куснуть верней.

Вынув мед из воска, может
Позабыть, чьи соты гложет;
Грушу чистит — не предложит:
— Разумей! —
Но, как лира, слух тревожит
Тем, кто хвост прищемит ей.

Заедино с чертом брешет
Тот, кто Лже-Амора тешит,
Кнут один бока им стешет:
— Разумей! —
Он — как тот, кто шкуру чешет,
Плоть сдирая до костей.

Род Любви куда как скромн,
Список жертв ее огромен,
Обольститель вероломен:
— Разумей! —
Сам мудрец рассудком темен
Выйдет из ее сетей.

Плюс — Любовь, сродни кобыле,
Хочет, чтоб за ней следили
И накручивали мили:
— Разумей! —
Тош иль жирен, слаб иль в силе —
Все равно: скачи быстрее!

Мною взгляд ее испытан,
Вовсе слеп или косит он;
Ядом мед речей пропитан:
— Разумей! —
Пусть ужал ее засчитан
За пчелиный — жар сильнее.

Кто свой путь по жизни свяжет
С женщиной — себя накажет,
То же и Писанье скажет:
— Разумей! —
Время бед на тех возляжет,
Кто не чтит прямых путей.

Маркабрюн отцом был зачат
Под звездой, чья воля значит,
Что Любовь, любя, дурачит:
— Разумей! —
Он себя от женщин прячет
И любовных чужд затей.

*Песня, в которой трубадур
утешает деву, чей возлюбленный
отправился в крестовый поход*

Близ родника, средь сада, где в
Тени белеющих дерев
Звучал ликующий напев,
Я, вешней свежестью дыша,
На пышную траву присев,
Узрел стройнейшую из дев,
Чей зов мне скрасил бы досуг.

Владельца замка дочь, она
Была здесь без друзей, одна;
Я, все, чем радостна весна,
Открыть прелестнице спеша,
Хотел сказать ей, как нежна
Листва и песня птиц звучна;
Она ж переменялась вдруг.

Пролились слезы, как родник,
И бедный вымолвил язык:
«О Иисус, сколь ты велик!
Тобой уязвлена душа:
Ты оскорблен был, но привык
Столь к поклонению, что вмиг
Находишь для отмщенья слуг.

Мой друг, чей благороден нрав,
Чей вид изыскан, величав
И смел, сейчас летит стремглав
К тебе, тем сердце мне круша;
Ах, знать, Людовик был не прав,
Их проповедью в бой подняв,
Коль мучит душу мне недуг».

Я, жалоб выслушав поток
Под лепет струй, сказал: «Упрек
Ваш лишь гневит напрасно рок;
Красавица, жизнь хороша;
От слез тускнеют краски щек;

Тот, кто в листву леса облек,
Избавить может вас от мук».

Она ответила: «Сеньор,
Я верю, будет не в укор
Мне этот хульный разговор:
„Бог, как от всех, кто жил греша,
В той жизни от меня свой взор
Не отвратит — но до тех пор
Как жить, когда далеко друг?“»

АЛЕГРЕТ

*Песня
о губительном влиянии «сухости»*

Природа в распаде: стал сух
Поивший растенья родник,
Мутнеет окрестности лик,
Дым виснет в древесной сени;
Уныние застит блиставший взор
И пения птицы не ловит слух,
Как будто на мир напустили мор.

Хоть жив мой рассудок, но сух:
Хирея от низких интриг
Злой скаредности, он поник
В тени ее мрачной тени;
Скупцов не жжет ни мольба, ни укор:
Не будет плода, коль цветок пожух,
И честным не станет тот, кто хитер.

Пусть юн, но и вял он, и сух,
И жить в вожделье привык,
И, в храбрости каюсь, он сник,
И рот его в злобной пене;
Кто храбр только на́ день, увы, тот хвор:
Коль дело пошло, но к концу потух
Пыл благородный, весь замысел — вздор.

Скаредности характер сух:
Столь к злу в ней стремителен сдвиг,
Что Щедрость издать не успеет крик,
Как вся уж в крови и тлене;

Корыстолюбия большой напор
Чувствует тот, кто богат: чтобы вслух
«Да» не сказать, рот замкнул на запор.

Внешне и внутренне сух
Скаред в деле, но если пшик —
Дело, он обнаружит шик:

Платит ничем долг и пени;
Их тысячи — тех, чья участь позор,
Однако хранит благородный дух
Над Западом властвующий сеньор.

Ибо душой ни вял, ни сух
Самый храбрый из ста владык,
Многих он на подвиг подвиг,
Он щедр на лены, чужд лени;
Нет крепче, чем сердце его, опор;
Для Чести — пусть слышит всяк, кто не глух! —
Им Доблести предоставлен простор.

Вежества путь кремнист и сух,
Ибо спрос у мужей возник
На супруг, дефицит велик,
Плюс из-за измен при обмене
На лбу навек вырастает бугор:
Чаш слишком мало на столько питух,
Пьют из одной с обворованным вор.

Кончу стихи, язык их сух,
Но кто говорит, что он дик,
Тот сути его не постиг,
Ибо, песню словами пеня,
Изящных от грубых я вел отбор:
Пусть знает глупец, чей испорчен нюх,
Что Алегрет соблюдет договор.

Песнь, всем ответь, кто с тобой ищет ссор,
Что слов таких знаешь ты больше двух,
Чьи смыслы друг с другом вступают в спор.

БЕРНАРТ ДЕ ВЕНТАДОРН

Песня

о полной зависимости от Дамы

Мчит часы, и дни, и годы
Время вспять, и вбок, и вдаль,
Я ж у моря ждать погоды
Обречен — дождусь едва ль:
Онемевший, истомленный
Перед самой непреклонной
Из жестокосердых Дам.

Ей — веселье, мне — невзгоды,
Ей — потеха, мне — печаль.
Сел играть я ей в угоду,
Проигрался — ей не жаль.
Знай, отвергнутый влюбленный,
Что в любви неразделенной
Гибель ждет тебя иль срам.

Я хулить себя по праву
Должен, коль на то пошло:
Тоже выдумал забаву —
Ей служить, себе во зло.
Да, но будь она добрее,
Я б сошел с ума быстрее,
Ибо: «Счастье дуракам!»

Мне учиться не по нраву
Дольше пенью у Эбло,
Так как лишь дурную славу
Мне приносит ремесло;
Толку в этой нет затее:

Все несчастны грамотей,
И удачи нет певцам.

Хоть тоска мне сердце ранит,
На губах играет смех.
Вряд ли каяться кто станет
За несовершенный грех.
Я взмолюсь — лишь злее мучит;
Что же, если не наскучит
Это ей — уйду я сам.

Только пусть меня поманит,
Стану я счастливей всех;
Хоть она с решеньем тянет,
Я надеюсь на успех;
Ибо, как Писанье учит,
День, который нас улучшит,
Равен ста обычным дням.

Всей душою, постоянно
Быть хочу я с ней вдвоем:
Семя мечется, коль рано
Жизни зародиться в нем.
И за то, что безучастна,
Укорять любовь опасно:
Что, как явит милость нам?

О любовь, как ты желанна:
Гибок стан и невесом,
Свежее лицо румяно —
Так задумано Творцом!
Жив я тем, что ежечасно
Надо мной она лишь властна.
Прочее — ненужный хлам!

Дама нежная прекрасна,
И столь чудного соблазна
Я лишить себя не дам!

*Песня, рассуждающая о том,
стоит ли делиться Дамой
с другим*

Дайте, сеньоры, совет,
Вы ходите в мудрецах:
Ко мне после стольких лет
Успех в любовных делах
Пришел — я Дамой любим,
Но вместе, увы, с другим,
Ничье мне не тяжело
Так общество, как его.

Рассматривая предмет
И так и сяк, я исчах,
Не зная, в чем больший вред,
Любить ли с ним на паях
Иль с ней делиться своим
Горем — вопрос нерешим:
Хоть это делай, хоть то —
Все будет нехорошо.

Любовь мою станет свет
Позорить на всех углах,
С презреньем украсив портрет
Короной о двух рогах;
А буду Дамой гоним —
Нищ стану, как пилигрим,
Лишиться б тогда всего,
И дара петь самого.

Вся жизнь моя — темный бред,
И ждет ее полный крах,
Не выбери из двух бед
Я меньшей: или в руках
Иметь, что не взято им,
Иль все упустить, как дым,—
Любовь утверждает, что
Неверным в ней не везло.

Что для нее мой запрет,
Когда ей мил вертопрах;

Но в снятье запрета нет
Причины иной, как страх.
Служа столько лет и зим,
Усердьем горжусь таким;
Было б вознаграждено
Прощенное мною зло.

Жар, коим был я согрет,
И ныне в ее глазах,
Но льется другому вслед,
Я предан, брожу впотьмах;
И все ж в толпе отличим
Я ею: взглядом пустым
На меня она смотрит — но
Не так, как на большинство.

Шлю за приветом привет
(Перо омочив в слезах)
Той, пред которой весь свет
И вся красота — лишь прах.
Я памятью злой томим:
Как мы, прощаясь, стоим
И прячет она лицо,
Чтоб не сказать ничего.

Дама, мы связь утаим
От всех; а на людях с ним
Будьте — храня для него
Лишь куртуазное мо.

Гарсьо, давай сочиним
И Вестнику отдадим
Песнь, чтобы что суждено
Скорее произошло.

ПЕЙРЕ ОВЕРНСКИЙ

*Песня о том,
как в любви наступила зима*

Короток день и ночь длинна,
Воздух час от часу темней;
Будь же, мысль моя, зелена
И плодами отяжелей!

Прозрачны дубы, в ветвях ни листа,
Холод и снег, не огласится дол
Пением соловья, сойки, клеста.

Но надежда мне все ж видна
В дальней и злой любви моей:
Вставать одному с ложа сна
Горько тому, кто верен ей;
Радость должна быть в любви разлита,
Друг она тем, кто тоску поборол,
И тех бежит, в чьих сердцах темнота.

Мне ль не знать, что любовь вольна
И толстить, и худить людей:
Тем — полезна, этим — вредна,
Этот — смейся, тот — слезы лей;
Дар любви — ничьим другим не чета:
Не так желанен шотландский престол
Мне был бы, как от нее — нищета.

Мною проиграна война,
Ибо можно ли быть правей
Той, кем доблесть обновлена?
В ней источник моих скорбей:

Прикажет молчать — не открою рта,
И то боясь потерять, что нашел.
Забиться бы — так гнетет маета.

Но стань ко мне Дама нежна
В меру учтивости своей,
Буду вознагражден сполна
За лишения этих дней;
Ни лесть не мила мне, ни суета:
Не как влюбленный себя я повел,
Но ждать признанья готов лет до ста.

Коль достоинств ее казна
Всех сокровищ мира ценней,
То, приблизься ко мне она,
Стану первым из богачей;
Зато, в роли нищего иль шута
Прежде не быв, мог бы смешон и гол
Стать — по мановенью ее перста.

В ней с весельем совмещена
Сладость куртуазных затей;
Радостью сверходарена,
Властелинов она славней;
Слуги ее — вежество и красота:
Урожай служенья любви тяжел,
Сама же любовь, как снега, чиста.

Я верю, нельзя покидать места,
Где больше, чем Францию, ты обрел,
Когда молвили «да» ее уста.

Аудрик, песня Овернца проста:
Претят ему те, кто в любви отцвел,
Как пышный бутон, чья завязь пуста.

*Песня, в которой
трубадур живописует
двенадцать своих собратьев,
а в последней строфе — себя*

Трубадуrows прославить я рад,
Что поют и не в склад и не в лад,
Каждый пеньем своим опьянен,
Будто сто свинопасов галдят:
Самый лучший ответит навряд,
Взят высокий иль низкий им тон.

О любви своей песню Роджьер
На ужасный заводит манер —
Первым будет он мной обвинен;
В церковь лучше б ходил, маловер,
И тянул бы псалмы, например,
И таращил глаза на амвон.

И похож Гираут, его друг,
На иссушенный солнцем бурдюк,
Вместо пенья — бурчанье и стон,
Дребезжание, скрежет и стук;
Кто за самый пленительный звук
Грош заплатит — потерпит урон.

Третий — де Вентадорн, старый шут,
Втрое тоньше он, чем Гираут,
И отец его вооружен
Саблей крепкой, как ивовый прут,
Мать же чистит овечий закут
И за хворостом ходит на склон.

Лимузинец из Бривы — жонглер,
Попрошайка, зато хоть не вор,
К итальянцам ходил на поклон;
Пой, паломник, тyani до тех пор
И так жалобно, будто ты хвор,
Пока слух мой не станет смягчен.

Пятый — достопочтенный Гильем,
Так ли, сьяк ли судить — плох совсем,

Он поет, а меня клонит в сон,
Лучше, если б родился он нем,
У дворняги — и то больше тем,
А глаза взял у статуи он.

И шестой — Гриомар Гаузмар,
Рыцарь умер в нем, жив лишь фигляр;
Благодетель не больно умен:
Эти платья отдав ему в дар,
Все равно что их бросил в пожар,
Ведь фигляров таких миллион.

Обокраден Мондзовец Пейре,
Приживал при тулузском дворе, —
В этом есть кургуазный резон;
Но помог бы стихам и игре,
Срежь ловкач не кошель на шнуре,
А другой — что меж ног прикреплен.

Украшает восьмерку бродяг
Вымогатель Бернат де Сайссак,
Вновь в дверях он, а выгнан был вон;
В ту минуту, как де Кардальяк
Старый плащ ему отдал за так,
Де Сайссак мной на свалку снесен.

А девятый — хвостун Раймбаут
С важным видом уже тут как тут,
А по мне, этот мэтр — пустозвон,
Жжет его сочинительства зуд,
С жаром точно таким же поют
Те, что наняты для похорон.

И десятый — Эбле де Санья,
Он скулит, словно пес от битья,
Женолюб, пострадавший от жен;
Груб, напыщен, и слыхивал я,
Что, где больше еды и питья,
Предается он той из сторон.

Ратным подвигам храбрый Руис
С давних пор предпочтя вокализ

Ждет для рыцарства лучших времен;
Погнут шлем, меч без дела повис —
Мог тогда только выиграть приз,
Когда в бегство бывал обращен.

И последний — Ломбардец-старик,
Только в трусости он и велик;
Применять заграничный фасон
В сочинении песен привык,
И хоть люди ломают язык,
Сладкопевцем он был наречен.

А про Пейре Овернца молва,
Что он всех трубадуров глава
И слагатель сладчайших кансон;
Что ж, молва абсолютно права,
Разве что должен быть лишь едва
Смысл его темных строк прояснен.

Пел со смехом я эти слова,
Под волынку мотив сочинен.

МОНАХ МОНТАУДОНСКИЙ

*Песня, добавляющая сведений
к предыдущей*

.
Славен также Гираут ло Рос,
Он чужие стихи преподнес
Как свои — и ничуть не смущен;
Перед сыном Альфонсовым нос
Задирает — мол, я перерос
Тех, чьей милостью был вознесен.

.
.
Из последних же — Пейре Видадь:
Членов многих нехватка, и жаль,
Что язык его не посребрен;
Что он сын скорняка — не печаль,
То печаль, что он дурень и враль;
Рыцарь доблестнейший всех времен.

.

РАЙМБАУТ ОРАНСКИЙ

*Песня о поведении,
ведущем к успеху у дам*

Я совет влюбленным подам,
Но забочусь не о своем,
Ибо к лести глух и хвалам,
Касательно ж собственных драм
Не обмолвлюсь сам ни словцом;
И солгать не даст мне Amor,
Что слугою был верным самым
Я ему, услужая дамам.

Воздыхателям-простакам
Сложный курс науки о том,
Как любимым стать, преподам,
Чтоб, внимая моим словам,
К цели шли они пряником;
Вздернут будь или брошен в костер
Тот, кто речь мою глушит гамом!
Всяк учись по моим программам!

Те владеют сердцами дам,
Тех любезный встретит прием,
Кто сумеет дерзким речам
Дать отпор, то бишь по зубам
Дать как следует кулаком;
Угрожая, не бойтесь ссор!
С несговорчивой — будьте хамом!
Благо кроется в зле упрямом.

Чтобы путь проложить к сердцам
Лучших, действуйте только злом:

Дайте волю дурным словам,
Грубым песням и похвальбам;
Чтите худших; вводите в дом
Тех, чей всем известен позор, —
Словом, дом свой покройте срамом,
Чтоб не стал кораблем иль храмом.

Этим следуя образцам,
Преуспеете! Я ж в другом
Плане действую, ибо там,
Где лукавите вы, я прям,
Мягко, верен, честью ведом,
Вижу в женщинах лишь сестер —
И... подобным увлекшись хламом,
Я приблизился к страшным ямам.

Вы избегнете этих ям,
Но, поняв, что я стал глупцом,
По моим найдите следам,
Поступайте же, как я вам
Заповедал, не то потом
Чувство вас возьмет на измор;
Да и я наглецом упрямым
В дом приду к самым милым дамам.

Выдам всем сестрам по серьгам,
Ибо я с тех пор не влеком
Ни к которой, увы, из дам,
Как Мой Перстень наделся сам
Мне на палец... Молчи о том,
Мой язык! Не суйся! Позер
Жизнь кончает увенчан срамом!
Нет во мне пристрастья к рекламам.

Это знает Милый Жонглер —
Та, что мне не пометит шрамом
Сердца, ибо не склонна к драмам.

Ей pošлю стихи — курс тем самым
На родной мой Родес задам им.

Песня про «не-знамо-что»

Сеньоры, вряд ли кто поймет
То, что сейчас я петь начну,
Не сирвентес, не эстрибот,
Не то, что пели в старину,
И мне неведом поворот,
В который под конец сверну,
чтобы сочинить то, чего никто никогда не видел сочиненным ни
мужчиной, ни женщиной, ни в этом веке, ни в каком прошедшем.

Безумным всяк меня зовет,
Но, петь начав, не премину
В своих желаньях дать отчет,
Не ставьте это мне в вину;
Ценней всех песенных красот —
Хоть мельком видеть ту одну.

И могу сказать почему: потому что, начни я для вас это и не до-
веди дело до конца, вы решили бы, что я безумен: ибо я предпоч-
ту один сол в кулаке, чем тысячу солнц в небе.

Я не боюсь теперь невзгод,
Мой друг, и рока не кляню,
И, если помощь не придет,
На друга косо не взгляну.
Тем никакой не страшен гнет,
Кто проиграл, как я, войну.

Все это я говорю из-за Дамы, которая прекрасными речами и дол-
гими проволочками заставила меня тосковать, не знаю зачем. Мо-
жет ли быть мне хорошо, сеньоры?

Века минули, а не год
С тех пор, как я пошел ко дну,
Узнав, что то она дает,
За что я всю отдам казну.
Я жду обещанных щедрот,
Вы ж сердце держите в плену.

Господи, помилуй! *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti!*
Дама, да что же это получается?

Вы — бед и радостей оплот,
Я песню ради вас тяну;
Еще с тремя мне не везет —
Вас четверо на всю страну;

Я — спятивший жонглер, я — тот,
Кем трогаете вы струну.

Дама, можете поступать как вам угодно, хоть как госпожа Айма
со своей рукой, которую она кладет, куда ей нравится.

«Не-знамо-что» к концу идет —
Так это окрестить рискну;
Не знаю, точен ли расчет
И верно ль выбрал я длину;
Мне вторящий — пускай найдет
Здесь сладостную новизну;

если же его спросят, кто это сочинил, он может сказать, что тот,
кто способен все делать хорошо, когда захочет.

Обратная песня

Светлый цветок перевернут,
Он на холмах и на скалах
Вырос под мертвые трели
Среди оголенных прутьев;
Зимний цветок это — наледь,
Может кусаться и жалить,
Но зелень моя весела
При виде увядшего зла.

Все в мире перевернул я,
Стали долиною скалы,
Гром отзывается трелью,
Покрылись листьями прутья,
Цветком прикинулась наледь,
Стуже — тепла не ужалить,
И так моя жизнь весела,
Что больше не вижу я зла.

Люди, чей мир перевернут
(Будто росли они в скалах),
Могут унять свои трели
Лишь под угрозою прутьев,
Мутны их речи, как наледь,
Каждый привык только жалить,

Тем больше их жизнь весела,
Чем больше в ней сделано зла.
И вас бы перевернул я,
Целуя, — пусть видят скалы!
Для вас рассыпаюсь трелью,
Хоть взор ваш — хлесткие прутья.
Не могут ни снег, ни наледь
Больней, чем бессилье, жалить;
Что ж, доля не весела,
Но к вам не питаю я зла.

Я словно был перевернут,
Блуждая в полях и скалах;
Меня не трогали трели,
Как школьника — связка прутьев;
Я горевал, будто наледь
Стала и впрямь меня жалить,
Но жизнь — видит бог — весела,
Хоть лжец и принес много зла.

Так песню перевернул я,
Что ей не преграда скалы;
Пусть зазвенит она трелью,
Пусть зацветут ее прутья,
Пред Дамой моей — пусть наледь,
Подтаяв, не станет жалить,
Хорошая песнь — весела,
Затем что чурается зла.

О Дама, любовь весела
И тщетны усилия зла.

Не так уж душа весела,
Жонглер, и хула моя — зла.

**ЛИНЬАУРА —
ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЛЬ**

*Песня-тенсона двух трубадуров
о преимуществах и недостатках
«темного» и «легкого» стилей*

Вижу, что вам, Гираут де Борнель,
Претит темный стиль — но почему?
Нельзя, в творенье видя лишь тьму,
 Винить творца;
 Чернь без лица
Если я публикой назову,
Не лучше ль вспомнить про трын-траву?

Эн Линьяура, я всякую трель
Услышу с радостью и приму;
Но желал бы себе самому
 Жалом словца
 Трогать сердца;
Пусть простоватым я прослыву,
Но на том стою и тем живу.

А я, Гираут, преследую цель
Так сочинять, чтоб было чему
Тонкому радоваться уму.
 Нам ли венца
 Ждать от глупца?
Я не ценю людскую молву
И по течению не плыву.

Линьяура, не сесть бы нам на мель!
Недолго жизнь превратить в тюрьму,

Если прислушиваться ко всему
И без конца
Ждать мудреца,
Что с пониманьем склонит главу,
Одолев в вашей книге главу.

Гираут, высокое взяв за модель,
Еще выше его подниму,
И мне признание ни к чему;
Вряд ли грязца
Найдет купца;
Золота с солью не верь родству —
То же и в песне, по существу.

Линьяура, мне эта параллель
Сердце прожгла, подобно клейму;
Но мер никаких не предприму,
Коль хрипотца
Мучит певца,
И петь другого не позову,
Ведь я слагал не гимн божеству.

Гираут, мы развели канитель,
А каков предмет — в толк не возьму,
И даже имя забыл потому
Родного отца;
Мне ж нравится
Стремиться всегда лишь к естеству,
Так что уж лучше я спор прерву.

Линьяура, та, которой досель
Служу я, вдруг заперлась в дому,
Конец мой близок — я рад ему:
Для мертвеца
Двери дворца
Откроются как по волшебству,
Так к ней приду я на randevу.

Гираут, я во сне и наяву
Буду ждать вас назад к Рождеству.

Линьяура, я беду наживу,
К пышному опоздав торжеству.

ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЛЬ

*Песня, в которой трубадур просит
наперсницу своей жестокосердой
возлюбленной защитить его перед нею*

«Друг милый Аламанда, как в тумане,
Я обращаюсь к вам, узнав о плане
Сеньоры вашей, что, меня тираня,
Жила и вот сейчас стоит на грани
Злодейства, ибо ею же в обмане

Я обвинен:

Уверен, что в неравной этой брани
Останусь побежден».

«Гираут, ради бога, чем заране
Сдаваться, меры приняли б к охране:
Страсть требует от вас посильной дани,
То есть согласия в том и этом стане —
Пусть Дама приравняет холм к поляне,

Ответьте в тон,

Что есть, мол, радость и в сердечной ране
И счастьем вызван стон».

«Вы судите не как иные дуры,
К тому ж прелестны, юны, белокуры;
Жизнь чуть добрей — вы рады, злее — хмуры,
Но не милы мне ваши каламбуры,
И вывертом судебной процедуры

Я удручен:

По мне, уж лучше падать с верхотуры,
Чем ехать под уклон».

«Удачней, чем моя, кандидатуры,
Клянусь, вам не сыскать — а мне фигуры
Смешней, чем ваша: ходите понуры,
Твердя о пустоте моей натуры;
Ну что ж, в любви я против диктатуры,
Претит ей гон,
И лучше тихо заводить амуры,
Чем поднимать трезвон».

«Не будьте, дева, так глупы и серы
И не касайтесь вам далекой сферы!
Она ведет себя, как лицемеры!
По-вашему, у всех ко мне нет веры —
Нет, передан от Дамы Беренгеры
Мне был поклон!
Я вас ударю, коль и впредь без меры
Так буду оскорблен».

«Поскольку вы цеплялись за химеры,
Крушенье вашей, господин, карьеры
Приобрело огромные размеры;
Иль нужно вам перечислять примеры
Того, как, с нею ссорясь, кавалеры
Несли урон?
Тот, у кого столь дерзкие манеры,
Как ваши,— обречен!»

«Красавица, мое бунтарство мнимо,
Поддержка ваша мне необходима:
Устройте, коль ошибка поправима
И коль любовь, как мною, вами чтима,
Чтоб в результате вашего нажима
Я был прощен;
Ведь если эта мука будет длима,
Конец мой предreshен».

«Зло, эн Гираут, было б одолимо,
Будь ваше поведение извинимо:
Но вами, говорят, была любима
Та, что и в платье с этой несравнима
И без; с тех пор она неумолима
И свой резон

Блюдет: не видя вас, проходит мимо,
А то и гонит вон».

«Просите ж за меня неутомимо,
Ведь я теперь учен!»

«Да будет вами впредь любовь хранима —
Суров ее закон».

*Песня о сновидении,
которому суждено свершиться*

Все время хочет мой язык
Потрогать заболевший зуб,
А сердце просится в цветник,
Взор тонет в неге вешних куп,
Слух — в томном сладострастье
Птиц, о любви такой трезвон
Поднявших, что, хоть удручен
Я был бы, хоть в несчастье,
При взгляде на лесистый склон
Вновь стану к жизни возвращен.

Жизнь — песен и услад родник,
Я по природе жизнелюб;
Мне снился сон, и в первый миг
Смех радостный сорвался с губ:
Сел на мое запястье
Изящный ястреб-птицегон,
Казалось, будет он взбешен,
Не стерпит чужевластья,
А вышло, что и ласков он
И тонкостям ловить учен.

Сколь сон ни темен был и дик, —
Суть выколупав из скорлуп,
Мой господин его постиг
И подал так, что стал мне люб:

Любовное ненастье
Пройдет, очистив небосклон,—
Я — будь соперник хоть барон —
 Достигну полновластья,
Всем оказавшись предпочтен,
Кто был любим или влюблен.

Проснувшись, я в тоске поник,
Скорбел, стал бездыхан, как труп,
Считал, что мой сеньор — шутник,
Что сон — безумен, сонник — туп,
 И все ж не без пристрастья
Тому подыскивал резон,
Что вскоре понести урон
 Должно мое злосчастье,
И верил, что свершится сон
Точь-в-точь как был мне возвещен.

Тогда, веселья поставщик,
На песни я не буду скуп;
Столь резок будет сердца сдвиг,
Что сам спадет засохший струн,
 Судьбу не стану клясть я,
Мной будет вестник снаряжен,
А получу ль в ответ поклон —
 Не знаю: соучастье
Мне нужно — строить бастион
Нельзя, коль бут не подвезен.

Сложив подстенье, камни встык
Кладя, с уступа на уступ
Взбираясь, зодчий форт воздвиг:
Порядку служащий — не глуп;
 Я к рыцарству причастье
Тем подтверждаю, что верный тон
Найду и музыку вдогон
 Стихам пошлю на счастье,
Чтоб наслажденьем напоен
Слух Дамы был — и побежден.

Коль за морем кто из владык
Вдруг миру объявил всему б,

Что я предатель и двойник,
Умом коварен, сердцем груб
 И принимал участие
В натравливании сторон,—
Я б меньший потерпел урон,
 Чем ныне от бесстрастья
Белейшей среди прекрасных жен,
Чьим гневом все ж я обелен.

Нет к тем, кем мой словарь сочтен,
 Во мне подобострастья:
С закрытых слов не снял пелен,
Однако смысл их просветлен.

Тем самым, вам был ключ вручен
К темнотам спетых мной кансон.

*Песня, в которой трубадур,
оставленный Дамой,
сетует на судьбу*

Звучанье радостных строк
И смех победят истому,
Хоть я от счастья далек;
 Но скучно и ей
 От нежных затей —
Зачем же мне изощряться
 В искусстве речей:
 Что ж, тронув струну,
 Я песню начну —
 И зубы сомкну,
 Чтоб зря не звучала:
 Увы, сулит мало
 Певучий слог
 Веселья и благ —
Нет тех, кто был весел и благ.

Средь горестей путь пролег,
Поскольку замыслу злomu
Подругу выучил рок;
 Безумье тем злей,
 Чем сердцу трудней
Жестоккой сопротивляться;
 Впредь буду смирей,
 Стерплю, ускользну
 От ссор и верну
 Любви новизну,
 Избегнув провала;
 Любви не пристало
 Слышать упрек;
 Не гнев забияк
Ей мил, а смирения знак.

Я в тяжбе с ней изнемог —
Ведь сила ломит соломu;

Какой для меня в том прок,
Что верен я ей?
Гораздо верней
Начать другой восхищаться:
Там пойдет скорей
Правота ко дну,
Где она в плену
У силы; дерзну
Искать в том начало,
Что ум истерзало,—
Приговор строг:
Все Даме пустяк —
К свету ль вознесть, свергнуть ли в мрак.

Коль друга найти б я мог,
Чуждого делу дурному,
Чтоб был со мной не жесток,—
Мне стало б видней,
Что жизни моей
Есть еще чем утешаться.
Ум, сердце ль сильней
Иль страх — первизну
Отдать не рискну
Вступившим в войну;
Ворам выпадало
В темнице подвала
Столько тревог,
Как мне от атак
Сих трех, ибо каждый мне враг.

Сердцу уже невдомек,
Как не поддаться излому:
Я брошен, я одинок
С тех пор, как злодей
Решил средь людей
Распространеньем заняться
Фальшивых вестей:
Поверив лгуну,
Лишь ложь я погну
И смертным усну
Сном; власть лишь мешала
Амору: бывало,

Хоть и высок,
Служил кое-как
Ему императорский стяг.

В покорстве — любви зарок,
Было ль когда по-другому?
Бесспорно, лучший итог
Тех ожидает, чей
Крик о любви слабей,
Чем тех, кто решил поддаться
Напору страстей;
Чтоб сберечь казну,
Я к умным примкну,
А спесь прокляну.
Иль пылу бахвала
Любовь отвечала
Не поперек?
Попал ли впросак,
Кто сделал навстречу ей шаг?

Честь, ищущая предлог
Нравиться франту пустому,
В приличьях видит порок;
Невежество — всей
Громадой своей —
Гнетет к земле тунеядца:
— Поделом, ей-ей!
Коль честь на кону,
Влечет не одну
Из душ в вышину!
— Что ж: не обуяло
Безумье тех, стало
Быть, кто берег
Честь средь передраг.
Безумец, кто любит не так!

Предрасветная песня-альба

«Благому Свету, славному Царю,
Тебе, господь, молитву я творю,
Чтоб друга моего ты не отринул
За то, что на ночь он меня покинул;
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, сном долгим вас корю,
Проснитесь — иль проспите вы зарю,
Я вижу, свет звезды с востока хлынул,
Уж близок день, час предрасветный минул,
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, я песней вас зову,
Проснитесь — ибо, спрятавшись в листву,
Приветствует зарю певец пернатый:
Ревнивца месть за сон вам будет платой —
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, увидите наяву
Бледнеющую в окнах синеву
И верный ли, решите, я глашатай;
Проснитесь — или я ваш враг заклятый!
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, я не встаю с колен
С тех пор, как вы ушли: всю ночь согбен,
К Спасителю взываю многократно,
Чтоб невредимо вы прошли обратно:
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, когда у этих стен
Меня просили бодрствовать, взамен
Вы обещали дружбу — непонятно,
Я ль стал немил, иль пенье неприятно?
Заря вот-вот займется».

АРНАУТ ДАНИЭЛЬ

*Песня о том,
что верный влюбленный,
будь он даже лишен любви,
пребывает в радости*

Из слов согласной прямизны
Сложу я песнь в канун весны.

Дни зелены,
В цветенье бор
И скаты гор,
И сладостного грома
Лесных стихир
И птичьих лир
Полн сумрак бурелома.

Весь бурелом — как звон струны;
Слова же мной огранены,

До белизны
Их мыл и тер,
Чтоб сам Amor
Не мог найти излома;
Прям их ранжир,
Он командир,
Я в роли мажордома.

Но мажордом — что живодер,
Коль так устроил, чтоб позор

Узнал сеньор,
Чей стал мундир
Протерт до дыр,
Сам — как от костолома;
Впрямь, те больны,

В жару, грустны,
Кому любовь — истома.

Не томен, Дама, но хитер
Я и, что чей-то там партнер,
Плету узор:
Проведай клир
Лихих проныр,
Что к вам душа влекома,—
Вам хоть бы хны,
А мне видны
Все ковы их приема.

Любой прием, хоть пышный пир,
Отвергну, ибо сердцем щир:
Вы мой кумир;
Разлучены
Мы, но верны —
И в душах нет надлома;
Слезится взор,
Но все остёр —
Мной в неге боль искома.

Иском, хоть я не из придир,
Мной в страсти благодатный мир,
В любви я сир;
Стезя войны,
Измен, вины
От Каина ведома,
Но (чтя раздор),
Как в нас, с тех пор
Не знала страсть подъема.

О прелесть, будь вы дома,
Не как фразер
Арнаут в ваш двор
Придет стезей подъема.

Песня о верности Даме

Когда с вершинки
Ольхи слетает лист,
Дрожат тростинки,
Крепчает ветра свист
И нем солист
Замерзнувшей лощинки —
Пред страстью чист
Я, справив ей поминки.

Морозом сжатый,
Спит дол; но, жар храня,
Амор-оратай
Обходит зелены,
Согрев меня
Дохой, с кого-то снятой,
Теплей огня, —
Мой страж и мой вожатый.

Мир столь прекрасен,
Когда есть радость в нем,
Рассказчик басен
Злых — сам отравлен злом,
А я во всем
С судьбой своей согласен:
Ее прием
Мне люб и жребий ясен.

Флирт, столь удобный
Повесам, мне претит:
Лыстец расторопный
С другими делит стыд;
Моей же вид
Подруги — камень пробный
Для волокит:
Средь дам ей нет подобной.

Было б и низко
Ждать от другой услад,
И много риска:

Сместится милой взгляд —
Лишусь наград;
Хоть всех возьми из списка
Потрембльский хват —
Похожей нет и близко.

Ее устои
Тверды и мил каприз,
Вплоть до Савойи
Она — ценнейший приз,
Держусь я близ,
Лелея чувства, кои
Питал Парис
К Елене, житель Трои.

Едва ль подсудна
Она молве людской;
Где многолюдно,
Все речи — к ней одной,
Наперебой;
Передаёт так скудно
Стих слабый мой
То, что в подруге чудно.

Песнь, к ней в покой
Влетев, внушай подспудно,
Как о такой
Петь Арнауту трудно.

*Песня о том, как трудно
дождаться ответной любви*

Не Amor в моей власти, а
Сам он властвует надо мной:
Радость, грусть, ум, дурь — все впрок
Тому, кто, как я, робеет,
Видя, что зла его кара;
Ходить дозором
Должен вслед за Amorem
Всякий, кто ждет
Щедрот:
Будет нажива,
Коль страсть терпелива.

Страх сковал немотой уста,
Сердце ж мучится полнотою
Чувств — и то, о чем я молчок,
Переживая, лелеет;
Искать таких дам средь мара
Тщетно по норам
Тайным и по просторам:
Всякий расчет
Собьет
Та, что на диво
Нежна и красива.

Истинна она и верна,
Думать не хочу о другой;
Мысль же о ней — как кипятилок:
Закат ли, или утреет —
Сердце на грани развара;
Алкаю взором
Ее — она ж измором
Меня берет;
Но ждет
Сердце призыва,
Тем только и живо.

Тот безумен, чья речь текла
С целью сменить радость тоской.
У лжецов — обезумь их бог! —

Вряд ли язык подобреет:
Совет дадут — тотчас сваря;
 Покрыт позором
Амор, но, верю, в скором
 Времени в ход
 Пойдет
 То, что нелживо
В природе порыва.

Пусть она меня вознесла,
Но молчу об усладе той;
Гортань, заперта на замок,
 Ее омрачить не смеет;
Мучусь от знойного жара,
 Справлюсь с которым
Тем же крепким затвором:
 В том, что наш рот
 Ведет
 Себя крикливо,—
Причина разрыва.

Если бы мне помогла она,
Песням дав высокий настрой,
Я б немало сложить их мог;
 Душа то никнет, то реет,
 То дара ждет, то удара;
 С ней ни потвором
Сладить нельзя, ни спором,
 И все пойдет
 Вразброд,
 Косо и криво,
Коль Милость глумлива.

К Мбель-де-бен шлет
 Сей сплот
Слов и мотива
Арнаут учтиво.

*Песня влюбленного,
который с достоинством
ждет признанья*

Гну я слово и строгаю
Ради звучности и лада,
Вдоль скоблю и поперек
Прежде, чем ему стать песней,
Позолоченной Амором,
Вдохновленной тою, в ком
Честь — мерило поведенья.

С каждым днем я ближе к раю
И достоин сей награды:
Весь я с головы до ног
Предан той, что всех прелестней;
Хоть поют метели хором,
В сердце тает снежный ком,
Жар любви — мое спасенье.

Сотнями я возжигаю
В церкви свечи и лампы,
Чтоб послал удачу бог:
Получить куда чудесней
Право хоть следить за взором
Иль за светлым волоском,
Чем Люцерну во владенье.

Так я сердце распаляю,
Что, боюсь, лишусь отрады,
Коль закон любви жесток.
Нет объятий бестелесней,
Чем у пут любви, которым
Отданы ростовщиком
И должник, и заведение.

Царством я пренебрегаю,
И тиары мне не надо,
Ведь она, мой свет, мой рок,
Как ни было б чудно мне с ней,
Смерть поселит в сердце хвором,
Если поцелуй тайком
Не подарит до Крещенья.

От любви я погибаю,
Но не попрошу пощады;
Одинок слагатель строк;
Груз любви тяжеловесней
Всех ярем; и к разговорам:
Так, мол, к Даме был влеком
Тот из Монкли — нет почтенья.

Стал Арнаут ветробором,
Травит он борзых быком
И плывет против течения.

Секстина

Слепую страсть, что в сердце входит,
Не вырвет коготь, не отхватит бритва
Льстеца, который ложью губит душу;
Такого вздуть бы суковатой веткой,
Но, прячась даже от родного брата,
Я счастлив, в сад сбежав или под крышу.

Спешу я мыслью к ней под крышу,
Куда, мне на беду, никто не входит,
Где в каждом я найду врага — не брата;
Я трепещу, словно у горла бритва,
Дрожу, как школьник, ждущий порки веткой,
Так я боюсь, что отравлю ей душу.

Пускай она лишь плоть — не душу
Отдаст, меня пустив к себе под крышу!
Она сечет меня больней, чем веткой,
Я раб ее, который к ней не входит.
Как телу — омовение и бритва,
Я стану нужен ей. Что мне до брата!

Так даже мать родного брата
Я не любил, могу открыть вам душу!

Пусть будет щель меж нас не толще бритвы,
Когда она уйдет к себе под крышу.
И пусть со мной любовь, что в сердце входит,
Играет, как рука со слабой веткой.

С тех пор как палка стала Веткой
И дал Адам впервые брату брата,
Любовь, которая мне в сердце входит,
Нежней не жгла ничью ни плоть, ни душу.
Вхожу на площадь иль к себе под крышу,
К ней сердцем близок я, как к коже бритва.

Тупа, хоть чисто бреет, бритва;
Я сросся сердцем с ней, как лыко с веткой;
Она подводит замок мой под крышу,
Так ни отца я не любил, ни брата.
Двойным блаженством рай наполнит душу
Любившему, как я,— коль в рай он входит.

Тому шлю песнь про бритву и про брата
(В честь той, что погоняет душу веткой),
Чья слава под любую крышу входит.

БЕРТРАН ДЕ БОРН

Песня, побуждающая баронов к войне против Ричарда

Легко сирвенты я слагал,
Но в них ни словом не солгал:
Я поделиться, чем богат,
До полденье последних рад,
Но если кто мне скажет: «Мало!»,
Будь это хоть кузен, хоть брат,
Тотчас даров лишу нахала.

Тверд мой рассудок, как кристалл,
Хоть и его поколебал
Лиможца с Ричардом разлад,
Немало принесся утрат;
Чтоб на потомков зло не пало,
Пусть подчиниться поспешат
Сегодня королю вассалы.

Гильем Гурдонский, хоть звучал
Набат ваш выше всех похвал,
Я б вас любил сильней стократ,
Не подпиши вы тот трактат:
Теперь не избежать скандала —
Вас два виконта норовят
В него втянуть, ждут лишь сигнала.

Всю жизнь я только то и знал,
Что дрался, бился, фехтовал;
Везде, куда ни брошу взгляд,
Луг смят, двор выжжен, срублен сад,

Вместо лесов — лесоповалы,
Враги — кто храбр, кто трусоват —
В войне со мною все удалы.

Я взялся ветхий арсенал
Баронов в новый сдать закал
И латки класть поверх заплат
На ржавую броню их лат
(Цепь Леонарда из металла
Была прочнейшего) — на лад
Дела их не идут нимало.

Вот Таллейран, бессилен, вял,
Пропал воинственный запал,
Стал лежебокою солдат —
В домашний кутаясь халат,
Он, как ломбардец, копит сало:
Пусть за отрядом в бой отряд
Идут — он подождет финала.

Пока Байард мой не устал,
Взлечу на перигорский вал,
Пробившись через сеть засад:
Пуатевинца жирный зад
Узнает этой шпаги жало,
И будет остр на вкус салат,
Коль покрошить в мозги забрало.

Бароны! Бог не бросит чад
Своих в беде! Давно бы стало
Знать Ричарду, как невпопад
Ворона павой выступала.

*Песня о преимуществах войны
перед миром*

Чтоб песни слагать без труда,
Я ум и искусство запряг
И так отпустил повода,
Что легок сирвент моих шаг;
 И граф, и король
 Находят в них столь
 Чарующий лад,
 Что все мне простят.

Король и граф Ричард вреда
Не видят во мне: коли так,
Нам мир ни к чему, господа,
Амбларт, Адемар, я — ваш враг!
 Мой форт, моя боль!
 Тебе, вширь и вдоль
 Исхоженный сад,
 Осадой грозят.

Докажет, что войны — беда,
Славнейший из горе-воjak —
Желаю, чтоб чирей тогда
В глазу миротворца набряк:
 Война — мой пароль!
 Земную юдоль
 Сраженья долят
 Столетия подряд.

Неважно, четверг иль среда,
И в небе какой зодиак,
И засуха иль холода,—
Жду битвы, как блага из благ:
 В ней — доблести соль,
 Все прочее — ноль
 С ней рядом. Солдат
 Не знает утрат.

Вся жизнь — боевая страда:
Походный разбить бивуак,

Стеной обнести города,
Добыть больше шлемов и шпаг —
Господь, не неволь
Ждать лучшей из доль:
Любовных услад
Мне слаще звон лат.

Детей моих гнать из гнезда
Задумал союз забияк;
Что им ни отдать — без стыда
Клевещут: Бертран-де из скряг;
Им только позволь —
Все съест эта моль.
Но хватам навряд
Удастся захват.

Цена мою роль
В размирье, король
Признать будет рад
Моим майорат.

*Песня, побуждающая баронов
объединиться против Ричарда*

С тех пор как с Перигором договор
Скрепили Вентадорн, Комборн, Сегюр,
Но также и Турень, Гурдон, Монфор,
Стал горожанин боязлив и хмур —
Так пусть, сирвентой дерзкою разбужен,
Услышит он, сидящий взаперти,
Что даже и Толедо мне не нужен,
Коль город от беды нет сил спасти.

О вы, Пюи-Гильем, Гриньоль, Кларанс
И Сент-Астье, предоставляет нам
Фортуна для снисканья чести шанс —
Да и сеньору Ангулемцу — там,
Где он Каретник ныне без кареты,

В кармане пусто, ждет его лишь срам:
По мне, чем быть лжекоролем полсвета,
Поместьем управляй, зато уж сам.

Когда б виконт, под чьей рукой Гасконь,
Под чьей пятой Беарн и Гавардан,
Когда б все те, чье кредо: «Нас не тронь!» —
Безан, Бернард, де Дакс и де Марсан,
Встряхнулись, — сдержан мыслью об уроне,
Бесстрашный Граф не сунулся б в огонь,
И, разве что спасая от погони,
Его бы здесь промчал пред войском конь.

Когда б Тайбург, Тонне, Понс, Лузиньян
И Молеон хотели перемен,
Когда б сидел в Сиврэ не истукан,
Я помощи б искал у этих стен;
Пусть, приступив немедля к обороне,
Тот из Туара наш поддержит план —
И Граф тогда поступит, как в законе
Записано, что был от века дан.

Близ Пуатье, откуда невелики
Остров Бушар, Мирбо, Луден, Шинон,
В Клерво, средь поля, крепость возвели,
Красив в которой каждый бастион.
Я слышал, Молодой Король спокоен,
Конец, боюсь однако, предрешен;
Ведь белый форт открыто так построен,
Что виден и с дороги в Матефлон.

Такой же ли Филипп монарх и воин,
Как Карл, или в отца натурой он,
Увидим по Тайферу, что достоин
Домена, ибо им был признан трон:
Их договор не может быть расстроен —
Прав «да» сменить на «нет» король лишен.

*Песня, содержащая упреки
как Ричарду, так и его брату
Молодому Королю*

Я начинаю петь в негодованье,
Узнав о низком Ричардовом плане:
Чтоб выполнить отцовское желанье,
Был Молодой Король, как на аркане,
Согласье брату на коронованье
Дать приведен!
Безвластен Генрих! Королевством дряни
Гордиться может трон!

О чем тут говорить, когда, заране
Согласный на любое подаянье,
Король живет на чьем-то содержанье,
Причем в подобном упрекнуть изьяне
Не может сам Гильема, что в ристанье
Не побежден!

Кто подданными уличен в обмане,
Тот их любви лишен.

Пусть он, кому подвластны англичане,
Не мнит, что и Ирландия в кармане;
Нормандия платить не станет дани,
И не пойдут анжуйцы на закланье,
И герцогом Гаскони и Бретани
Не станет он;

И в Пуату он лишь на расстоянье
Увидит бастион.

Представьте, н'Аламанда, я на грани
Любви к злодею: пусть он об охране
Подумает, ибо в его же стане
О нем молва идет как о тиране,
Купающем страну в кровавой бане —
Со всех сторон

Их окружает только поле брани
И тяжкий слышен стон.

Поскольку в куртуазном воспитанье
Граф Джауфре возвращен,
Уж лучше бы его отдаться длани —
Не первым, жаль, рожден.

*Песня,
оплакивающая смерть Генриха,
Молодого Короля*

Пенье отныне заглушено плачем,
Горе владеет душой и умом,
Лучший из смертных уходит: по нем,
По короле нашем слез мы не прячем.

Чей гибок был стан,
Чей лик был румян,
Кто бился и пел —
Лежит бездыхан.
Увы, зло из зол!
Я стал на колени:
О, пусть его тени
Приют будет дан
Средь райских полян,
Где бродит Святой Иоанн.

Тот, кто могилой до срока захвачен,
Мог куртуазности стать королем;
Юный, для юных вождем и отцом
Был он, судьбою к тому предназначен.

Сталь шпаг и байдан,
Штандарт и колчан
Нетронутых стрел,
И плащ златоткан,
И новый камзол
Теперь во владенье
Лишь жалкого гленья;
Умолк звон стремян;
Все, чем осиян
Он был,— скроет смертный курган.

Дух благородства навеки утрачен,
Голос учтивый, пожалуйста-в-дом,
Замок богатый, любезный прием,
Всякий ущерб был им щедро оплачен.

Кто, к пиршеству зван,
Свой титул и сан

Забыв, с ним сидел,
Беседою пьян
Под пенье виол —
Про мрачные сени
Не помнил: мгновенье —
И, злом обуян,
Взял век-истукан
Того, в ком немислим изъян.

Что б ни решил он, всегда был удачен
Выбор; надежно укрытый щитом,
Он применял фехтовальный прием
Так, что противник им был озадачен;
Гремя, барабан
Будил его стан;
Роландовых дел
Преемник был рьян
В бою, как орел, —
Бесстрашен в сраженье,
Весь мир в изумленье
Поверг великан
От Нила до стран,
Где бьет в берега океан.

Траур безвременный ныне назначим;
Станет пусть песне преградою ком,
В горле стоящий; пусть взор, что на нем
Сосредоточен был, станет незрячим:
Ирландец, норманн,
Гиенна, Руан,
И Мена предел
Скорбят; горожан
И жителей сел
Разносятся пени
В Анжу и Турени;
И плач англичан
Летит сквозь туман,
И в скорби поник алеман.

Едва ль у датчан
Турнир будет дан:
На месте ристалищ — бурьян.

Дороже безан
Иль горстка семян
Всех царств, если царский чекан

Страшнейшей из ран
На части раздран —
Скончался король христиан.

*Песня на возвращение
крепости Аутафорт*

Я к стене не приперт,
Хоть и разбит,
Взгляд мой, как прежде, горд,
Весел мой вид:
Длеть не станет Ниорт
Список обид —
Отнятый Аутафорт
Мне возвратит;
Пред графом виноват,
Ждал бед я и утрат,
Но поцелуем снят
Отныне тот разлад,
Клеветники мне мстят,
Хотят лишить наград,
Но их безвреден яд.

Лимузинцы плели
Хитрую ложь,
Три паладина и
Те, кто похож
На дам: перигорца три,
Ангулемцы тож,
Против меня они
Все были сплошь;
Все, с кем был заключен
Мною союз: Гастон,

Тот, в чьей власти Дижон,
Какой ни возьми барон,
Авиньонский Раймон,
Граф Бретонский — и он! —
Мне нанесли урон.

Лучше предавших те,
С кем враждовал,
Пусть лжедрузья себе
Не ждут похвал,
В старом монастыре
Святой Марциал
Клятву сеньоров мне
Благословлял —
И что ж! К исходу дня
(Должно быть, тех кланя,
Чье слово — как броня)
Все предали меня,
В том только и вина,
Что, верность им храня,
Не в стачке с графом я.

Если б граф ко мне стал
Добр как отец,
Бедам его б настал
Сразу конец:
Вплавлюсь сам, как металл,
В его венец,
Только б он море взял
За образец:
Все поглощает, но
Что ценно — то на дно,
А что не подошло —
На берег; если кто
Приобретет добро,
Пусть возместит его
Тем, что ему равно.

Мне именье отдав,
Весьма умно
Славный поступит граф,
Ибо оно

От баронских потрав
Терпит давно,
И проучить раззяв
Мне суждено.
Чести не потеряв,
Как прежде величав,
Меня вернет, позвав,
В любое время граф:
На зов примчусь стремглав —
Но лишь владельцем став
Эн Адемара прав.

Не сердце — твердый сплав
В вас, Дама, коль, не вняв
Мольбам, ушли, сказав,
Что вам не до забав;
Оправлюсь я, лишь взяв
С вас поцелуем штраф,
Да видит бог, кто прав!

Спой, Папиоль, слетав
К той, чей коварен нрав,
Как Адемар лукав,
Как я сдаюсь, устав.

*Песня,
изобличающая вероломство
короля Арагонского,
союзника Ричарда*

Когда я вижу, как плывут,
Пестрея средь листвы, знамена,
И слышу ржанье из загона
И звук виол, когда поют
Жонглеры, заходя в палатки,—
Труба и рог меня зовут
Запеть — пусть Ричардов редут
В сирвенте ищет недостатки.

Надеюсь, мой порыв поймут:
Мной почитаема корона
Того, кто с войском с Арагона
Пришел сюда на бранный труд;
Но в нем самом не все в порядке,
Он по натуре груб и лют,
Я выношу на общий суд
Его бесчестные повадки.

Я слышал, дал ему приют
Эн Эспаньоль во время оно —
И что ж: прогнал король барона
Из замка через пять минут;
Столь вероломные ухватки
Едва ли к славе приведут:
Будь тот при Каstellоте крут,
Король бежал бы без оглядки.

Мне рта приличья не заткнут,
Для правды дружба не препона:
Я от беарнского Гастона
Узнал, что он еще и плут:
Взяв деньги с тем, чтоб после схватки
Избавить рыцарей от пут,
Он, вместо выкупа, под спуд
Их положил, и взятки гладки.

Соврать жонглеры не дадут:
Звучала долго их кансона,
Ответного не слыша звона,
А каждый был раздет-разут;
При них евреям под задатки
И Артюсет, придворный шут,
Был отдан — так себя ведут
Злодеи, что на деньги падки.

Пейре-жонглеру скорый суд
Он учинил — и та матрона
Из Фонтевро за смелость тона
Вить стала из бедняги жгут;
Зря он снурок хранил в укладке,
Надеюсь, что его спасут:

Увы, под новенький хомут
Пошли жонглеровы лошадки.

Юн королек был, слаб и худ,
Когда Пейре Руис у трона
Стоял, мрачней от уклona
Его занятий и причуд:
Задатки были лишь в зачатке,
Но он невесел был, надут
И все зевал — откуда тут
Взять сил для предстоящей схватки?

Он каталонский низкий люд
По знаку своего патрона
Сюда привел — размер урона
В моих владеньях не сочтут;
Однако дух мой не в упадке,
Ведь тот, кого награды ждут
Там, в Пуатье, — в сирвенте, тут,
Положен мною на лопатки.

Мотив несложен, строчки гладки,
Король с Наваррцем пусть споют
Их на два голоса — пойдут
На пользу им мои нападки.

*Песня,
побуждающая короля Филиппа
начать войну с Ричардом
(который с Бертраном де Борном
называли друг друга Да-и-Нет)*

В нежный и новый сезон,
В белом сиянии Пасхи,
В дни радости ежегодной,
Прекрасной и благородной,
Когда веселятся душой,
Цветущей и славной порой —
Вдыхаю я сладостный зной.

Праздник — но день превращен
В месяц, лишенный окраски,
Скорбный, пустой и холодный,
Ибо обет благородный
Был словно порыв ледяной;
Бесился бы, знай я, что мой —
Дуэ, но Камбрэ не со мной.

Будет пускай ослеплен
Тот, кто боится развязки.
Злобе ль равняться бесплодной
С утратою благородной?
Но сравнивать сонный покой
С опасной и тяжелой войной
Сеньору Руи не впервой.

Ни тел разрубленных он,
Ни в алой крови повязки
Не видел, жизни походной
Не ведал, не вел благородной
Армии под Руаном в бой,
И дрота не бросил герой
В щит вражеский мощной рукой.

Спор без урона сторон,
Без жаркой кровавой встряски,
Бессмысленный, безысходный,
Стал притчей неблагородной,
Все кончилось сном и едой;
А Юность без сечи лихой
Становится жалкой трухой.

Король, ваш непрочен трон:
Живут по чужой указке
Жизор, от дани свободный,
И Тур, досель благородный;
Кто выбор не сделает свой
Меж мирным житьем и борьбой,
Тот будет унижен судьбой.

Эн Да-и-Нет мной прощен:
В битву идти без опаски —

Вот жребий, ему угодный;
Им явлен нрав благородный:
Он стрелы одну за другой
Пускает — и замок любой
Берет, всех ведя за собой.

Филипп славит мир и покой,
Как трантезский отец святой.

Да-и-Нет любит грозный бой
Больше, чем Алгейсы разбой.

*Песня, вдохновленная
началом войны между
Филиппом и Ричардом*

Споемте о пожаре и раздоре,
Ведь Да-и-Нет свой обагрил кинжал;
С войной щедрей становится сеньор:
О роскоши забыв, король бездомный
Не предпочтет тарану пышный трон,
В палатках станет чище жизнь вельмож,
И тем хвалу потомки воспоют,
Кто воевал бесстрашно и безгрешно.

По мне, звон сабель — веский довод в споре,
Знамена ярче, если цвет их ал,
Но сторонюсь я ссор, коль на ковер
Кость со свинцом кидает вероломный.
О, где мой Лузиньян и мой Ранкон?
Истрачен на войну последний грош,
И латы стали тяжелее пут,
И о друзьях я плачу безутешно.

Когда б Филипп спалил корабль на море
И там, где ныне пруд, насыпал вал,
И взял Руанский лес, спустившись с гор,
И выбрал для засады дол укромный,

Чтоб знал, где он, лишь голубь-почтальон,—
На предка Карла стал бы он похож,
Что с басками и саксами был крут,
И те ему сдавались неизбежно.

Война заставит дни влачить в позоре
Того, кто честь до боя потерял,
Едва ль мой Да-и-Нет решит Каор
Оставить — он в игре замешан темной
И ждет, когда король отдаст Шинон:
Чтобы начать войну, момент хорош,
Ему по сердцу время трат и смут,
Страну он разоряет безмятежно.

Когда корабль, затерянный в просторе,
Сквозь шквал, на скалы, потеряв штурвал,
Несется по волнам во весь опор,
Чтоб жертвой стать стихии неумемной,—
Моим подобных бедствий даже он
Не терпит: что ж! мне больше невтерпеж
Ложь, и небрежность, и неправый суд
Той, на кого молюсь я безуспешно.

В Трайнаке быть, когда там пир начнут,
Ты должен, Папиоль, собравшись спешно.

Роджьеру спой, что мой окончен труд:
Нет больше рифм на «омный», «он» и «ежно».

Полпесни о двух королях

Двух королей я вмещу в полкансоны,
Ибо не знаю, чей выше престол:
Храбрый Альфонс снарядил легионы
Рыцарей и в наступленье повел;
Ричард же, чтоб не тускнел ореол
Над головой, тратит золота много,
Ищет всегда для войны он предлога,
В битву летит, как за уткой орел.

Если воинственны обе короны,
Трупами вскоре покроется дол,
Скрежет желез мы услышим и стоны,
Щит будет хрупок, а панцирь тяжел,
В сердце проникнет разящий укол,
Встретим коней, потерявших дорогу,
Встретим уныние, радость, тревогу,
Тех, кто стал нищ, кто вдвойне приобрел.

Ржушие кони, фанфары, знамена,
Дротиков, копий и пик частокол,
Скрасим трофеями горечь урона,
А ростовщик станет гол как сокол,
Не протрусит по дороге осел,
Не переступит хозяин порога,
Тщетно купец будет звать на подмогу,
И воцарится в стране произвол.

Я же во всем полагаюсь на бога —
Пусть наградит меня меньшим из зол:
Был бы за жизнь благодарен премного,
В смерти бы я облегченье нашел.

*Песня, обращенная
к Джоффриу Бретонскому,
прославляющая достоинства
возлюбленной певца и обличающая
низость некоторых ее поклонников*

Расса, столь она величава,
Возвышенна и нелукава,
Что о ней гремящая слава
Для всех прочих дам — как отравя;
При таком благородстве нрава
Ей брать рыцарей в плен — забава;
Кто впрямь просвещен, только тот
Ей без страха хвалу поет;

Хоть велик от нее почет
Всем, кого она предпочтет,
Но открыт одному к ней вход.

Расса, высшего в ней чекана
Все: свежа, молода, румяна,
Белокожа, уста — как рана,
Руки круглы, грудь без изъяна,
Как у кролика — выгиб стана,
А глаза — как цветы шафрана.
Этим дивным прелестям счет
Всякий с трепетом подведет,
Кто хвалу ей ныне поет,
Тех достоинств увидев свод,
Что меня к ней жадно влечет.

Расса, высшей доблести грани
В сердце зрит она, а не в сани;
С Пуатье, Сарагосы, Бретани
И Тулузы не взявши дани,
Низость в складках богатой ткани
Видит — и благородство в рвани.
Я советчик ее, так вот:
Пусть она в любви изберет
Тех, чей дух высок, а не род,
Ибо нас бесславит почет
От иных преславных господ.

Расса, знать не хочу о знати,
Речь ведущей зря и некстати,
Нет учтивости в них и стати,
На уме лишь брани да рати,
Смысл войны же для них в захвате,
Взяв на службу, молчат о плате,
Вместо этого круглый год
Травят зверя, бьют птицу влет,
Обсуждают луней полет
И срок ястребиных охот,
Забыв про любовь и поход.

Расса, тратить не стану слова
Я на зверо- иль рыболова:

Кто под звуки трубного зова
В бой идет от милого крова —
Выше их: средь грозного рева
Слава встретить его готова.
С эн Эйгаром войну ведет
Маурин, заслужив почет;
Пусть, прогнав от своих ворот
Графа, чей столь дерзок налет,
К нам виконт на Пасху придет.

Вы, Моряк, не из тех господ,
Что из-за турнирных хлопот
Военный отменят поход.
Пусть от песни моей невзгод
Эн Гольфье де ла Тур не ждет.

Папиоль, теперь твой черед —
Бель-Сеньор мой песню поймет.

*Песня
на прибытие доны Гвискарды*

О Лимузин, земля услад и чести,
Ты по заслугам славой почтена,
Все ценности в одном собрались месте,
И вот теперь возможность нам дана
Изведать радость вежества спошна:
Тем большая учтивость всем нужна,
Кто хочет Даму покорить без лести.

Дары, щедроты, милость в каждом жесте
Любовь лелеет, словно рыб — волна,
Мила любезность ей, благие вести,
Но также — двор, турниры, брань, война:
В ком тяга к высшей доблести сильна,
Не оплошай, ибо судьбой она
Нам послана с доной Гвискардой вместе.

*Песня, пытающаяся заменить
жестокосердную возлюбленную
некоей Составной Дамой*

Дама, мне уйти велит
Ваш безжалостный приказ.

Но вовек, покинув вас,

Не найду другую,

И такого

Счастья не дождусь я снова,

И неисполним мой план —

Привезти из дальних стран

Вас достойную сеньору,

А не лгунью и притвору.

Кто, как вы, меня пленит?

Нет! Такой услады глаз,

Столь прекрасной без прикрас,

Встретить не могу я.

Будет ново

То, что в каждой образцово,

Взять себе — вот лучший план!

Я желаньем обуян

Выбрать по сосёнке с бору,

Положив конец раздору.

Свежий, яркий цвет ланит,

Свет любовный нежных глаз,

Цимбелин, отняв у вас,

С вами поступаю я

Не сурово —

Ведь себе забрали всё вы.

Дама Аэлис, дурман

Вашей речи сладок, прян —

Средство, чтоб не знать позора

Даме в ходе разговора.

Путь в Шале мне предстоит

К виконтессе, мой заказ —

Белых рук ее атлас.

А затем сверну я,

Верный слову,

К Рошшуаровскому крову —
Пасть к ногам Аньес; Тристан
Мог скорей найти изъян
У Изольды, хоть укора
Ей не сделаешь, нет спора.

Дама Аудьярт хранит
Куртуазных черт запас;
В том, что для себя сейчас
Часть я конфискую,
Что плохого?

Щедрость — дел ее основа!
Пусть еще мне будет дан
Мьель-де-бе прелестный стан,
Обнажить хотят который
Руки более, чем взоры.

В госпоже Файдите слит
Блеск поступков с блеском фраз,
Зубы белы — в самый раз
Увидать такую

Средь улова.

Бель-Мираль душой здорова,
Вкус изыскан, лик румян,
От ее бесед я пьян,
Голос свой прибавлю к хору
Тех, кто в ней нашли опору.

Бель-Сеньор, ваш дом, ваш вид,
Ваш прием меня потряс.

О, когда б желать, как вас,
Даму Составную!

И без зова

Сердце к вам лететь готово:
Чем иных побед обман,
Лучше в ваш попасть капкан...
Что ж не кончит Дама ссору,
Противостоя напору?

Папиоль, явись незван
С песней к другу: Азиман
Пусть узнает, что Амору
От тоски заплакать впору.

*Песня, в которой трубадур,
вернувшись после размолвки
к своей Даме от другой,
за него заступившейся,
рисует общее падение нравов*

Так как апрельский сквозняк,
Блеск утр и свет вечеров,
И громкий свист соловьев,
И распутившийся знак,
Придавший ковру поляны
Праздничную пестроту,
И радости верный знак,
И даже Пасха в цвету
Гнев не смягчают моей
Дамы — как прежде, разрыв
Глубок; но я терпелив.

Дама, я было размяк
От утешительных слов,
Но вновь приютил ваш кров
Меня, мою песнь, мой стяг;
Затягиваются раны,
И я покидаю ту,
Что мне подобных бродяг
Жалеет, чью доброту
Все славят — так просто ей
Доблесть явить, помилив
Тех, чей характер гневлив.

Упрек ваш сладок и благ,
Поскольку весь стиль таков,
Что страхом лишь, без даров,
Глушит любой обиняк,
Будто в вас есть изъяны:
Вашу признав высоту,
Я б гибельный сделал шаг,
Прибавив, что так же чу
Герцогов и королей;
Следите вы, чтоб прилив
Похвал был всегда шумлив.

Я знаю таких вояк,
Что только копают ров,
Вооружась до зубов;
Они не начнут атак,
Пока не свезут тараны;
Я притуплю остроту
Их многочисленных шпаг,
Разоблачив суету
Неблагородных затей,—
Тех к славе влечет порыв,
Кто радостен, юн, учтив.

Есть зодчие: так и сяк
Налепят арок, зубцов,
Бойниц — и замок готов:
Камни, песок, известняк;
К тому ж они и гурманы;
Там ли искать красоту,
Где вместо прямой — зигзаг?
Живут, забыв простоту,
Даянья их все бедней,
Все немощней их призыв,
Хоть, как и прежде, криклив.

Охотников знаю — всяк
Кичится богатством: лов
Для них — показ соколов,
Соревнованье собак,
Крики, рога, барабаны;
Их осознав пустоту,
Игрища шумных ватаг
Я обхожу за версту —
Кто, кроме рыб и зверей,
Под власть потравщиков нив
Подпасть ощутит позыв?

Турнирных знаю рубак:
Спустив именья отцов,
Они слабейших бойцов
Ищут, с бесстыдством деляг
Построив ристаний планы:
Каждый у них на счету

Вассал, пусть даже бедняк,—
Ввергнув его в нищету,
Жить продолжает злодей,
Расходов не сократив,
Столь дерзок он и спесив.

Богач же не из кривляк
С людьми не будет суров,
На их откликнется зов,
Выручит из передряг;
Чтоб рыцари — не мужланы —
Сходились к его щиту,
Осыплет он градом благ,
И к празднику, и к посту
Тем искренней и щедрей
Наемников наградив,
Чем более прозорлив.

На Темпра, я предпочту
Ваш дар дарам королей,
Поскольку остался жив,
Желчи с польнью испив.

Ты, Папиоль, на лету
Схватив суть жгучих речей,
Спеши к Да-и-Нет, мотив
В дороге не забыв.

*Песня, в которой певец,
даже проголодавшись в походе,
предпринятом королем Ричардом,
все-таки не удерживается
от восхвалений сестры короля,
доны Ланы, в присутствии
которой недавно пировал*

Если б трактир, полный вин и ветчин,
Вдруг показался в виду,
Буковых чурок подбросив в камин,
Мы б налегли на еду,
Ибо для завтрака вовсе не рано;
День стал бы лучшим в году,
Будь ко мне так же добра дона Лана,
Как и сеньор Пуату.

С теми, кто славой твоей, Лимузин,
Стал, я проститься хочу;
Пусть от других Бель-Сеньор с Цимбелин
Слышат отныне хвалу,
Ибо я Даму нашел без изъяна
И на других не гляжу —
Так одичал от любви; из капкана
Выхода не нахожу.

Юная, чуждая поз и личин,
Герб королевский в роду,
Лишь ради вас от родимых долин
Я удаляюсь в Анжу.
Так как достойны вы славного сана,
Вряд ли украсит главу,
Будь она римской короной венчана,—
Больше уж чести венцу.

Взор ее трепетный — мой властелин;
На королевском пиру
Возле нее, как велит господин,
Я на подушке сажу.
Нет ни в словах, ни в манерах обмана:
В речи ее нахожу

Тонкость бесед каталонского плана,
Стиль — как у дам из Фанжу.

Зубы — подобие маленьких льдин —
Блещут в смеющемся рту,
Стан виден гибкий сквозь ткань пелерин,
Кои всегда ей к лицу,
Кожа ланит и свежа и румяна —
Дух мой томится в плену:
Я откажусь от богатств Хорасана,
Дали б ее мне одну.

Дамы такой и в дали океана,
Как Маиэр, не найду.

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

*Песня, порицающая
Дофина Овернского за измену*

Дофин, как и графу Ги,
Вам — чтоб от схватки сторон
Вы меньший несли урон —
Хочу я вправить мозги:
Нас связывал договор,
Однако с недавних пор
Ваш образец — Изенгрин
Не только в смысле седин.

Пустились со мной в торги,
Едва лишь узнав, что звон
Монет не проник в Шинон
И влезла казна в долги;
Используете раздор,
Чтоб сделать новый побор:
По-вашему, ваш господин —
Скупец и маменькин сын.

Предпримете ль вы шаги,
Чтоб был Иссуар отмщен?
Собран ли ваш батальон?
Пускай мы ныне враги,
Прощаю вам ваш позор,
Ведь Ричард не любит ссор
И в бой во главе дружин
Пойдет, коль надо, один.

Я лучше, чем вы, слуги
Не знал, но лишь бастион
Над замком был возведен,
Вы стали делать круги:
Покинули дам и двор,
Любовь и турнирный спор.
Так выбейте клином клин —
Ведь нет средь ломбардцев мужчин.

Сирвента, во весь опор
Скачи в Овернь! Приговор
Мой объяви, чтоб един
Стал круг из двух половин.

Ребенку ложь не в укор,
И пренье с конюшим — вздор:
Не было б худших причин,
Чтоб гневался властелин!

ДОФИН ОВЕРНСКИЙ

*Песня, достойно
отвечающая на упреки
Ричарда Львиное Сердце*

Король, из меня певца
На свой вы сделали вкус;
Но столь коварен искус,
Что не могу ни словца
С вами пропеть в унисон:
Чем мой объявлять урон,
Свой сосчитайте сперва,
А то вам все трын-трава.

Ведь я не ношу венца
И не могу, хоть не трус,
Избавить от вражьих уз
То, что имел от отца;
Но вы-то взошли на трон;
Зачем же в Жизоре — он?
Ведь турки, идет молва,
Бегут от вас, как от льва.

Я выбрал бы путь глупца,
Взяв бремя ваших обуз;
Легок был стерлингов груз
Кузену Ги, и рысца
Нескольких кляч — не резон
Слушать стремян ваших звон:
Хотите вы торжества,
А щедры лишь на слова.

Пока во мне храбреца
Вы славите, я на ус
Мотаю, что предан — плюс
Что нет и на вас лица;
Но богом мне сохранен
Пюи и с ним Обюссон:
Там чтутся мои права —
Вера моя не мертва.

Сеньор, то речь не льстеца,
Мне по сердцу наш союз;
Не будь столь лют тот укус,
Я был бы у стен дворца
Теперь же, но возвращен
Мне Иссуар и Юссон —
Я вновь над ними глава,
Вновь радость во мне жива.

Слились бы наши сердца,
Когда б не новый конфуз:
За ангулемский-то кус
Плачено не до конца,
Тольверу же дар вдогон
Шлете, как щедрый барон,
Вы там всему голова —
История не нова.

Король, мой дух возбужден
Тою, чье слово — закон,
Ибо любовь такова,
Что Дама всегда права.

ГИЛЬЕМ ДЕ САНТ-ЛЕЙДЬЕР

*Песня,
в которой посланец влюбленного,
признаваясь Даме в любви,
помогает тем самым влюбленному*

Я, Дама, послан как курьер
Тем, кто, стремясь попасть в ваш дом,
Решил меня избрать гонцом,
Чтоб я его сердечный пыл,
Который он от вас таил,
Мог передать вам, например,
В таких возвышенных стихах:

«Чем одарен ваш кавалер,
Того не сыщете ни в ком;
Звездой счастливою ведам,
Он столько доблестей и сил
В своей душе соединил,
Что вашей нелюбви барьер
Падет, пред ним рассыпаясь в прах.

Он принимает столько мер
Для встречи; так он к вам влеком,
Что думать ни о чем другом
Не может; от всего, чем жил,
Несет лишь холодом могил;
Влача судьбу гребца с галер,
Он от желания исчах.

Страсть, как жестокий изувер,
Безумье поселила в нем:
Он думает, что вы вдвоем,
Когда — один; он стал уныл,
Стеная: „Видно, рок судил
Меня отдать во власть химер,
Чтоб я погиб, увы и ах!“

Немало доблестных карьер
Погублено клеветником,
Но так как Юности подъем
Присущ, не подрезайте крыл
Тому, кто ныне вам постыл,
Ибо непредставим размер
Паденья тех, кто терпит крах.

Влюбившись, низкий лицемер
Себя не выдаст ни словцом:
Все шито-крыто, все тайком;
А этот с вами честен был
И над любовью не шутил,
И вот, учтивых раб манер,
Отныне он у вас в руках.

Я против нарушенья мер:
Любовь и Радость гибнут в том,
Кто кроет золото свинцом;
К тому ж, кто чувство сохранил
И Радостью обогатил, —
Пусть даже полдень станет сер —
В конце придет успех в делах».

Не знаю, кто ваш кавалер,
Однако с ним, хоть незнаком,
С моим как будто двойником,
Вас обращаться бы просил:
Пусть станет он, как я, вам мил;
Да слышит, кто не маловер,
Благой совет в моих словах!

Слагаю песни на манер
Мольбы о Милости, притом
Что заливаает все кругом
Сиянье той, в ком я открыл
Все, отчего других забыл,
Как будто свет небесных сфер
Увидел вдруг в ее глазах.

Я б миру целому внушил,
Что вы для прочих дам пример,
Ибо в моих царите снах.

*Песня о верности единственной
избраннице, хотя бы и пренебрегающей
возлюбленным*

Заставляет Amor проявить нас особое тщанье,
Чтоб до лучшей из дам донеслось этой песни звучанье,
И поскольку лишь так сердце выразить может страданье,
Напрягаю свой взор, обостряю свой ум и вниманье,
Только б та, чье теперь для меня тяжело испытанье,
Разрешила служить, никакого не дав обещанья.

Обещанья — хотя б оказались они и пустыми —
Предпочту я любви, предлагаемой щедро другими.
Кто ко мне приступить с притязаньями хочет своими,
Пусть успеха не ждут: пренебречь лишь намерен я ими,
Ибо предан единственной — мессой клянусь и святыми, —
Пред которой открыть не осмелюсь любви своей имя.

Имя верной любви скрыв от той, от кого отказаться
Не могу, — из других ни с одной не желаю я знаться,
Но и той никогда не решусь откровенно признаться,
Пусть поймет по намекам, которые в песне таятся:
Я молчу потому, что завистников стал опасаться —
И не зря, ибо Даму такую отнять все стремятся.

Пусть стремятся — отнять у нее свое сердце не смею,
И уйти не могу, и не верю, что станет моею,
И поддержки прошу, чтобы мог я исполнить затею:
Милосердно ко мне отнесясь, а не так, как к злодею,
Сил придаст она мне, все снесу я и вновь осмелею
И взлелею надежду, что буду удержан я ею.

Ею был я удержан от всякой любовной напасти,
И не мною рассержен опять дух мучительной страсти,
Ею в прах я повержен, палим, раздираем на части,
И чтоб сердцем своим овладеть, подходящей нет снасти;
Над любовью не в силах господствовать даже отчасти,
Я желаньем любовным измучен, я весь в ее власти.

Я во власти ее: и стройна, и возвышенна вместе,
Эта Дама прекраснее всех, говорю я без лести,

Поступает она по закону изысканной чести,
Навсегда ее сердце закрыто для злобы и мести,—
Так что если Амор оказался в глухом ныне месте,
Выйдет вновь он на свет, получив о любви ее вести.

Вести жду от нее, чтобы выйти на свет, иль намека,
Что она пощадила меня; дни считаю до срока,
Когда Дама поймет, что со мною она столь жестоко
Обошлась, что никто вновь такого б не вынес урока;
Хоть гремит ее слава, себе я не вижу в том прока,
Ибо выбор, как прежде, зависит от злобного рока.

Друг Бертран, согласитесь, Бертран наш достоин упрека,
Если только и впрямь так правдива молва, как жестока.

ФОЛЬКЕТ МАРСЕЛЬСКИЙ

*Песня, добивающаяся возврата
прежнего чувства*

Столь куртуазный тон возьму,
Чтоб песней двинуть разговор,
Что краше прежних в ней узор
Проявится; а почему?
Императрицу взяв саму
За образец, учтивых фраз
Ее приказ
Я чту, как некий высший глас:
Коль петь звучней,
Искусней, сладостней, нежней
Велит столь славной Дамы власть,
Могу ль в глазах ее упасть?

Лжецов презреньем окружу:
Господь, будь на расправу скор
И выстави их на позор,
Поскольку та, кому служу,
Считает, будто я держу
Другую Даму про запас,
И гонит с глаз
Меня, а клевету пролаз
Пойди развеи:
Уж пойман, кажется, злодей
С поличным — нет, в кусты вдруг шасть..
Я гибну — можно ль их не клясть?

Все ж я приязнь ее верну:
Во лжи всегда есть перебор,
И правда, ей наперекор,

Всплывет, а ложь пойдет ко дну;
Она, поняв свою вину,
Поверит, что правдив рассказ
И без прикрас,
Что предан я не напоказ,
Душою всей,
Притом, что норовит верней
Рассудок душу обокрасть,
Чтоб тешиться любовью всласть.

Коль Милосердья не найду
Я в ней, как быть? Покинуть двор?
Нет, ибо я с недавних пор
Стал в этом прозревать аду
Усладу чаще, чем беду,
Под светом столь прекрасных глаз;
Тем злей потраяс
Меня безжалостный отказ,
Что с давних дней
С мольбой я обращался к ней;
На что хулу, не знаю, класть:
И созерцанье — ад, и страсть.

Смогу ль, как вор уйдя во тьму,
Любить, встречая лишь отпор?
Да, ибо лучезарный взор,
Став стражем сердцу моему,
И тело заточил в тюрьму;
Но хоть огонь надежд угас,
Я искру спас;
Сдержу в узде на этот раз
Напор страстей —
Бывает нить любви прочней,
Коли ее с терпеньем пряхь,
А силой не смирить напасть.

Магнит, нет радости сильней,
Как в том искать благую часть,
Чтоб из-за Дамы мертвым пасть.

*Песня, сетующая на разлуку
с Императрицей, женой сеньора
Монпелье*

Не знающее препон
Желанье душу томит,
Надежды же скорбен вид,
Столь высоко вознесен
 Желанный предмет;
Но разум ставит запрет
Отчаянью — что ж, силен
И тот, и этот резон:
 Питать я не стал
Надежд, но духом не пал.

Зачем дух ввысь устремлен,
Если его тяготит
Рожденный робостью стыд:
Стать может дерзкий разгон
 Источником бед;
Но я утешен, нашед,
Что куртуазный уклон,
Которым я вдохновлен,
 Затем ей пристал,
Чтоб вновь я радость сыскал.

Вот сердцем стал убежден —
И правдой обман глядит,
С усладой коварной слит;
Но верности строг закон:
 Лишь давши обет,
Можно добиться побед;
Я буду вознагражден,
Только б теперь был прощен
 Чувств нежных накал,
Коими к вам я пылал.

Видно, мой разум сражен
Желаньем: я с толку сбит
И взором, в котором скрыт
Обман, мгновенно пленен;
 Любовью задет,

Я не заметил примет
Того, что уже влюблен:
Я был считать обречен,
Пока не устал,
Уколы сладостных жал.

Неправо я обвинен,
Ибо мне мысль претит,
Что поводом для обид
Мог быть куртуазный тон:
Любви ли во вред
Чрезмерный любовный бред?
Хотя я со всех сторон
Прав в том, за что осужден,
Но ваших похвал,
Увы, я напрасно ждал.

Когда вместо пенья стон
Звучит — пусть песня молчит:
Может, отказ облегчит
Столь тягостный мне урон
Теперь, когда нет
Императрицы, чей свет
Юностью в высях зажжен;
Не опустей ее трон,
Давно уж провал
Ждал бы глупцов-прилипал.

Вкушу ль я сладость бесед
С самой прелестной из жен
Иль счастья буду лишен?
Так вас я желал,
Что стал от желанья шал.

О убыли тех времен
Все дни я вздыхал
И ныне в бессилье впал.

*Песня-плач
об умершем эн Баррале,
сеньоре Марселя*

Как те, кто горем сражен,
К жестокой боли хранят
Бесчувствие, рот их сжат,
Исторгнуть не в силах стон, —
Так я безгласен стою,
Хоть слезы мне сердце жгут,
И скорби этих минут
Еще не осознаю:
Эн Барраль мой могилой взят!
Что ни сделай, все не попад
Будет — слез потому не лью.

Рассудок ли поврежден,
Чары ли сердце томят,
Но только найду навряд
Равных ему, ибо он
Втягивал в сферу свою
Честь, спрятанную под спуд,
Словно магнит — сталь из груд
Хлама: и вот вопию
Я о том, что похищен клад
Доблести той, с коею в ряд
Мы ставить не смеем ничью.

Тот нищ, кто до сих времен
В любви его был богат;
Всех смертных оваял хлад,
Когда он был погребен:
О, скольких я отпою —
Весь, весь с ним погибший люд!
Многие ныне соткут
Траурную кисею.
Взял верх над великим и над
Малым он, в сонм благих прият,
Величье придав бытию.

Как верный найти мне тон,
Сеньор, коль в сердце разлад?

В вас был источник отрад,
Свой восполнявший урон
Тотчас, подобно ручью,
Чьи тем обильней текут
Воды, чем больше их пьют;
Кто вашу не пил струю!
Но бог вас берег от утрат,
Так что всякий ваш дар — назад
Возвращаем был десятью.

Того, кто ввысь вознесен,
Здесь ждет, о горе, распад:
Цветок, лия аромат
Сладчайший, был обречен
Смертельному лезвею;
Пусть видят в том божий суд
Все, что по миру бредут,
Как странник в чужом краю;
Позор и забвенья грозят
Тем, кто путь свершал наугад,
Не ища Его колею.

Господь, чтобы был лишен
Навеки победы ад,
Ты сам на кресте распят,
Зато грешный род спасен;
Яви же милость твою
Ему, как являл и тут,
И дай средь святых приют;
О Дева, молитву чью
Как высшей мы ждем из наград,
Попроси за достойных чад
У Сына, чтоб быть им в раю.

Сеньор, пусть я и пою,
Когда грудь слезы мне жгут,
Но скорби прилив так лют,
Что первенство отдаю
Трубадурам, чей выше лад,
Хоть в сердце хвалу вам, стократ
Высшую, чем они, таю.

*Песня,
призывающая к крестовому походу*

Отныне не вижу, что
Могло помешать бы нам
Прийти с мольбой в божий храм,
Проя нам помочь того,
Кто ныне поруган сам:
Враг его Гроба Святого лишил,
Стала Испания долом могил —
Время пустых отговорок прошло:
Здесь никого еще шквал не топил.
Чем еще может он нас упрекнуть?
Разве что снова свершит крестный путь.

Отдав нам себя всего,
Он принял муки и срам,
И было нашим грехам
Так искупленье дано;
Кто жизни желает там,
Пусть не жалеет для господя сил
Здесь, ибо смертью он жизнь возвратил;
Смерти из нас не избегнет никто —
Горе тому, кто страх божий забыл!
В жизни едва мы успеем мелькнуть,
Как предстоит нам навеки уснуть.

Люди о том, что темно,
Судят, подобно слепцам:
Хоть тело — лишь смертный хлам,
Всю жизнь они все равно
Хотят угодить телам,
Души же губят; спасительный пыл,
Их охранявший от смерти, остыл;
Был бы я горд, если б хоть одного
К действию словом своим побудил:
Хватит про бедность волюнку тянуть,
Каждый оденет пусть панцирем грудь!

Пусть будет сердце его
Годно к великим делам!

Король Арагонский, вам
Бог вверил заботу о
Том, чтоб внушить храбрецам,
Что вы — их броня, что крепок их тыл;
Если бы делу король изменил,
Он причинил бы и господу зло;
Тем же, кто верно ему послужил,
Здесь иль на небе сторицей вернуть
Может он все — воздаянья в том суть.

Король Кастильский давно
Не должен верить глупцам,
Его хранящим от ям,
Ибо идти нелегко
Всем по господним путям:
Кто с ним заодно, кто богу вручил
Жизнь беззаветно, лишь тот ему мил,
Всякое дело без бога — ничто,
Любит он тех, кто его возлюбил,
Спесь перед богом не знатна ничуть,
К славе ведет не гордыня отнюдь.

Жизни высокой не зная, не добыл
Чести безумец, поскольку мостил
Гленом дорогу: чтоб нам повезло,
Строить прочнее должны мы настил;
Блага добившись, никто не забудь
Благодареньем Творца помянуть.

Славный Магнит, вас господь отличил —
Срок, чтоб к нему вы пришли, он продлил:
Ваше спасенье — его торжество;
Гибельно плыть без руля и ветрил,
Богу легко нас заставить свернуть:
Ждет он, чтоб сами мы выбрали путь.

АРНАУТ ДЕ МАРЕЙЛЬ

Песня о радости любви

Сладко дыханье апреля,
Майских предвестие дней,
Ночь безмятежную трелью
Околдовал соловей;
Радостью утро тревожа,
Птичий разносится крик,
Всюду им брачное ложе,
Каждый к подруге приник.

В каждом трепещущем теле
Пламя страстей все сильней,
Чувствую в сердце веселье —
Схожа любовь их с моей.
Ветер, погладив по коже,
В грудь животворно проник;
Радости предан я тоже,
В Радости жить я привык.

Краше она асфоделей,
Телом — Елены белей,
Искренна в слове и в деле —
Верх куртуазности в ней;
Рыжеволоса, пригожа,
Чисто и сердце и лик.
Всю красоту твою, боже,
В сей госпоже я постиг.

Милость ведет меня к цели,
И поцелуй без затей,

Ею таимый доселе,
Службе награду моей,
Я получу — чтобы позже
Путь одолеть нам за миг,
Об руку с ней в бездорожье
Счастья возок я настиг.

*Песня о верности,
которая поможет перенести
удары судьбы*

Искренностью приема
В плен я навеки взят:
Облик, улыбка, взгляд,
Весь ваш вид и наряд
В сердце живут моем;
Дама, я смерть приму,
Если вас не смягчат
Скорбь и страдания в том,
Кто отныне в ваш дом
Входит, словно в тюрьму.

С фальшью страсть не знакома,
И не грозит ей спад,
Хоть и во много крат
Из-за ваших преград
Мне затруднен подъем;
Дама, в толк не возьму,
В чем же я виноват:
Если только в своем
Чувстве — что ж, поделом,
Я даже рад клейму.

Душа лишь к вам влекома:
Пусть иные не мнят,
Что добиваться рад
Я и от них услад, —
Ваш я весь целиком;
Пусть же мне одному

Ваши взоры` сулят
Милость: мой окоем,
Не озарив лучом,
Не ввергайте и в тьму.

Дама, в сердце истома,
Робостью я объят;
Пусть иной не богат,
Но он бережней клад
Чести, коль с ней знаком,
Спрячет в свою суму,
Чем неучтивый хват,
Лезущий напролом
С верой, что все кругом
Принадлежит ему.

Ждать в судьбе перелома
Тщетно: вместо наград
Мне удары грозят
Еще горших утрат;
Но стою на своем
И теперь, потому
Не повернув назад,
Что соперник ведом
Звездами и умом
К торжеству своему.

Генуэзец! К чему
Скрывать: где все подряд
Заняты королем
И знатью — в круге том
Вы — голова всему.

*Песня, в которой влюбленный
не теряет надежд на успех*

Тешились мысли мои,
 О печали забыв,
Но Дама, чей стан красив,
Чье сердце кротко и нежно,
Сказала, что безнадежно
 К ней взывать о любви;
 Все ж, не смирясь с судьбой,
 Я надеюсь мольбой
Смягчить ее, а дотоль
Уныла моя юдоль.

Дама, когда б вы могли
 Знать о том (утолив
Смиренной любви порыв,
К вам обращенный прилежно),
Сколь чувство мое безбрежно,
 К стонам вы б снизошли,
 Ипускаемым мной:
 Жалуется больной,
Избыть надеясь не столь
Хворь пенями, сколько боль.

Прекрасная Дама, чьи
 Речи — диво из див,
Выслушайте мой призыв
С вниманьем, а не небрежно;
Мне предстоит неизбежно
 В страхе забиться в щель,
 Столь престол ваш высок;
 Но Овидий предрек,
Что знатностью не обрести
Любви, коль чужда ей лесть.

Так и средь дальних земель
 Слава гремит о вас,
Что мой восторженный глас
К ней ничего не прибавит;
Однако в хоре оставит

Свой звук новая трель,
Ибо, как ни легок,
Чашу весов листок
Все ж заставляет осесть;
Вам мало хвалы, что есть!

Манеры, каких досель
Я не встречал, свет глаз,
Радужье не напоказ,—
Певец по заслугам славит
Вас, ту, которая ставит
Столь высокую цель;
Радости в вас исток,
Вот почему предлог
Превозносить вашу честь
Берется, отколь невесть.

Генуэзец! Апрель —
Май — цветения срок:
Чтоб, как его, я мог
Вас всем другим предпочесть,
Вы продолжаете цвести.

Француз! Забыв зарок,
Кто-то честь не сберег —
Тем радостнее нам весть,
Что в вас достоинств не счесть.

МОНАХ МОНТАУДОНСКИЙ

Песня о том, что невыносимо

Хоть это и звучит не внове,
Претит мне поза в пустослове,
Спесь тех, кто как бы жаждет крови,
И кляча об одной подкове;
И, бог свидетель, мне претит
Восторженность юнца, чей щит,
Нетронут, девственно блестит,
И то, что капеллан небрит,
И тот, кто, злобствуя, острит.

Претит мне гонор бабы скверной
И нищей, а высокомерной;
И раб, тулузской даме верный
И потому ей муж примерный;
И рыцарь, о боях и проч.
И как до рубки он охоч
Гостям толкующий всю ночь,
А сам бифштекс рубить не прочь
И перец в ступке натолочь.

Претит — и вы меня поймете —
Трус, ставший знаменосцем в роте,
И ястреб, робкий на охоте,
И если гущи нет в компоте;
Клянусь святым Мартином, не
Терплю я вкус воды в вине,
Как и участие в толкотне
Калек, ибо приятней мне
Быть одному и в тишине.

Претит мне долгая настройка
Виол, и краткая попойка,
И поп, кощунствующий бойко,
И шлюхи одряхлевшей стойка;
Как свят Далмаций, гнусен тот,
По мне, кто вздор в гостях несет;
Претит мне спешка в гололед,
Конь в латах, пущенный в намет,
И в кости игроков расчет.

Претит мне средь зимы деревней
Плестись, коль нет приюта мне в ней,
И лечь в постель с вонючкой древней,
Чтоб в нос всю ночь несло харчевней;
Претит — и даже мысль мерзка! —
Ждать ночью мойщицу горшка;
И, видя в лапах мужика
Красотку, к ней исподтишка
Взывать и тщетно ждать кивка.

Претят наследников уловки,
Клянусь Творцом, и без сноровки
Кикс, сделанный в инструментовке,
И ростовщик, что ждет поклевки;
Как свят Марсель, осточертел
Мне плащ в два меха, и прицел
Трех братьев на один надел,
Четырехгранность пик и стрел,
И кто богат, а не у дел.

И не терплю я, боже правый,
Чтоб резал мясо мне лишавый,
И стол под скатертью дырявой,
И тяжкий груз кольчуги ржавой;
Мне тошно высадки в порту
Ждать в ливень на сквозном ветру,
И наблюдать друзей войну,
И, чуя в сердце маету,
Зреть в каждом равную вину.

Прибавлю, что мне также тяжки
Девицы уличной замашки,

Курв старых крашенные ряшки
И фат, в свои влюбленный ляжки;
Претит мне — о святой Авон! —
У тучных женщин узость лон,
Под ноль стригущий слуг барон;
И бденье, если клонит в сон,—
Вот худший для меня урон.

Но тем я полностью задрочен,
Что, в дом войдя, насквозь промочен
Дождем, узнал, что корм был сочен
Коню, но весь свиньей проглочен;
Вконец же душу извело
С ослабшим ленчиком седло,
Без дырки пряжка и трепло,
Чьи речи сеют только зло,
Чьим гостем быть мне повезло.

*Песня о беседе монаха
с богом, который поощряет
его сочинительство,
но порицает измену
королю Ричарду*

Гостил я в раю на днях
И до сих пор восхищен
Приемом того, чей трон
Встал на горах и морях,
Кто свет отделил от теми;
И он мне сказал: «Монах,
Ну как там Монтаудон,
Где больше душ, чем в Эдеме?»

«Господь, в четырех стенах
Келейных я заточен;
Порвал не один барон
Со мной, пока я здесь чах,
Неся служенья вам бремя;

Мне в милостях и благах
Не отказал лишь Рандон
Парижский вместе со всеми».

«Монах, ходить в чернецах
Не мною ты умудрен,
А также нести урон
В честолюбивых боях
Иль сеять раздоров семя;
Ты лучше шути в стихах,
А братией будет учтен
Барыш на каждой поэме».

«Господь, но звучащий в строках
Песенных суетный тон —
Грех, а гласит ваш закон,
Что мертв погрязший в грехах;
Я ключ не нашел к проблеме,
Лишь чувствую божий страх
И, путь забыв в Арагон,
Об пол разбиваю темя».

«Монах, потерпел ты крах,
Когда не пошел вдогон
За тем, чей лен — Олерон;
Так вот: кто был с ним в друзьях,
Кого он спас в свое время,
Кто знал, что в его дарах
Вес стерлингов не сочтен,—
И предал! — король не с теми».

«Господь, это вашей взмах
Десницы к тому, что он
Не встречен, ибо пленен,
Привел — все в ваших руках;
Плывет сарацинов племя
К Акре на всех парусах,
И, значит, тот обречен,
Кто вдел ради вас ногу в стремя».

ГАУСЕЛЬМ ФАЙДИТ

*Песня
об усладе, полученной
влюбленным от Дамы
накануне крестового похода*

Был полон услад
Этот час предзакатный.
Бель-Эспер, мне взгляд
Подарив столь понятный,
Прорвал цепь преград,
Сделав шаг безвозвратный, —
И вновь из свободной,
А до тех пор бесплодной
Души — песнь звучит,
Животворный пролит
Дождь над почвой безводной:
Та, кем был я убит,
К жертве благоволит.

Кого не пленит
Доблестей список сводный:
Взор смел и открыт,
Полон силы природной;
В поступках сквозит
Строй души благородной;
Род гордый и знатный;
Дамой нежной и статной
В служенье я взят:
Из Прованса назад
Нет дороги обратной —
Здесь я до светлых дат
Дожил и стал богат.

Достался мне клад
Редкий, невероятный:
Сам душевный склад
Ее — столь деликатный,
Что встречи сулят
Родить, слуху приятный,
Поток полноводный
Слов и музыки, сродной
Той, что утолит
Жажду; чьей речью сыт
Станет мой ум голодный;
Той, что судьбу корит
И в разлуке скорбит.

Но, увы, визит
Я нанес неугодный —
Презреньем покрыт,
Как бродяга безродный;
Досель не разбит
Лед той встречи холодной
Мольбой многократной,
Ни моей речью внятной
О том, что навряд
Я опозданию рад,
Прежде столь аккуратный,
И не сам виноват,
Что пришел невпопад.

Мне душу долят
Грехи — в край благодатный,
Где бог был зачат
И рожден, я на ратный
Труд, в сверканье лат,
В путь отправлюсь превратный
В колонне походной;
Но в тоске безысходной
Дама зря сидит:
Ведь господь наградит
Славой, с земною несходной,
Тех, кем не был забыт,
Их восхитив в свой скит.

Нам путь предстоит
Туда, где едиnorodный
Сын божий хранит
Тех, кто богоугодный
Поход совершит;
Дар его превосходный —
В любви всеохватной,
Смысл ее необъятный
В том, чтоб стал сам ад
Смертью его заклят,—
Вот наш долг неоплатный!
Примем же боль утрат
Ради высших наград!

Дама Мария, вид
Ваш хоть кого сразит,
А прием благородный
Вежеством столь знаменит,
Что и владык пленит.

*Песня, в которой доблестный влюбленный
изливает на изменившую ему Даму
свой гнев лишь в последнем куплете*

Кто закален в воспитании строгом,
Кто в испытаньях любовью проверен,
Тот уповает, что будет итогом
Признание Дамы за то, что ей верен,—

И, значит, стократ
Мне то, что дал, возвратят:
Живу, равно принимая,
Добро иль зло мне творят,
И все, любви угождая,
Вынесу — но не разлад.

Шел я в любви лишь по верным дорогам:
Так как восторг мой пред Дамой сверхмерен,
Радость найду и в приеме убогом,
Но, оробевши, просить не намерен

Ни ласк, ни наград;
Однако пусть их кричат —
Хочу получить сполна я:
По праву принадлежат
Мне главные доли пая —
День почестей, ночь усад.

Только желанье и служит залогом
Будущих благ, и, хотя я растерян,
Все же меня утешает во многом
Нрав, что возвышен и нелицемерен,

И ласковый взгляд —
Ведь тех, кто Амором взят
В слуги, ждет участь благая;
Речи ее веселят
И, милости обещая,
Надеяться мне велят.

Кажется, нет больше места тревогам,
Но пред прелестной в себе неуверен
Я становлюсь и стою за порогом
Высокородной, поскольку немерян

Сокрытый в ней клад;

Все делаю невпопад,
Жду от нее нагоняя,
Но даже пусть посулят
Мне трон королевский Мая,
При ней я остаться рад.

Мудрый свободным от зауми слогом
С тем, в чьей душе след надежды похерен,
Шутит: «Знать, скудный надел ему богом
Выдан!» — хорош афоризм или скверен,

Но я-то богат
Любовью; пусть лучше в ад
Добрая ввергнет, чем злая
Введет меня в райский сад;
Иной судьбы не желая,
Я счастлив и среди утрат.

Знаю о Даме я, склонной к подлогам:
Пояс супружеской чести утерян
Ею, как свойственно то недотрогам;
Гневный сарказм мой, увы, правомерен,

Когда нарасхват
Идет она, всем подряд
Вслух свой товар предлагая,
И рад, что ни сват ни брат
Я ей, поскольку такая
Похвал достойна навряд.

Мария, Дама благая,
Вам эти нравы претят,
Радует всех, привлекая
К себе, ваш душевный склад.

*Песня, в которой трубадур
просит Даму вернуть ему
утраченное расположение*

Птиц мелодичный куплет
Мне душу не веселит,
И голос мой, с грустью слит,
Зря звучит:
Мольбою Даму впустую
Атакую —
Не простит
Она столь горьких обид;
И в сердце стыд,
Ибо зачинщику бед
Просить прощенья не след.

Итак, зря будет пропет
Тот стих, что в груди звенит!
Проситель, плача навзрыд,
Только злит
Даму, к рыданиям глухую:
Я рискую,
Что мой щит
Вдребезги будет разбит, —
Она отмстит,
Ибо теперь не секрет
Одна из моих побед.

Но пусть нанесен был вред
Мне той, чей порочен вид,
Ужель добить поспешит
И казнит
И та, в ком участь благую
Я взыскую?
Иль гласит
Закон, что должен убит
Из волокит
Быть каждый? Но это бред,
В котором жалости нет!

Признаться, строгий запрет
Не так уж сердце долит:

Коль вновь подойти велит
И пленит
Милостью — не протестую,
Ведь такую,
Что решит
Сказать, что конфликт изжит,
Кто не почтит
Высокой хвалой, нашед
В ней поклоненья предмет?

Я снова увижу свет,
Когда соблаговолит
Она узнать, как болит,
Как скорбит
Душа моя. Нет, ни в какую!
Я горюю,
Но закрыт,
Видимо, ею кредит:
Мной не излит
Жалоб поток — и примет
Счастливых потерян след.

Я дам терпенья обет,
Приду к ней, вервью обвит:
Иль больше пусть не винит,
Иль сразит
На месте — сразу тем злую!
Только чую,
Сообразит,
Что смерть от мук защитит,—
И превратит
Жизнь в цепь мучительных лет,
На том завершив сюжет.

Сеньор Пуатье грустит,
Ибо забыт
И слышит всегда в ответ
Вместо ста «да» одно «нет».

ЭЛИАС Д'ЮССЕЛЬ — ГАУСЕЛЬМ ФАЙДИТ

Песня-перебранка

— Будь пилигрим наш — эконоом,
Не делай он в дороге трат,
Куда как был бы он богат,
Сам Саладин искал бы в нем;
А не провисни брюхо с юных лет,
У турок вовсе б не было побед.
Готов он снова повторить маршрут,
Но крошка сын его до денег лют.

(Эн Элиас свой произносит суд
Над Гаусельмом, что, как палка, худ.)

— В Шарлюсе с хлебом и вином
Дела не блеск, но полон склад
Острот и шуток невпопад,
А в общем — покати шаром;
Их рожь и просо — трескотня бесед,
Разменная монета их — куплет,
Там плащ из слов, а не из белок шьют,
Езжайте, там вас славный ждет приют.

— Я, Гаусельм, в долгах кругом,
А так как вы — богач и хват,
Владелец каменных палат,
Я лезть не стану напролом:
Я беден, вы зато — мешок монет,
Плюс пышная Гильельма — пары нет

Ни за морем, уверен я, ни тут
Прекрасней, чем дитя любви и шут.

— С сестрицей сводною вдвоем
(Как говорит Эбле, их брат)
Заходит много дней подряд
Эн Элиас к соседу в дом.

Но
. . . заводит с ним спор, кто толще, — бред:
Мы оба опухаем в день на пуд,
Он с голодухи, я от жирных блюд.

ГИ Д'ЮССЕЛЬ — ЭЛИАС Д'ЮССЕЛЬ

*Песня-партимен о том,
что предпочтительнее:
быть мужем или любовником Дамы?*

— Эн Элиас, поговорим
О тех, кого любовь влечет,
Кто никогда любви не лжет
И без обмана сам любим;
Скажите: если нами чтим
Закон любви, то в чем почет:
Любовником иль мужем Дамы стать —
Когда бы можно было выбирать?

— Кузен, в любви невыносим
Обман — и, значит, прост расчет:
Конечно, каждый предпочтет
(Коль страстью он, как я, томим)
Владеть сокровищем таким
Всегда, а не один лишь год;
Приятней долго мужем пребывать,
Чем кончить дело, не успев начать.

— То называю я дурным,
Эн Элиас, что нас гнетет,
А что отвагу придает,
С тем мой союз нерасторжим:
Во взоре Дамы свет мы зрим,
Жены же очевиден гнет;
Не кавалеру, а шуту под стать
Супругу, словно Даму, прославлять.

— Кузен, коль дух не одержим
Любовью, что́ его проймет?
Вкусив усладу, лжец уйдет,
Притворством далее гоним;
Но я огнем любви палим,
И сердце лишь к супруге льнет;
А откажись я, скажем, целовать
И чтить ее — так вправе и прогнать.

— Хоть жар любовный нестерпим
И мне, эн Элиас, я — тот,
Кто Даму замуж не берет:
В женитьбе грубый есть нажим,
Мы браком госпожу не чтим,
Но глупый делаем просчет:
Любви на плечи взваливая кладь,
Могу ль я от нее признанья ждать?

— Кузен, когда мы не хотим
Избавиться от стража, от
Соперника, от злых забот:
Поступок наш неизвиним;
Возлюбленный, как нелюдим,
Скрывается, а муж невзгод
В любви не знает; лучше процветать
Супругом, чем любовником страдать.

— Эн Элиас, кто кем хулим,
На Маргарита разберет:
Пусть заклеяет меня стыда печать,
Коль я от мужа мог в любви отстать.

— Кузен, мы спор наш разрешим:
Она, в ком доблести оплот,
И знатность, и взыскательность, и стать,
Заставит вас провал ваш осознать.

МАРИЯ ВЕНТАДОРНСКАЯ — ГИ Д'ЮССЕЛЬ

*Песня-тенсона о том,
имеет ли в любви Дама
превосходство над мужчиной*

— Ги д'Юссель, сердит мой упрек:
Почему, о пенье забыв,
Вы молчите? Талант ваш жив,
И к тому ж вы любви знаток:
Так ответьте, должно ль Даме в обмен
На страстность представленных другом сцен
С ним столь же страстный вести разговор?
С такой точкой зренья возможен спор.

— На Мария, изящный слог
Позабыт мной, как и мотив
Сладостный, но на ваш призыв
Я откликнусь десятком строк.
Итак, дать обязана Дама взамен
Любви — любовь, ту назначив из цен,
Чтоб равенство соблюдал договор
Без счетов, кто кем был до этих пор.

— Ги, влюбленный, подав намек
Даме, должен быть терпелив
И благодарить, получив
Милость в должном месте в свой срок;
Пусть просит, не поднимаясь с колен:
Она — и подруга, и сюзерен
Ему; превосходство же ей не в укор,
Поскольку он — друг ей, но не сеньор.

— Дама, или вам невдомек,
Что учтивая, как друг учтив,
Дама быть должна: ведь порыв
Одинаковый их увлек;
Если ж попала она к нему в плен,
Пусть подчиняется, из-за измен
Не начиная с возлюбленным ссор,—
Должен быть весел всегда ее взор.

— Ги д'Юссель, но свершить подлог
Может всякий, кто сердцем лжив:
Вот влюбленный, руки сложив,
Молвит Даме, упав у ног:
«Молю вас мне выделить в сердце лен!» —
Поднимут же — буркнет: «Любовь — лишь тлен!..»
Кто нанят слугой, не будь столь хитер,
Чтоб хозяин с тобой делил свой двор!

— Дама, вы лишь то, сколь жесток
Нрав ваш, явите, прав лишив
Друга, с кем — сердца ваши слив —
Одарил вас поровну рок;
Хотите ль, чтоб он пред Дамой согбен
Стоял всю жизнь и не ждал перемен?
Признайтесь, что мысль такая — позор,
Он равен любой из ваших сестер.

ГРАФИНЯ ДЕ ДИА

*Песня о благородстве и верности Дамы,
брошенной возлюбленным*

Печалью стала песня пережитая:
О том томлюсь и на того сердита,
Пред кем в любви душа была раскрыта;
Ни вежество мне больше не защита,
Ни красота, ни духа глубина,
Я предана, обманута, забыта,
Впрямь, видно, стала другу не нужна.

Я утешаюсь тем, что проявила
К вам, друг, довольно нежности и пыла,
Как Сегуин Валенсию, любила;
Но хоть моя и побеждала сила,
Столь, друг мой, ваша высока цена,
Что вам в конце концов и я постыла,
Теперь с другими ваша речь нежна.

Как быстро вы со мной надменны стали!
Не правда ль, друг, могу я быть в печали,
Когда вас грубо у меня отняли,
Хоть мне и безразлично, эта, та ли,
И что пообещала вам она?
А вспомните, как было все вначале!
Разлука наша — не моя вина.

Забвенья клятв взаимных душу ранит,
Но влечься к вам она не перестанет,
Ибо, как прежде, ваша доблесть манит,
И здешняя ль, чужая ль — им числа нет! —

Любить желая, в вас лишь влюблена;
Надеюсь, друг, вам тонкости достанет
Ту отличить, что вам навек верна.

Мне славы хватит отразить упреки:
Род стар, нрав легок, чувства же глубоки
И не присущи внешности пороки;
Как вестника, я шлю вам эти строки,
Прекрасный друг мой, ибо знать должна,
Из гордости ли вы ко мне жестоки,
Иль это злонамеренность одна.

Понятны ль вам в посланье сем намеки
На то, сколь гордость для людей вредна?

РАЙМБАУТ ДЕ ВАКЕЙРАС

*Песня-гарламбей
о небывалом ристалище,
которая, говоря о лошадях,
имеет в виду Дам*

Мне образец мотива
Дал Монт Рабей,
Чтоб я спел, как красиво
В стране моей
Турнир был разыгран — диво
Недавних дней.
Я расскажу правдиво,
Кто из гостей
Вел себя неучтиво
С Дамой своей.
Встретясь, рыцари живо
Всех лошадей
Переменяли счастливо —
Чья же ценней?
То-то была пожива!

Спор начавшему — слава —
Дону де Бос!
Лошадь его костлява,
И взгляд раскос,
Притом дикого нрава —
Какой с нее спрос?
Езда на ней — не забава!
Копье занес
Эн Раймон величаво,
Но обошлось
Дело без костоправа:
Просто увез

С собой кобылку. Право,
Не стоит слез
Урон, коль подумать здраво.

Мчался, лица не пряча,
Сквозь гром и дым
Сам Драгонет на кляче,
Цел, невредим;
Был его конь не иначе
Конем лихим,
Силою всех богаче,
Зато и злым,
И низкорослым в придачу,
И остальным
Не взял — вот незадача;
Сброшенный им,
Повествовал, чуть не плача,
Друзьям своим
Всадник о неудаче.

Смело врага встречая,
Граф де Боке
Скакал, души не чая
В своем коньке.
Был храбр де Монлор, ристая
Невдалеке,
И отдалась гнедая
Его руке,
Средь рычанья и лая
Мчась налегке.
Граф, другую седлая,
Не стыл в тоске:
Ржет теперь вороная
В его табунке —
Более молодая.

И Барраль из Марсея
Не думал пасть.
Был скакун его в теле,
Каурая масть,
Всех проворнее в деле.
Крепкую снасть

Ловцы сплести успели,
Решив напасть,
Когда был он у цели.
Эн Барраль клясть
Начал тех, что посмели
Лошадь украсть.
Но над ней неужели
Вернет он власть,
Вновь поймав еле-еле?

Выехал на арену
Эн Понс верхом.
Честь его я задену
И со стыдом
Опишу эту сцену,
Этот разгром:
Оруженосец, измену
Взлелеяв тайком,
Стал своему сюзерену
Грозить копьем;
Эн Понс готовился к плену,
Но пегую в дом
Тот ввел, обтирая пену,
Забыв о нем.
Ищет эн Понс замену.

Де Меольона сначала
Ждал лишь успех,
Но арабка устала
Быстрее всех —
В стойле жирок нагуляла,
Был такой грех.
В его враге немало
Доблестей тех,

.
.

Поместил под забрало
Он без помех;
Тот, когда затрещало,
Сказал сквозь смех,
Что жалеть не пристало.

Отличился в ристанье
И Авенгут;
Лошадь купил в Испании,
Был с нею крут —
Увели!.. Он в незнанье,
Кто ж этот плут,

.
.

Ибо в стране Германии
Не найдут
Трех из его компании;
Правда, тут
Я не слышал рыданий,
Видно, не ждут
Их назад из скитаний.

*Песня о величии и непобедимости
любовного чувства*

Вот, обложил Амор, мой сюзерен,
Меня оброком, ибо силой чар
Прекраснейшей из дам смягчен удар
И в сердце щедром выделен мне лен.
Дождался я столь доброго совета,
Что благом для меня стал прежний вред;
И так как лучшей в целом мире нет,
Она по праву будет мной воспета.

Взираю на нее, не встав с колен,
И чувствую в груди такой же жар,
Как перед Фисбою Пирам в разгар
Исполненных великой страсти сцен.
Я следую благим словам совета
Той, для которой слов достойных нет,
В ней для клеветника — источник бед,
Но милости источник для клеветра.

Когда сдавался Алый Рыцарь в плен,
То Персеваль не более был яр,

Чем я, когда рассеялся угар
И вдруг пахнуло ветром перемен;
Я в восхищенье от ее совета,
Но мучусь, как Тантал, когда запрет
Она кладет на искренность бесед,
Сама ни в чем не ведая запрета.

О Дама, разве я стоял согбен,
Когда просил мне срезать локон в дар
И средство дать, чтоб так не жег пожар?
Я был — как к Тиру рвавшийся Эвмен!
И вот добился славного совета,
Что стоит всех Эвменовых побед.
Теперь иль смертный мрак, иль горний свет
Вознаградит настойчивость аскета.

Энглес мне дал приют средь крепких стен,
Но бог велел Оранж и Монтлимар
Покинуть, чтобы тем избежать кар,
Ибо прекрасной Даме нет замен;
И стань я даже королем полсвета —
Послушный указаниям планет,
Я б трон оставил, чтоб напасть на след
Той, что достойна своего совета.

Прекрасный Рыцарь, украшенье света,
В меня вселил надежду ваш совет,
Ибо моей любви он не во вред,
И нет для песни сладостней предмета.

На Беатрис из Монферрата, эта
Кансона льется вашей славе вслед,
Скрывая лучезарный ваш портрет
Под позолотой каждого куплета.

Эстампида о неразделенной любви

Начало мая,
Певуний, стая,
Зеленый бук,
Лист иван-чая —
Но, увядая,
Цветенью края
Ваш, Дама, друг
Не рад, мечтая
Спастись от мук,
Услышав, злая,
От вас хоть звук,
Вы ж — как немая.

 Как рая,
 Желая
 Близ вас
Быть, о благая, —
 Лжеца я,
 Ристая,
 Сбил в грязь
Как негодяя.

Пред богом стоя,
Молю его я,
Любовь чтоб спас
Он от разбоя,
Ревнивца злое
Дело расстроя.
Нет вовсе нас,
Коль нас не двое,
Ибо без вас
Ни то ни се я;
Сияньем глаз
Не удостоя,
 Какое
 Былое
 Мне вы
Вручили б! Но и
 Средь боя
 Пустое —
 В любви
Искать покоя.

Как получу я
Ту, в ком впустую
До этих пор
Счастья взыскую?
Ведь вхолостую
О поцелуе
Грезить — позор!
Напропалую,
С бою ваш двор
Все ж не возьму я:
Губит ваш взор
Все подчистую.

 Не всуе
 Нагую
 Вас зреть
Я б стал, ликуя;
 Другую,
 Не лгу я,
 Иметь
И не могу я.

Вместо привета —
Горечь запрета.
Бель-Кавальер,
Прошу ответа:
Чистая это
Разве монета,
Коль лицемер,
Щеголей света
Ставя в пример,
Множит клеветы,
Взяв столько мер
Скрыть суть предмета?

 О, где-то
 Те лета!
 Жду я,
Жертва навета,
 Совета;
 Без света
 Жизнь вся
В траур одета.

Сравнить бы надо
Сверканье взгляда
На Беатрис
С цветеньем сада!
Мне мука ада —
Ваша досада.
В вас все сюрприз
И все отрада,
Любой каприз —
Мне лишь привада,
Когда я близ
Такого клада.

Награда
Вне ряда —
Сердца
Вашего склада.
Измлада
Улада
Певца —
Поиски лада.

Кто, к вам лишь идя,
Близ вас лишь сидя,
Мог в смертный грех
Не впасть при виде
Вас — тот в Аиде,
Вас ненавидя,
Сгинет. В успех
Верю я, видя
Радость утех
В каждом флюиде:
Вы лучше всех —
Я рад планиде!
Предвидя
Бесстыдье,
Служу,
Как тот Эниде,
Но, выйдя
В обиде,
Скажу
Стоп эстампиде.

*Песня-девиналь, загадывающая пять загадок:
о победе женщин над мужчинами,
о мирской славе, о брожении вина,
о павшем в землю зерне и о дыхании*

1. Имеет слабость больше сил,
Чем сила; тот, кто слаб и мал,
Ослабив сильных, побеждал,
Великий проявляя пыл;
Лишь тот, кто слаб бывал, но смел,
У силы честь отнять умел.
Над сильным властен слабый пол.
2. Вздор некий то всегда губил,
Что сам творил и разрушал;
Мир видел в нем свой идеал,
А он — ущерб лишь приносил.
Так где безумию предел?
Вздор в этом мире преуспел,
Поскольку мир в нем вкус нашел.
3. Служа судьбе, я проследил,
Как кислый вскоре сладким стал;
Знать, оба от одних начал,
Коль кислый сам себя сластил.
И холод медленно теплел
В боренье нежном этих тел,
Где сладкий кислого борол.
4. Мне часто был умерший мил,
Я видел, как он воскресал;
Он больших заслужил похвал,
Чем тот, который только жил.
Умерший полн грядущих дел;
Кто смерти страх преодолел,
Не мыслит смерть одним из зол.
5. То стужу грел, то жар студил
Благовещательный канал,
Одно другим уничтожал
И воедино их сводил.

Лишь бедность — богача удел.
Ты в этом притчу усмотрел?
Нет, просто ум я с правдой свел.

6. Вместила слабость много сил,
И кислый вскоре сладким стал,
И холод жар уничтожал,
И некий вздор себя губил,
И умиравший богател,
И был богатый жертвой дел,
В которых честь свою обрел.

Песня-романс

о возлюбленном, уплывшем за море

Волны высокие, волны кругом,
Ветром гонимые на волнолом,
Весть мне подайте о друге моем!
Он до сих пор не вернулся в свой дом!
Увы, дар любви!

И скорби, и радости — слуги твои!

Нежный зефир, захвати из широт,
Где засыпает мой друг и встает,
Вдох его нежный с собой в перелет!
Видишь, томясь, приоткрыла я рот.
Увы, дар любви!

И скорби, и радости — слуги твои!

Страсть к иноземцу всегда тяжела,
Он веселится — мне жизнь не мила,
Все, что просила любовь, я дала —
Предал меня он! За что столько зла?
Увы, дар любви!

И скорби, и радости — слуги твои!

АЛЬБЕРТ МАЛАСПИНА — РАЙМБАУТ ДЕ ВАКЕЙРАС

*Песня-тенсона,
в которой оба трубадура
терпят поношение:
один — за бедность и неудачливость,
другой — за грабеж на дорогах и трусость*

— Правда ль, Раймбáут, что с вами дамы строги?
Та, для кого вы делали концы
В Торгону (обивать ее пороги),
Чьи качества, приняв за образцы,
Прославить вы старались в каждом слогe,
Нашла, что есть не хуже вас певцы;
Она такие сочинит эклоги,
Что хватит в них и вам, и ей грязцы;
Вы — к Даме, а она давай бог ноги.

— Маркиз Альберт, вы правы, я в тревоге,
Ибо и мне прислали весть гонцы,
Что Дама, для войны ища предлоги,
Меня успела записать в льстецы,
Видать, забыла о душе и боге;
Изменницу, я верю, под уздцы
Судьба возьмет, а с ней и вас в итоге,
Поскольку стонут в Генуе истцы,
Что на беду вас встретили в дороге.

— Клянусь, Раймбаут, ваш взгляд на вещи сужен,
Я забираю у скупцов товар
Не ради жалких денег иль жемчужин,
И он идет не мне в казну, а в дар
Таким, чей шаг ломбардскими натружен
Дорогами, — таким, как вы, фигляр!

Жонглер поет, хоть грустен, хоть недужен,
И, видно, был во власти ваших чар
Тот в Павии, что вас позвал на ужин.

— Маркиз Альберт, ваш бравый тон натужен,
В делах интересуется вас нагар;
Всех больше мил вам тот, кто безоружен;
Мне не найти для вас достойных кар,
Ибо конец позорный тем заслужен,
Кто, ставя Петракорву под удар,
Пел, что и Валь-де-Тар ему не нужен;
Вас презирает Ланфранкон да Мар
И Николо, что встарь был с вами дружен.

— Клянусь, Раймбаут, я искренне расстроен,
Вы отреклись от лучшей из карьер:
Был ваш трень-брень признанья удостоен,
Вы из жонглера стали кавалер,
А скольких благодетелей не доен
Еще кошель! Любители химер
Оправиться не могут от пробоя;
За скакуна вы дали пару мер
Овса: конь есть, но в ножнах меч спокоен.

— Маркиз Альберт, ваш разум так устроен,
Чтоб сетью гнусных каверз и афер
Опутать тех, кто лучшего достоин;
Вы на словах сторонник сильных мер,
И что же? Я не Оливье как воин,
Но и для вас, похоже, не пример
Роланд: ваш замок Кастаньер присвоен
Людьми Пьяченцы — в землях недомер
Значительный и может стать удвоен.

— Раймбаут, Оруженосец мой в карьер
Коня пустил — я не обеспокоен
Ни тем, что вы нашли, ни что эн Пьер —
Кастрат в парше, к тому ж неладно скроен.

— Маркиз Альберт, и тот стал маловер,
Кто доверял вам до недавних боен;
Я слышал, вас Сеньор-де-Изувер
Зовут или Маркиз-де-Непристой.

АНОНИМ

Предрассветная песня-альба

Дама и друг ее скрыты листвою
Благоуханной беседки живой.
«Вижу рассвет!» — прокричал часовой.
Боже, как быстро приходит рассвет!

— Не зажигай на востоке огня —
Пусть не уходит мой друг от меня,
Пусть часовой дожидается дня!
Боже, как быстро приходит рассвет!

— Нежный, в объятиях мой стан сдави,
Свищут над нами в ветвях соловьи,
Сплетням назло предадимся любви,
Боже, как быстро приходит рассвет!

— Нежный, еще раз затеем игру,
Птицы распелись в саду поутру,
Но часовой не сыграл ту-ру-ру.
Боже, как быстро приходит рассвет!

— Дышит возлюбленный рядом со мной,
В этом дыханье, в прохладе ночной
Словно бы нежный я выпила зной.
Боже, как быстро приходит рассвет!

Дама прельстительна и весела
И красотой многим людям мила,
Сердце она лишь любви отдала.
Боже, как быстро приходит рассвет!

АНОНИМ

*Танцевальная песня девушки,
выданной замуж за немилого*

Да будет вам все обо мне известно:

И хороша я, да все мне постыло,
Я ласкова, молода и прелестна,

И хороша я, да все мне постыло,
Мне б мужа такого, чтоб интересно
И весело дни проводить с ним было.

И хороша я, да все мне постыло,
Есть муж у меня, да жить с ним немило.

Убей меня бог, коль мне с ним чудесно:

И хороша я, да все мне постыло,
И мысль о любви к нему неуместна,

И хороша я, да все мне постыло,
Жить в доме одном с ним вместе мне тесно,
Пусть ранняя примет меня могила.

И хороша я, да все мне постыло,
Есть муж у меня, да жить с ним немило.

Одна еще тешит меня отрада:

И хороша я, да все мне постыло,
Мой друг на меня не бросит ли взгляда?

И хороша я, да все мне постыло,
Надежда спасает меня от ада,
Жить, друга не видя, темно и уныло.

И хороша я, да все мне постыло,
Есть муж у меня, да жить с ним немило.

Открою я вам, в чем моя отрада:

И хороша я, да все мне постыло,
Поскольку друг меня любит измлада,

И хороша я, да все мне постыло,
Не отказать ему буду я рада,

Лелеять эту надежду мне мило.

И хороша я, да все мне постыло,
Есть муж у меня, да жить с ним немило.

На нежный мотив пропета баллада,

И хороша я, да все мне постыло,
Пускай продолжает тот, кому надо,

И хороша я, да все мне постыло,
И дама с душою тонкого склада,

И друг, с которым мне видеться мило.

И хороша я, да все мне постыло,
Есть муж у меня, да жить с ним немило.

ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ

*Песня о том, как трубадур,
влюбившись в Даму Лобу,
что значит Волчица, готов
облачиться в волчью шкуру
и быть гонимым пастухами*

Мне петь от тоски невмочь,
Ибо недужен мой граф.
Король зато жив и здрав
И столь до песен охоч,
Что новую я сложу:
С ней в Арагон отряжу
Гильема, и Бласко тоже,
Их вкусы в музыке схожи.

Никто певца не порочь
За то, что, все потеряв,
Желает он не забав,
Но песней скорбь оболочь;
Признаньем я дорожу
Той, по которой тужу,
Она же со мной все строже —
Как тяжки разлуки, боже!

Ею забыт, я точь-в-точь
Как тот, кого оболгав,
Лишили чести и прав;
Что толку в ступе толочь
Воду — позор заслужу
Покорством, но так скажу:

Почтенней еврей, похоже,
Чем тот, кто проник к ней все же.

Мне страсть не может помочь:
Там чист золотой расплав,
Где жарки угли,— но нрав
Той, что меня гонит прочь,
Чем я верней ей служу,
Тем тверже,— и вот хожу
К другой, чей прием дороже
Мне поклоненья вельможи.

Трон радости я не прочь
Принять: я стал величав,
Как император, начав
Любить комторову дочь;
Снурки Раймбауды свяжу
В один: в Пуатье и Анжу
Властвовал Ричард, и что же —
С ним были дамы построже.

Готов я, таясь обочь
Дорог, быть целью облав,
Чтоб пастухи, закричав:
«Волк!», стали гнать меня в ночь;
Я счастлив, когда брожу
По лесу и нахожу
В траве, а не в замке ложе
И снег примерзает к коже.

Кой с кем, Цимбелин, дружу
Я ради вас, но скажу:
Дружить — не одно и то же,
Что стынуть в любовной дрожи.

Волчице принадлежу,
И если еще кружу,
То знаю: раньше иль позже —
Натянуты будут вожжи.

*Песня, в которой трубадур
восхваляет достоинства маркизы,
жены своего покровителя*

Воспеть маркиза в стихах —
Вот цель жонглерских потуг;
Но мне и претит их круг,
И тошно ходить в льстецах;
Меж тем он впрямь безукорен
И к славе им путь проторен,
Так что по праву сеньор
Хвалебный слушает хор.

Внушил Арагонец страх
Мне и испортил досуг,
Не то б я нашел подруг
На каркассонских холмах,
Где для любви благотворен
Самый пейзаж, где просторен
И вежества полон двор,
Где граф в чести и комтор.

Терплю в Ломбардии крах
За то лишь, что «милый друг»
Зван Дамой, чьи стрелы вдруг
Повергнуть могут во прах,
Раз лучнице лук покорен,
А их, чтоб лет был ускорен,
Калил любовный костер,
Травил же неги раствор.

Тяжелый ресничный взмах,
Взор черен, и в форме дуг
Выгнуты ноздри — вот лук,
Чьи стрелы торчат в сердцах;
Что ж, проигрыш не позорен,
Коль дух врага необорен,
И рухнет любой забор,
Когда столь мощен напор.

Прелестна так в мелочах,
Так сладостен речи звук,
Что рыцари в роли слуг
Толются в ее дверях:
Для всех ее дом отворен,
Радушный жест непритворен —
Дамам Аржанса укор;
Ланиты — под цвет Вальфлёр.

Как в казначейских счетах,
Множатся цифры заслуг
Той, о которой вокруг
Слышны только ох и ах;
За то, что я был упорен,
Мой выигрыш здесь беспорен:
Я — свой, пусть с недавних пор,
В Провансе ж — лишь визитер.

Знай, Брат мой, где я исчах,
Под чей я попал каблук,—
Чтоб в плен попасть этих рук,
Явился б он и в цепях
И понял, что плодотворен
Росток благородных зерен,
Что двор богат — и остер
С Прелестным Лучником спор.

*Песня,
которой трубадур вымогает
у своего покровителя коня*

Эн Драгоман, да будь я на коне,
Враги бы оказались в западне,
На гибель устремившись всей гурьбой,
Как перепелки к ястребу, ко мне,
Не стоили б их жизни и денье,
Известен нрав мой, дикий и крутой.

Когда иду с колчаном на плече
При эном Ги подаренном мече,
Земля трясется под моей стопой,
Противника не вижу по себе,
Чтоб с ним на узкой встретиться тропе,—
Бегут, едва лишь шаг слышат мой.

Бесстрашен, как Роланд и Оливье,
Любезен, как Бернарт из Мондидье,—
Такая слава тянется за мной;
Угадываю я в любом гонце
Весть добрую, в снурке ль витом, в кольце,
И сердце бьется с радости такой.

Я рыцарство явил во всей красе,
Притом любви постигнул тайны все,
Я преданнейшим был ее слугой,
И как под крышей дома рады мне,
Так ужас я внушаю на войне,
Повсюду я предупрежден молвой.

Жаль, нет коня, а будь я на коне,
Король бы почивать мог в сладком сне,
На Балаг'эр спустился бы покой;
Я б усмирил Прованс и Монпелье,
И те, что еле держатся в седле,
В Кро не посмели б учинить разбой.

А встретить я близ Тулузы, на реке,
Бойцов с дрожащим дротиком в руке,
Услышав «Аспа!» и «Оссó!» их вой,

Их в быстроте превосходя вдвойне,
Ударю так, что к крепостной стене,
Мешаясь, повернет обратно строй.

Губители людей достойных, те,
Кто в ревности погряз и клевете,
Кто радость принижает волей злой,
Узнают, что за мощь в моем копье.
Я ж их удары, шпаг их острие
Приму, как на павлиньих перьях бой.

Сеньора Вьерна, Милость Монпелье,
И эн Райньер, любите шевалье,
Чтоб славил он Творца своей хвалой.

*Песня, сочиненная после того,
как Дама вернула влюбленному
поцелуй, украденный у нее во сне*

Я прибыл в Прованс: с дороги
Явлюсь к двору госпожи,
О радости петь стихи
Начав на ее пороге:
Ибо получит вассал,
Если он верно служил,
Честь, славу и прочный тыл
Взамен услуг и похвал
Той, чью любовь он снискал.

Герпением смилив тревоги,
За верность награды жди —
Обещан же в короли
Артур британцам в итоге;
И я — тем, что долго ждал, —
Тот поцелуй отмолил,
Который (любовный пыл
Гася) у Дамы украл:
И вот, запрет с него снял.

Как судьи ко мне ни строги,
Им промаха не найти:
Выводят с пути тоски
На путь удач меня ноги;
Я утешение дал
Влюбленным, ибо добыла
Сверхнапряжением сил
Огонь изо льда, и стал
Сладким на вкус морской вал.

Для покаяний предлоги
Ищу, хоть забыл грехи,
Молю, не обидив: «Прости!» —
И милость являют боги:
Мне сладки уколы жал,
В слезах я радость открыл
И в страхе восторг вкусил;
Нашел — где, мнил, потерял,
Выиграл — где проиграл.

Остался я без подмоги,
Но Дамы уста рекли,
Что пораженья мои —
Моих же побед залогои;
Тем, собственно, что смирял
Гордыню, я угодил
Даме и рок победил:
Я к состраданью зывал
И тем любовь защищал.

«Да!», — молвив, в едином слогe
Она все дары любви
Тому бы вручила, чьи
Чувства в руках недотроги:
Я сдался ей и не знал,
Кто продал или купил
Меня, ибо вещью был;
Мысль об измене внушал
Безумец — я ей не внял.

В своем, Бель-Райньер, чертоге
Баронов всех превзошли

Достоинством вы: они
В сравненье с вами убоги;
Чтоб понял всяк, как он мал,
Таким вас бог сотворил;
И я только тем и жил,
Что вашу честь восхваляя
И вас Бель-Райнером звал.

БЕРТРАН ДЕ БОРН-СЫН

*Песня, негодующая на короля
Иоанна Безземельного за его
трусость, леность и бездействие*

Когда, новый сезон открыв,
Покрывает ветви листва
И всходят цветы и трава,
Ищу я слова и мотив:
Почувствовав дух перемен,
Петь об Иоанне начну
И сирвенту так поверну,
Чтоб он стал от стыда румян.

Живет он, позорно забыв,
Что чтит его предков молва,
На Тур и Пуатье права
Филиппу без битв уступив;
Плач летит от гиеннских стен:
Где Ричард, что тратил казну
На бои? Утверждать дерзну,
Что с ним несравним Иоанн.

Лишь к охоте он не ленив:
Ястреб быстр и свора резва —
Вот чем занята голова;
Сам себя наследства лишив,
Поступил он не как Гавен;
Отдает Логроню страну;
Чаще был, увы, в старину
Нами виден военный стан.

Мы, будь ныне Людовик жив,
Ждали б не могильного рва,
Но такого же торжества,
Как когда был разбит Халиф,
И притом нет за ним измен —
Вот чем я Иоанна колыну,
То поставив ему в вино,
Что бездействует как истукан.

К вам, бароны, был бы призыв
Тщетен, знаю, так что едва
Коснусь самого существа:
Всякий из вас глуп и труслив,
На знаменах — лишь грязь и тлен,
Даже то, что я вас клянусь,—
Похвала вам: легко лгуну
За избыток выдать изъян.

Дама, искренен мой порыв,
Только вами душа жива,
Но достойные вас слова
Подберу ли? — Несправедлив
Золота на свинец обмен:
Чтите Юность вы (и жену
Посрамили тем не одну),
Как монах кадуэнский — сан.

Саварик, король лучше в плен
Сдастся, чем объявит войну:
Так зачем же другим в плену
Пребывать? Иль страдать от ран?

АЙМЕРИК ДЕ ПЕГИЛЬЯН

*Песня-спор о любви,
сначала с Дамой, потом с Амором*

- Дама, зачем эта пытка так зла?
 - Сеньор, речь безумца мне не мила.
 - Дама, молю хоть о капле тепла.
 - Сеньор, бесплодным мольбам нет числа.
 - Дама, немолчна моя вам хвала.
 - Сеньор, я желаю вам только зла.
 - Дама, тоскою душа изошла.
 - Сеньор, а моя зато весела.
-
- Дама, утешьте последний мой час.
 - Сеньор, долго ждать вам, вот весь мой сказ.
 - Дама, сиявший мне светоч угас.
 - Сеньор, это нравится мне как раз.
 - Дама, скорбями чреват ваш отказ.
 - Сеньор, разве есть любовь на заказ?
 - Дама, единый ваш взор меня б спас.
 - Сеньор, не должно быть надежд у вас.
-
- Дама, я прав не повсюду лишен.
 - Сеньор, в добрый путь! Иль ждете препон?
 - Дама, любовь к вам мне ставит заслон.
 - Сеньор, я не знаю, зачем ей он.
 - Дама, со мной слишком резок ваш тон.
 - Сеньор, он для вас и изобретен.
 - Знать, Дама, непоправим мой урон.
 - Сеньор, для меня ваша речь — закон.

- Амор, к равнодушию привел ваш путь.
 - Друг, выбрав цель, я не вправе свернуть.
 - Амор, зло сразит вас когда-нибудь.
 - Друг, вам жалеть не придется отнюдь.
 - Амор, не любим я Дамой ничуть.
 - Друг, я хотел бы вас с лучшей столкнуть.
 - Амор, но боль разрывает мне грудь.
 - Друг, я найду, как убытки вернуть.
-
- Амор, вас к краху ведет ваша прыть.
 - Друг, нет причин так меня честить.
 - Амор, вы хотите нас разлучить.
 - Друг, жить в разлуке милей, чем не жить.
 - Амор, я не в силах Даму сменить.
 - Друг, вам придется желанья смирить.
 - Амор, впредь могу ль я радость вкусить?
 - Друг, для того надо ждать и служить.

ЮГЮЭТ ДЕ МАТАПЛАНА

*Песня, в которой трубадур
порицает поведение своего друга
Раймона де Миравалья, обманом
изгнавшего жену из дому*

Сирвента, которую вдруг
Я стал по веленью души
Слагать, в Мираваль поспеши —
Лечить эн-Раймонов недуг:
Он прежде был сведущ в знанье
Вежества, но поруганье
Над куртуазностью ныне свершил;
И, забыв о стремленье
Ввысь, он унизил свое поведенье.

Постигшие мудрость наук
Верней ничего не рекли,
Чем то, что порок не внутри
Себя видим мы, а вокруг:
Раймон хранил упованье
На радость, в своем желанье
Всегда проявлял он искренний пыл;
Но столь низко паденье,
Что ныне он примет от всех осужденье.

С достойнейшею из супруг,
Искусно слагавшей стихи,
Расстался он: сбившись с пути,
Советчиков выбрал из слуг,
Жить перестал в упованье
На милость дам и признание,

Беседу любезную разлюбил —
Тяжкое преступленье:
Пусть не лелеет надежд на прощенье.

Муж, если он Юности друг,
Быть должен терпимым в любви
К другим, как терпимы они;
Но этот на вежество туг;
Смешны его притязанья;
Лишь проявляя старанье
Усердное, вновь он станет ей мил:
Пусть пребудет в смиренье,
Видя возлюбленных к ней приближенье.

Чтоб снова стал весел досуг,
Он в дом ее должен ввести,
Сделав так, чтоб у всех в чести
Вновь стал ее пения звук;
И если негодованье
Он утаит при свиданье
Дамы с любим, кто ее полюбил, —
Тем заслужит почтенье
Всех, кто учтив, а ревнивцев — глумленье.

Дама Каударенка, иль вам постыл
Тот, в ком живо стремленье
Ценить в вас изысканность поведенья?

ГАВАУДАН

*Пастурель, за пением которой
трубадур узнает в пастушке
свою прежнюю подругу*

Ранним утром третьего дня
С гребня холма спускаясь в лог,
Под боярышником увидел я
В тот миг, когда заалел восток,
Девушку, чей облик и взор
 Другую мне напоминали
 И так приветственно сияли,
Что я поскакал во весь опор.

Исполнившись радости, с коня
Тотчас спрыгнул я на песок;
За руку дева взяла меня,
Я рядом с ней в тень липы лег;
Она не вступала в разговор:
 Еще я сомневался, та ли,
 Но вдруг меня поцеловали
Ее уста, разрешив наш спор.

Я словно заснул, но, щекоча,
Кудри моих коснулись щек.
— Красавица, знать, в эти края
Вас вел, чтоб встретились мы, сам бог?
— Да, сеньор, Он на милость скор,
 И все пошло бы, как вначале,
 Когда б, как я, вы пожелали
Того, что все мне ставят в укор.

— Подруга, я предвижу, что зря
Было б судьбе бросать упрек,
Ибо, лаской меня даря,
Знайτε, что мой жребий жесток:
Что прежде дал, то отнял Amor,
 Не знаю я, какие дали
 Приютом милой нынче стали,
Столь похититель ее хитер.

— Сеньор, я ночь провожу, скорбя,
Так что мне понятен ваш слог:
Вас не видя подле себя,
Лишилась сна я на долгий срок,
И все ж разлучника ждет позор:
 Его усилья зря пропали,
 Ведь мы друг друга повстречали
Его стараньям наперекор.

— Подруга, светла судьба моя.
Бог мне вашу дружбу сберег,
Радостью комнат полны поля,
И нашей радости в том залог.
Все удастся нам с этих пор,
 И мы горды, что не попали
 В служенье рабское к печали,
И кончен мой с Амором раздор.

— Сеньор, Дамой Евой уговор
Нарушен был, но те едва ли
Умны, что ей за то пеняли,
И мне смешны все, что мелют вздор.

*Песня об обреченности тех,
кто низок душой*

В самый короткий день в году
Знакам небес внять мы должны:
Солнце словно спит на ходу,
Не добрав своей вышины,
Твердь будто оцепенела,
Безмолвие в звездном хоре, —
Началу худого дела
Пора положить предел.

Оправданий я не найду
Спеси тех, кто лелеет сны,
Что на графа надеть узду
Им удастся и без войны;
На шатком мосту умело
Справится с радостью горе.
Вам надо — хоть сами белы, —
Чтоб мир был ал, а не бел.

К ратному граф привык труду,
Будете им побеждены.
Золото себе на беду
Тратя, вы лишились казны:
Безумье лжецу велело
Душу держать на запоре;
В ком сердце цело, пусть тело
Разбито, — и сам тот цел.

Кавалеры, я заведу
Речь о том, что вы знать должны:
Роланд за ничтожную мзду
Продан — все вы обречены:
Граф, чьей душой овладела
Доблесть, так сделает вскоре,
Чтоб, сев на скамью несмело,
Никто встать с нее не смел.

Кто трудится в дряхлом саду,
Затем лишь цветущем с весны,

Чтоб взреть такому плоду,
Как Марсий,— не больно умны,
В ком мысль об измене зрела,
Дни будет влачить в позоре:
Рабство под видом раздела —
Что за презренный удел!

Боже, милости твоей жду.
Ныне те, чьи сердца полны
Были доблести, не в ходу,
Низкие же вознесены,
Но время упасть пришло
В грязь с моста — вы с богом в ссоре:
Нельзя спасать от расстрела
Стоящих под градом стрел.

Будь проклят, кто их жалел!

ГИЛЬЕМ ДЕ КАБЕСТАНЬ

Песня с мольбой о признании

Сладостно-злая
Грусть, что Амор мне дал,
Жжет, заставляя
Песней унять накал
Страсти: пылая,
Я б вас в объятьях сжал,
Но, столь желая,
Я вас лишь созерцал.
Что ж, я в ваших руках;
Видя гневный их взмах,
Превращаюсь я в прах,
Так как верен обету;
К вам стремлюсь, будто к свету,
Я, блуждая впотьмах;
Вас я славлю в стихах.

Пусть, гнев являя,
Амор вас охранял,
Премного зла я
Из-за него приял,
Радость былая
Ушла, я грустен, шал:
Любви желая,
От ее плачу жал.
От любви я исчах,
С вами я нежен в снах,
Наяву ж — не в ладах,
Напоказ всему свету.
За какую монету

Вы мой примете страх?
Ибо я вновь в бегах.

Эскиз к портрету
Я набросать хотел:
Улыбку эту,
Стан, что строен и бел.
Когда б воспету
Мной, как воспеть я смел
Вас, быть завету
С богом — в раю б я пел!
Вам я служить готов
Ради десятка слов;
Мне дареных платков
Не храню, не ищите!
Нет во мне прежней прыти,
Нежных дам тщетен зов.
Мой алтарь — ваш альков.

Я рад рассвету:
Едва он заалел,
Любви примету
Я в нем найти успел;
Не вняв запрету,
Я пал, лишь вас узрел;
Увы, поэту
Любить — один удел.
Неприветлив ваш кров,
Нрав ваш тверд и суров,
Я лишен всех даров:
Что ж, кто может — берите!
Только мне разрешите
Ждать, что дрогнет засов,
Коль мой жребий таков.

Тоскою рвите
Сердце мне пополам,
Но в дом впустите
Амора — пусть он сам
В тайном укрытье
Возведет себе храм;

Слух свой склоните
К слезным моим мольбам.
Причиняя мне вред,
Злом вы полните свет;
Коль одну из бесед
Вы б вели с прямоюю,
Молвив, чего я стою,
Любите вы иль нет,
Я б не ждал столько лет.

Я слаб в защите —
Крепость без боя сдам;
Милость явите —
Честь будет призом вам;
Знать не велите
Зависти к королям:
Быть в вашей свите
Мне приятней, чем там.
Коль пошлете мне вслед
Лишь прохладный привет,
Им я буду согрет.
Ах, любви полнотою
Душу мою — пустою
Оставляя вам не след.
Что ни жест, то запрет!

Пусть ваш ответ — запрет,
Вас считаю святою
И стремлюсь со щетою
Свой исполнить обет,
Худших не чая бед.

Эн Раймон, красотою
В рабство взят ваш сосед,
Жертва ее побед.

Песня о посте в любви

Вновь долгих дней дождалась мы,
Все разом зацвели холмы,
И с распустившихся вершин
Дерев, от немоты зимы
Избавясь, песенный зачин
Летит вдоль тынов и куртин,
И всяк свистун на свой манер.

Я с них в любви беру пример:
Ложь зла, но я не маловер,
Не ближе к смокке змей, чем я
К лучам ее высоких сфер,
Чья радость как цветенье, чья
Живительна для душ струя, —
Хоть мой кошель пока что тощ.

С тех пор как эн Адам средь рощ
Эдемских пал, утратив мощь, —
Кого, чей был бы столь же чист
Лик, вдохновил Христос, наш вождь?
Она гладка, как аметист;
И путь к ней ровен — хоть тернист,
Прям — но над пропастью навис.

Близ Дамы быть — вот мой девиз,
К ней рвусь я, но сердечный криз
Сжал грудь мою, ожег, потряс,
Взорвал — не выбраться мне из
Руин, в обломках я погряз,
Совсем исчез, верней, увяз
В любви, словно в цветах — иссоп.

Тех, кто влюблен, как я, ждет гроб,
Моя же смерть близка, не то б
Любовь костра во мне палить
Не стала, возводя поклеп:
Его и Нилу не залить,
Как удержать не в силах нить
Летящего со стен зубца.

Хоть боль сладима, нет конца
Любовной пытке — я венца
Мучительного не избег,
И мертвенным стал цвет лица;
Но, даже проживи я век
И белым сделайся как снег,
Хулить я Даму не хочу.

Ведь только Дамам, не шучу,
Дано целить нас, как врачу;
Пусть всех прогонит с глаз долой
Тот, кому страсть не по плечу,—
И он возвысится душой;
Презрительно над волей злой
Смеюсь я, лишь добро ценя.

Жонглер, тебе не страшен зной,
Иди к друзьям моим и пой,
Для эн Раймона жар храня.

Пой, что я сыт и пьян бедой,
Стол постный — манна для меня.

ГИРАУТ ДЕ КАЛАНСОН

Песня

о третьей, «меньшей», любви

Речь покоренного вами певца,
Дама и друг мой, сеньор и оплот,
О третьей, и меньшей, любви пойдет,
О том, как она, умы и сердца
Пленяя, вторгается чрез посла
В жизнь принцев, маркизов, графов, в дела
Владык и, неправым судя судом,
Властно настаивает на своем.

Тонка, еле зрима ее пыльца,
Стремителен, не спастись, ее лет,
Смертельно ранит стальной ее дрот,
Хоть плавлен и нежен замах бойца;
Сколь частой бы вязь кольчуг ни была,
Броню пробивает ее стрела,
Из золота первая, а потом
Свинцовые, с заостренным концом.

Тяжесть ее золотого венца
Легка, за жертвой погоню ведет
Без устали, в цель без промаха бьет —
И ужас вселяется в хребтеца;
Дочь Наслажденья, она весела;
Мы считаем добром суть ее зла;
Радостью пенясь, идет напролом,
Не уважая достоинств ни в ком.

Ведут пять дверей в глубь ее дворца:
Кто две первых прошел, в три прочих вход

Находит легко и с тех пор живет
В веселье, но выход скрыт от жильца;
Ни разу лестница, хоть и мала —
Четыре ступени, внутрь не ввела
Невеж, которым сдается внаем
В предместье, чья площадь — полмира, дом.

Стоит посредине ее крыльца
Шахматный стол, но свершить первый ход
Тем лишь дано, чей приходит черед,
Ибо для игр этих нет образца;
В них сотни фигур, и все из стекла,
Ходить абы как, была не была,
Ими нельзя, ибо даже надлом
Лишает вас ставки всей целиком.

Повсюду, где есть по воле Творца
Суша и море и солнце встает,
Она, заставляя любить, дает
Тому — роль счастливица, тому — глупца;
Ее обещанья — прах и зола;
Почти нагая, лоскут лишь нашла
Расшитый, с девизом своим, о том
Гласящим, что дева в родстве с огнем.

Второй же трети любви два крыла —
Милость и Доблесть; а первой подъем
Столь мощен, что зрит лишь небо кругом.

Стань, песнь, маркизу Гильему мила,
Сошлись Благородство и Слава в нем,
Готов для тебя в Монпелье прием.

ПИСТОЛЕТА

*Песня жонглера, мечтающего
о богатстве и знатности*

Мне тысячу бы марок серебром,
И золота бы красного в казну,
И закрома с пшеницей и овсом,
Быков, коров, баранов, и одну
Пусть сотню ливров каждый день на траты,
Мне б столь широкостенные палаты,
Чтоб выдержать могли любой напор,
И порт речной, и весь морской простор.

Мне бы таким же обладать умом
И постигать такую глубину,
Как Соломон, в делах не быть глупцом,
И чтоб никто не ставил мне в вину
Измены иль коварные захваты
Земель, иль скупость, иль отказ от платы
Долгов, и чтоб на мой стремились двор
Попасть и бедный рыцарь, и жонглер.

Мне б, Дамы благородной став рабом,
Жить у любви и радости в плену,
И чтоб за мной сто всадников верхом
Скакало на турнир иль на войну,
И сам я выбрал им плащи и латы;
Мои ж владенья были б столь богаты,
Что я купить или продать на спор
Мог все, чего ни пожелал мой взор.

Ибо тоска — ходить весь год пешком
И трогать надоевшую струну;
Хотел бы я иметь уютный дом,
Чтобы спокойно отходить ко сну,
Чтоб комнаты в нем теми были сняты,
Кто голоден, на чьих плащах заплата,—
Приняв их, стал бы счастлив я с тех пор,
А не судьба — мой план мне не в укор.

О Дама, столь изыскан ваш прием,
Что я б хотел вам сердце и казну
Отдать и всю планету целиком,
Как только ею я владеть начну;
Никто о ваших прелестях в дебаты
Со мной не вступит, в этом виноваты
Вы сами — бесполезен был бы спор:
Достойней вас средь ваших нет сестер.

ЮК ДЕ САНТ-СИРК

*Песня, предупреждающая
Даму о бедах, к которым ее
может привести измена*

Давно уж душа объята
Надеждой, что зазвучит
В ней музыка,— но молчит
Песня, как будто заклета;
Чтоб было правдиво то,
Что быть пропето должно,
Пускай вместит в себя пенье
Утеху и огорченье,
И то, чему был я рад,
И скорбь от горьких утрат.

Господне даянье свято,
Но он не благоволит
Больше ко мне, я забыт,
Он отнял, что дал когда-то —
Боже, все прахом пошло,
А было так хорошо!
Близ вас побыв хоть мгновенье,
Я чувствовал вдохновенье,
Ныне же в сердце разлад,
С высот я низвергнут в ад.

Назад вами слово взято,
И к счастью мне путь закрыт,
От злой измены болит
Сердце, отчаяньем сжато:
Забывать вам было легко,
Как нас друг к другу влекло.
Меня гнетет разлученье:
Коль нет надежд на прощенье,

Зачем когда-то мой взгляд
Открыл в вас доблестей клад!

Ту ждет унижение — плата
За высокомерный вид,
Той ныне гибель грозит,
Что честью была богата,
Умом, благородством — но
Все обратила во зло;
Она живет в ослепленье,
Надеясь на прославление
От тех, что о всех подряд
Безумствах ее шумят.

Для Дамы чести утрата —
Конец, ибо жгучий стыд
Ей душу всю изъязвит,
Лишив к былому возврата;
Лишь издали кое-кто
Теперь ей кивнет — зато
Услышит она глумленье,
И прежде, чем преступленье
Из милости ей простят, —
Везде о нем раструбят.

Дама, не гневайтесь: я-то
Не из таких волокит,
Кто прочь бежит от обид,
Крича: сама виновата!
Вас встретив, ни у кого
С тех пор не прошу давно
Поддержки иль снисхожденья;
Столь велико к вам влеченье,
Что, если запрет не снят,
Пусть бог мне не дарит услад.

Забвенье чести чревато
Тем, что тогда все равно:
Что пагуба, что добро;
Где порицают паденье,
Там к высшему есть стремленье;
Чей отравлял меня яд,
Открыл я, хоть шел наугад.

ЛАНФРАНК ЧИГАЛА — ГИЛЬБЕЛЬМА ДЕ РУДЖИЕР

*Песня-тенсона о том, что выше:
служение Даме или рыцарский долг?*

— Гильельма, обошлись однажды круто
Со странниками ливни и метели,
Их крики, нет ли где вблизи приюта,
До слуха двух сеньоров долетели,
Из коих каждый к Даме в ночь спешил:
Один на голоса поворотил,
Другой же дальше вскачь коня пустил —
Кого б из них вы предпочесть хотели?

— Ланфранк, тот рыцарь — кто помог кому-то,
Но лучше тот, кто путь продолжил к цели:
Хоть первым и гордится, но надута
Все ж Дама на него на самом деле,
Ибо того не видит, кто ей мил;
Тот большее почтение заслужил,
Кто слову своему не изменил,
Чем тот, кого сомненья одолели.

— Но, Дама, поступать в ту ночь ему-то
Как рыцарю, а не как пустомеле,
Когда пришла опасная минута,
Как раз любовь и вежество велели:
Ради любви он многих защитил,
Хоть встречи с Дамой сам себя лишил;
Короче говоря, он поступил,
А не пустился лишь в пустые трели.

— Ланфранк, то речь безумца, коль не плута,
Вы в празднословье много преуспели;
Какая поднялась бы в мире смута,
Когда бы все, как он, свернуть посмели
С пути, который Дамой задан был:
Пусть прежде бы он долг свой совершил,
Награду принял — и остаток сил
Тогда б мог тратить на другие цели.

— Столь, Дама, ваша мысль искусно гнута,
Что я совсем растерян: неужели
Паломник не найдет нигде уюта,
По мнению Дамы, кроме как в пределе
Ее владений? Не грызет удила
Конь, если кнут его не горячил,—
Вы ж заняты вытягиваньем жил
Из всадников, вот те и ослабели.

— Ланфранк, в вас самолюбие раздуто:
Чтоб не попасть на камни или мели,
Те в сторону не сделали ни фута,
Что о служенье Дамам лишь радели;
Скитальцев в замок сторож бы впустил;
Но истину наш спор установил:
Кто так легко поводья опустил,
Тот оплошает и в серьезном деле.

— Мне, Дама, бесконечный спор постыл:
Хочу, чтоб главный довод ваш сразил
Меня,— хоть я бы вас и победил,
Поверьте, даже задремав в постели.

— Ланфранк, я сохранила прежний пыл
И столько для победы нужных сил,
Что, сколь бы дерзким мой партнер ни слыл,
Его держать я буду в черном теле.

СОРДЕЛЬ

*Песня-плач по эн Блакацу,
призывающая властелинов вкусить
от его сердца, дабы укрепить
свое мужество*

По эн Блакацу плач я на простой мотив
Начну скорбя; увы, оправдан мой порыв:
Он добрым другом был моим, пока был жив;
Рок злобно поступил, сеньора нас лишив
И в землю вместе с ним все доблести зарыв,—
Ущерб смертельный! Тем спасительней призыв
Взять сердце у него и всем, кто сердцем лжив
Иль боязлив, отдать, их в досталь накормив.

Пусть первым съест его тот, чья держава — Рим,
Коль мезтью праведной к миланцам одержим,
Поскольку не они ему — он сдался им
И обездолен, хоть германцами и чтим.
Король французский пусть откусит вслед за ним,
Чтоб вновь Кастилию владением своим
Считать; но матери его силен нажим,
Он не рискнет, им пуще чести мир ценим.

Стою с мольбою пред английским королем,
Пусть сколько может съест и станет храбрецом
И разоренный им самим по лени дом
Возвысит, славою покрыв, а не стыдом.
И должен за двоих Кастилец съест потом:
Два королевства — не король он ни в одном.
Но и решаешь, пусть это сделает тайком,
А то узнает мать — побьет его дрючком.

И Араговец, съев, воинственную дрожь
Почувствует, а то его все стяги сплошь
Покрыл позор, а он бездействует — хорош!
Или Марсель с Милло не ценятся ни в грош?
От сердца пусть вкусит король наваррский тож,
Он не на короля — на графа тянет; что ж,
Из тех, кто и труслив, и ни на что не гожд,
Бывает, иногда бог делает вольмож.

Побольше должен граф Тулузский сердца съесть,
Чтоб земли бывшие и нынешние счесть:
Коль в нем не пробудит другое сердце месть,
Тем менее у нас надежд на то, что есть.
И граф Прованский съест, чтоб знать, что предпочесть
Чему: жить в бедности иль в гущу боя лезть?
Лишь съев, утраченное мог бы он обречь,
Иначе бремени утрат ему не снести.

Вельможи не простят мне то, что произнесть
Решился я, хоть им, как мне, противна лезть.

Подай о милости, Утешник Милый, весть —
Ничей отказ мою не уязвил бы честь.

ПЕЙРЕ ГИЛЬЕМ — СОРДЕЛЬ

*Песня-тенсона,
разбирающая некоторые тонкости
в поведении возлюбленных*

— Что вы скажете, эн Сордель
По поводу слухов? Ужель
Графиня — и впрямь ваша цель?
Ведь о дружбе с нею радел
Эн Блакац, но он поседел,
Пока ей в глаза глядел.

— Пейре Гильем, ему ли, мне ль
Ту, что можно взять за модель
Красоты, не бывшей досель,
Бог на гибель создать хотел:
До свершенья любовных дел
Нас повесят — таков удел.

— Эн Сордель, вы один из всех
Такой, ибо видит успех
В том влюбленный, чтоб без помех
С Дамой иметь побольше встреч,
Ее обнять, с нею возлечь, —
Вы ж о другом ведете речь.

— Мне ее беседа и смех —
Честь, Пейре Гильем; но не грех,
Если б огонь нежных утех
Она пожелала разжечь;
Миром мог бы я пренебречь,
Эту радость решив сберечь.

— Вы, эн Сордель, скромность избрав,
Обновили любви устав;
Не опозорен покуда граф,
Но придет и его черед,
Как всех с вами дружных господ,
Простите такой оборот.

— Пейре Гильем, судить нет прав
О любви, к ней вкус потеряв;
Граф воспитан, так что, узнав,
Ночь без сна он не проведет.
Надо закрыть глаза и рот,
Ибо это как бы не в счет.

— Сордель, ловко фехтует тот,
Кто выпад такой отобьет.

— Пейре, я жду радости от
Любви и не боюсь невзгод.

СОРДЕЛЬ — БЕРТРАН Д'АЛАМАНОН

*Песня-тенсона о том, что чему предпочесть:
куртуазную любовь бранной славе
или наоборот?*

— Бертран, пусть был бы выбор вам предложен:
Отречься от изысканных утех
Любви, забыв про прежний свой успех,
Иль больше не вытаскивать из ножен
Меча, притом что Дама-то как раз
Лишь воина ценить и будет в вас,—
Что предпочтете? Мой вопрос несложен
На вид, но в нем всей жизни смысл заложен.

— Мой путь в любви, Сордель, был столь тревожен,
Чинили дамы столько мне помех,
Что я оставляю с радостью их всех;
Мне кажется, ваш самый тезис ложен:
Ведь от любви отказ — от мук отказ,
Меж тем как список славных браней нас
Украсит, и он может быть умножен;
Иной ответ, пожалуй, невозможен.

— Когда б вы знали, как ваш пыл потешен!
Кто строит доказательства свои
На том, Бертран, что можно без любви
Прожить, тот, право, должен быть повешен;
Боль сладкую и куртуазный бой
Сменять на шрамы, голод, холод, зной
Решится только тот, кто впрямь помешан:
Лишась любви, я был бы безутешен.

— Клянусь, Сордель, ваш выпад безуспешен;
Иль вы хотите быть влюбленным, чьи
Трусливы взоры, кто ведет бои
Лишь на словах, кто безоружен, спешен
С коня? Ищу я радости другой —
Воинственной, возвышенной, благой:
Любовный подвиг с поношеньем смешан,
Тогда как бранный — славен и безгрешен.

— Верь та, кому я шлю мольбы без счета,
Что я храбрец, — и вот уж хороша
Жизнь, друг Бертран: не стоит и гроша
Ни неприязнь всех прочих, ни забота;
По мне, возлечь, обвив рукою стан,
Приятней, чем на землю пасть от ран,
Как милая вам франкская пехота;
И поцелуй нежней удара дрота.

— Сордель, что значит чувство без полета?
Возможно ль, чтоб, правдивостью дыша,
И лжезаслугой хвасталась душа?
Саму любовь такая губит льгота;
Поэтому, оставив вам обман,
Я неге предпочту походный стан;
Я победил, вам спорить нет расчета:
Долг бранный не любовная охота.

— Пускай графиня де Родес туман
Рассеет в нашей тяжбе, друг Бертран,
Она достойна больше всех почета,
Ибо Учтивость чтить — ее забота.

— Я одобряю, друг Сордель, ваш план;
Графиня — чудо, но не хуже Жан
Де Валлери, он — воин, эта нота
Ему близка, он избежит просчета.

ПЕЙРЕ КАРДЕНАЛЬ

Песня о падении нравов эпохи

Я ненавижу лживость и обман,
Путь к истине единственно мне гожд,
И, ясно впереди или туман,
Я нахожу, что он равно хорош;
Пусть сплошь и рядом праведник бедней
Возвышенных неверьем богачей,
Я знаю: тех, кто ложью вознесен,
Стремительнее тянет под уклон.

Любить, как Каин Авеля, крестьян
В самой природе у больших вельмож,—
Бордельным девкам мил чужой карман
Не столь, сколь этим хищникам грабеж;
Будь дырка в теле у таких людей,
Не правду обнаружили б мы в ней,
Но фальшь, ибо в сердцах их заключен
Источник лжи, не знающей препон.

Известен мне баронов целый клан
Цены такой, как со стекляшкой брошь:
Сказать, что это малый лишь изъян,
Не то же ли, что волк с ягненком схож?
Людей пустейших все они пустей
Душой, денье фальшивый их ценней:
Крест, и цветок, и сверху посребрен,
А переплавь — дешевле меди он.

Свой новый изложу Востоку план
И Западу, ждть дольше невтерпеж:

Дать честному согласен я безан,
Коль мне бесчестный — гвоздь ценою в грош;
Дам щедрым марку золота быстрей,
Чем мне су турецкое — союз рвачей;
Правдивым будет слиток мной вручен,
Будь лживыми яйцом я награжден.

Пергамента клочок и мал, и рван,
Перчатки палец невелик — и все ж
Я напишу на них закон всех стран,
Ибо не труден пирога дележ
Меж честными — их мало: кто щедрей,
Зовет к столу достойных, а гостей
Стекается толпа со всех сторон —
Считает всяк, что он был приглашен.

Нельзя, чтоб урожай похвал с полян
Добра — тот собирал, кто сеет ложь,
Недаром говорят, что коль баран
Ободран, то его не пострижешь;
Нельзя, чтоб где-то трус иль дуралей
Был храброго иль мудреца знатней,
Чтоб праведный был правдой уличен
И мог законник уличать закон.

Хочу сказать сирвентою моею,
Что правды избегающий злодей
Ни здесь, ни там, как ни старайся он,
Не будет к лику славных сопричтен.

Файдит, ступай с сирвентою моею
В Торнель немедля: эн Гигон славней
Всех был бы в мире, но такой, как он,
И мой сеньор эн Эбле де Клермон.

В путь, Раймондет! Сирвенты суть моею
Узнают лишь храбрец и книгочей;
Не пой ее мужлану, ибо он
И слыша не поймет, откуда звон.

*Песня,
прославляющая любовь за то,
что удалось от нее избавиться*

Любовь я ныне славлю всласть:
Она дает мне спать и есть,
Меня не жжет, не студит страсть,
Я не блуждаю где-невесть,
Вдаль не гляжу, зареван,
Не мучит душу мне разлад,
Я не унижен, не распят,
К посланцу не прикован,
Предать меня не норовят,
Дела мои идут на лад.

Против меня не ставят снасть,
Не страшно мимо стула сесть,
Не надо ни изменниц клясть,
Ни грубого ревнивца мечь,
Никем не атакован,
Ничьей внезапностью не смят,
Не гнусь под грузом глупых лат,
Не гол, не обворован,
Не говорю, что я объят
Любовью, ни что в сердце ад.

Не говорю, что должен пасть,
Что мук любви не перенесть,
Встреч не ищу, не славлю власть
Той, что могла мне предпочесть
Любого, будь готов он;
Нет дела до ее наград,
До сердца, сданного в заклад;
Не бит, не ошельмован,
Любовью в кандалы не взят,
Напротив, ускользнул и рад.

Благую победитель часть
Избрал: его венчает честь.
А побежденного ждет пасть
Могилы, страшно произнесть
Но высший тем дарован

Удел, кто из души разврат
Изгнал, кто армией услад
 Не мог быть завоеван;
Победа эта им стократ
Важней, чем городов захват.

Хочу на тех охулки класть,
Чья речь — ручей, чьих чар не счесть,
Кто скор корысть красавиц красть,
Вливая ловко в ласку лесть;
 Их раж и жар рискован,
Они о нас надменно мнят;
Визг розг и грязь грызне грозят,
 Но зря тот арестован,
Чья явь — любовь, а яства — яд;
Плачь, коль оплачен оптом клад.

Курс волей облюбован
Такой, что чувства наугад,
Но не куда хочу летят.

СЕРВЕРИ ДЕ ДЖИРОНА

Песня о злых женщинах

Трудно понять, как в море пролегла
Дорога, хоть на ней суда видны,
И трудно измеренье ширины
Морской, хотя бы даль была светла;
Еще труднее угадать, какой
Расчет в коварстве женщины пустой.

Тому, кто видит в небе взмах крыла,
Трудно узнать, где сядут летуны;
Счесть трудно листья бука иль сосны,
И звездам небосвода нет числа;
Еще труднее представим герой,
Избегший козней женщины дурной.

Кто видел пугь змеи, когда скала
Была почти отвесной крутизны,
С трудом на ней отметит валуны,
Где б не скользить ступня его могла;
Еще труднее справиться с бедой,
Сведя знакомство с женщиною злой.

Трудно найти веревку для узла,
Чтоб были ветры им укрощены;
Трудно — как будто это скакуны —
На диких львов накинуть удила;
Еще трудней предотвратить разбой,
Коль он замыслен женщиной лихой.

Затмить ли солнце, или чтоб хула
Хвалой звучала, или серп луны
Стал диском — эти трюки нам грудны,
Как трудно сделать петухом орла;
Еще трудней быть храбрым, простыней
Одной укрывшись с женщиной дрянной.

У Дамы Сверхдостоинств на любой
Вопрос мудреный есть ответ простой.

Пейре — король из королей: любой
Почин его имел конец благой.

ГИРАУТ РИКЬБЕР

*«Первая пастурель
эн Гираута Рикьера,
сочиненная в году MCCLX»*

Однажды лугами
К реке в полдень знойный
Я брел наугад,
Настроен дарами
Любви беспокойной
На песенный лад,
И встрече со стройной
Пастушкой, достойной
Беседы, был рад:
Веселый, спокойный,
В манере пристойной
Мне бросила взгляд
Склоненная над
Одним из ягнят.

Спросил я у девы:
«Искусны ль в любви вы?
Любили ли вас?»
Ответила: «Все вы,
Сеньор, столь учтивы,
Что труден отказ».
«Вы, дева, красивы,
И, коль не гневливы,
Тогда всё за нас!»
«Сеньор, те порывы
Безумны и лживы,
Где был напоказ».

«Страсть видно на глаз».

«Слепа я как раз».

«О дева, упрямы
Вы стали и строги,
Влюбленность гоня».

«Но вы — данник Дамы,
И ждет на пороге
Друг нежный меня».

«Все это — предлоги;
Без вашей подмоги
Не жить мне и дня».

«По старой, в итоге,
Пойдете дороге,
Ей верность храня».

«Вы тверже кремня».

«Ваш стиль — болтовня».

«О дева, нет сладу
Мне с чувством, чьи новы
И жар, и задор».

«Сеньор, так осаду
Ведут празднословы —
Окончим наш спор».

«Прелестница, что вы!
Хоть вы и суровы,
Я — ваш с этих пор!»

«Сеньор, вы готовы
На все: ваши ковы
Сулят лишь позор».

«Я, дева, хитер».

«Претит мне напор».

«О дева, напротив,
Причина не вы ли,
Что здесь я простерт?»

«Себя озаботив,
Вы лишь углубили
Душевный комфорт».

«Пленять в этом стиле
Меня научили
Уста Бель-Депорт».

«Что ж, вы победили,
По-прежнему в силе
Бесед этих сорт».
«Победой я горд».
«Мой голос нетверд».

«Что было примером
Вам в выборе тона,
Которым я пьян?»
«Сеньор, эн Рикьером
Пропета кансона,
Чей сладок дурман».
«Речь ваша мудрена,
А робость — препона
Исполнить весь план».
«Но Бель-Депорт с трона
Свергать — нет закона,
Вот плана изъян».
«Я ею не зван».
«Захлопнут кашкан!»

«Не жду я урона,
Коль в роли патрона
Бертран д'Опиан».
«Сеньор, я от гона
Устала, и стона
Причина — обман!»
«Отныне мой стан —
Средь этих полян».

ПРИМЕЧАНИЯ

Переводы, как правило, выполнены по новейшим изданиям трубадуров. Основным библиографическим указателем поэзии трубадуров остается по сей день: А. Pillet, H. Carstens. *Bibliographie der Troubadours*. Halle, 1933 (далее: P.—С.), в котором каждый провансальский текст с относящейся к нему литературой значится под определенным номером по алфавиту авторов и их произведений. Укажем отечественное библиографическое пособие: М. В. Ребок. *Памятники французского и провансальского языков IX—XV вв.* Минск, 1957. Новейшая библиография содержится в изданиях: М. Б. Мейлах. *Язык трубадуров*. М., 1975, с. 204—228; Р. А. Фридман. *Любовная лирика трубадуров и ее истолкование*.—«Ученые записки Рязанского педагогического института». Т. 34, 1965, с. 406—416. Метрико-строфическое разнообразие поэзии трубадуров сведено в указателе: I. Frank. *Répertoire métrique de la poésie des troubadours*. Vol. 1—2. P., 1957. Ценнейшим универсальным пособием по провансальской поэзии является вышедшая недавно трехтомная антология: M. de Riquer. *Los trovadores. Historia literaria y textos*. Vol. 1—3. Barcelona, 1975.

В этих коротких справках о трубадурах нам нередко приходится ссылаться на их жизнеописания и комментарии к песням, записанные преимущественно в XIII в. и в средневековых рукописях предшествующие поэтическим текстам. И «биографии» трубадуров, и комментарии (так называемые разó) содержат наряду с фантастическими сведениями и интерпретациями немало для нас ценного и интересного. Основное их издание: J. Boutière, A. H. Schutz. *Biographies des troubadours*. P., 1964.

В подавляющем большинстве случаев, когда мы не знаем дат рождения и смерти трубадура, мы указываем приблизительные временные границы их творчества, восстанавливаемые из содержащихся в текстах упоминаний исторических событий, лиц

и т. д. Последование авторов и расположение их текстов определяется, насколько это возможно, принципом хронологии. Названия песен даны нами.

ГИЛЬЕМ АКВИТАНСКИЙ (1071—1126)

«Граф Пуатье был одним из самых куртуазных людей на свете, и одним из самых великих обманщиков дам, и был он добрым рыцарем, галантным и щедрым; и хорошо сочинял и пел...» — так отзывается провансальское жизнеописание XIII в. об этом исторически первом трубадуре. Гильем, седьмой граф Пуатье и девятый герцог Аквитанский, владел вотчинами, размерами превышающими владения французской короны. Этот трубадур прожил необычайно бурную жизнь, в частности потерпел поражение в крестовом походе, а за необузданный нрав и по обвинению в прелюбодеянии дважды был отлучен от церкви, но всякий раз возвращался в ее лоно.

Одиннадцать дошедших до нас песен Гильема не только лежат у истоков провансальской, а вместе с нею европейской поэзии, но и обнаруживают яркую поэтическую индивидуальность трубадура. Они распадаются на две группы — на куртуазные песни, в которых заданы все основные мотивы последующей любовной лирики, и на проникнутые веселым цинизмом пьесы, в которых эти мотивы характерным образом пародируются и всячески снижаются (см. предисл., с. 22—23). Песни, относящиеся как к той, так и к другой группе, отличаются замечательным поэтическим совершенством.

С. 26

Сложу стихи я ни о чем (Р.— С. 183. 7) — эта песня с ее бурлескными мотивами примыкает к песням скорее второй группы. Тяготея к жанру девиналя (загадки), она строится на серии антитез. Исследователи находят в этом тексте, породившем серию подражаний в творчестве последующих трубадуров, элементы августинианской мистики: поэт, как бы не зная, бодрствует он или спит, надеется в то же время достичь недостижимого знания.

Смешней — свидетель Марциал! — поэт призывает в свидетели св. Марциала, почитаемого как просветителя Лимузина.

Бегут нормандец и француз — северяне почитались на юге недостаточно куртуазными.

Нежен новый сезон: кругом (Р.— С. 183. 1) — песня типично куртуазная, если не считать вероятного снижения в последнем стихе, который, однако, просто может значить: сделаем все необходимое. Песня открывается традиционным весенним запевом, восходящим к архаическим фольклорным и обрядовым источникам. Наряду с устанавливаемым им параллелизмом между весенним обновлением природы и любовью трубадура возможны модели по принципу противоположности (например, у Пейре Овернского, Арнаута Даниэля и др.).

Мы с Соседом Милым близки.— Милый Сосед — сеньяль, условное имя, которым трубадуры обозначают возлюбленную Даму (см. предисл., с. 9).

Про то стихи сейчас сложу (Р.— С. 183. 10) — эта песня, традиционно считающаяся последней песней Гильема, была, по-видимому, им сочинена во время тяжелой болезни, постигшей трубадура в 1111—1112 гг. Эта кансона как бы примиряет два указанных направления его лирики.

Отдам Фольконовой семье — Фолькет V Юный, граф Анжуйский, приходился троюродным кузеном сыну Гильема Аквитанского, будущему Гильему X. Отношения между двумя домами отличались постоянным соперничеством.

Ни тот, кто выделил мне лен — номинально Гильем был вассалом слабейшего, нежели он сам, французского короля Людовика VI.

Собольей мантии взамен — т. е. взамен герцогского облачения.

ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЬ

(ок. 1125—1148)

Провансальское жизнеописание приписывает Джауфре Рюделю, сеньору Блайи, любовь к принцессе Триполитанской, которую трубадур полюбил по одним слухам о ней, никогда ее не видев. Чтобы отправиться на ее поиски, он стал крестоносцем, однако, переплывая через море, смертельно заболел и умер по прибытии в Триполи на руках у принцессы, постригшейся после этого в монахини. Легенда эта, несомненно фольклорного происхождения, неоднократно обрабатывалась романтиками девятнадцатого столетия и многообразно интерпретировалась учены-

ми двадцатого. В духе этой легенды истолковывались и песни Джауфре Рюделя со свойственными им мотивами «дальней любви», шире — предельной устремленности куртуазного идеала, к которому трубадур вечно стремится, но которого никогда не достигает.

С. 30

Длиннее дни, алей рассвет (Р.— С. 262. 2) — снова песня открывается весенним запевом.

Ибо я крестным был зачат — /.../ Будь крестный мой врагом зачат! — согласно средневековым представлениям, крестными родителями могли становиться ведьмы и оборотни. Есть, однако, мнение, что под крестным отцом здесь имеется в виду Гильем Аквитанский.

МАРКАБРЮН

(ок. 1130—1149)

По преданию, Маркабрюн в отличие от своих аристократических предшественников, был низкого происхождения (по одной из версий предания — подкидышем, найденным у двери богатого человека, который его и воспитал). Маркабрюн считается основоположником темного стиля (см. предисл., с. 14). Необычная и затрудненная форма сочетается у этого трубадура с необычным кругом идей. Если для Джауфре Рюделя невозможность осуществления куртуазной ситуации разрешается введением мотива «дальней любви», перенесением этой ситуации в идеальный мир сублимированного стремления, то у Маркабрюна та же невозможность как бы обнажается изнутри путем разоблачения существующего положения вещей, обличения упадка куртуазии.

С. 32

Как-то раз на той неделе (Р.— С. 293. 30) — в этой древнейшей пастурели пастушка остроумно и последовательно защищает своеобразно выраженную идею о необходимости сохранения социальных границ, защищаясь тем самым от домогательств рыцаря.

Тот — ждет манны... — манна, считавшаяся у трубадуров неким деликатесом, символизировала для них радость удовлетворенной любви.

...пред картиной — т. е. тот, кто судит о женщине только по внешности.

С. 35

Начинаю без опаски (Р.— С. 293. 18) — одна из знаменитейших сирвент Маркабрюна, в которой он обличает Лже-Амора.

Юность никнет, чахнет, тает. Юность — одна из основных персонифицированных категорий куртуазного кодекса; включает в себе значение прежде всего морального совершенства.

То же и Писанье скажет — трубадур ссылается на «Книгу Притчей Соломоновых», содержащую предостережение против дурных женщин.

С. 37

Близ родника, средь сада, где в (Р.— С. 293. 1) — эта кансона с присущими ей элементами пастурели посвящена жалобам девицы, чей друг ушел в крестовый поход. Скрытый пафос песни — в прославлении верности женщин своим возлюбленным, ставшим крестоносцами.

Л ю д о в и к — Людовик VII, король Франции, организатор второго крестового похода (1147).

АЛЕГРЕТ (ок. 1145)

С. 39

Природа в распадае: стал сух (Р.— С. 17. 2) — от Алегрета, трубадура гасконского происхождения, до нас дошли только две песни: одна — любовного содержания, другая, здесь представленная, — сирвента, восхваляющая Альфонса VII Кастильского (ум. в 1157 г.). Сочетание морализирующей направленности с изысканно темным выражением обнаруживает в ней влияние Маркабрюна.

Отметим, в частности, употребление слова «сух» (sec) в качестве начальной рифмы каждой новой строфы, каждый раз с иным семантическим оттенком. Особенно же интересно, что в последних строфах песни трубадур не только гордо говорит о том, как отбирает «изящные» слова от «грубых», но и эстетически обосновывает этот выразительный прием.

Любопытно характерное видоизменение временного зачина — мотивация настроения уже не весенним расцветом, но «сухим временем года».

Что Щедрость издать не успеет крик. Щедрость — одно из обязательных требований куртуазии, подобно Юности, персонифицированных.

Над Западом властвующий сеньор — т. е. Альфонс VII Кастильский (1126—1157).

БЕРНАРТ ДЕ ВЕНТАДОРН (ок. 1147—1170)

Происхождение этого трубадура, если верить преданию, было весьма скромным — он был сыном солдата, служившего истопником в пекарне замка Вентадорн, однако его поэтическая одаренность послужила причиной его возвышения виконтом Вентадорнским, который сам был трубадуром. Легенда повествует, что Бернарт был влюблен в его жену и слагал для нее песни. Поэзия Бернарта, представленная 45 кансонами, полностью посвящена любви, которую он воспекает в сравнительно «легком» стиле. Бернарту принадлежат неоднократные заявления, что только настоящая любовь рождает настоящую песню или что он поет, по его мнению, лучше других трубадуров, потому что любит сильнее. Все эти черты сделали Бернарта настоящим кумиром эпохи романтизма, однако и в глазах нашего современника он остается замечательным поэтом.

С. 41

Мчит часы, и дни, и годы (Р.— С. 70. 30).

Мне учиться не по нраву / Дольше пенью у
Эбло — Эбле II Вентадорнский, по прозвищу «Певец»
(ок. 1096—1147), — вассал, добрый приятель и поэтический соперник Гильема Аквитанского, трубадур-аристократ, чье имя упоминается в песнях провансальских поэтов. Произведения его, однако, до нас не дошли. Предполагают, что в недрах «школы Эбле» формировалась, развивалась и отшлифовывалась новая куртуазная концепция любви к Даме; в этом смысле можно истолковать и эти слова Бернарта Вентадорнского.

Ибо, как Писанье учит — «Ибо один день во дворах
Твоих лучше тысячи. Желая лучше быть у порога в доме божьем,
нежели жить в шатрах нечестия» (Пс. 83. 11).

С. 43

Дайте, сеньоры, совет (Р.— С. 70. 6).

Гарсьо — имя жонглера.

И Вестнику отдадим — этот сеньяль не отождествлен.

ПЕЙРЕ ОВЕРНСКИЙ

(ок. 1149—1168)

«Легкая манера», наиболее ярким представителем которой был Бернарт де Вентадорн, быстро изживала себя в песнях трубадуров средней руки, тогда как этический пафос пионеров «темного стиля», в свою очередь, выдыхался в творчестве продолжателей. Выходом из этого двойного тупика оказалось становление так называемой «изысканной манеры выражения» (*trobar prig*, *trobar ric*), которую впервые начал разрабатывать Пейре Овернский, считавшийся, по словам средневекового жизнеописания, «лучшим в мире трубадуром, пока не пришел Гираут де Борнель». Именно у Пейре намечается характерная для мастеров «изысканного стиля» гармония между предельной устремленностью куртуазной лирики как формой переживания мечты о совершенстве, тоски по абсолюту и замечательным артистизмом выражения.

С. 45

Короток день и ночь длинна (Р.— С. 323. 15) — пример контрастного зачина в лирике Пейре. Трубадур нередко воспевает задумчивое одиночество на фоне вечеряющего или осеннего пейзажа, по контрасту с которым одно только любовное переживание наполняет существо поэта глубокой радостью, и ее он стремится запечатлеть в прекрасной форме.

Переводя эту песню, мы стремились как можно ближе подойти к передаче силлабического стиха оригинала.

Воздух час от часу темней — образ «темного», «злого», даже «мертвого» воздуха получил у трубадуров большое развитие и был перенят Данте.

В дальней и злой любви моей — очевидная реминисценция рюделевского мотива «дальней любви».

Радостью сверходарена. Радость — еще один важнейший концепт куртуазного мировоззрения, неотъемлемый от любовного служения трубадуров.

Сама же любовь, как снега, чиста — сравнение любви со снегом обусловлено самой диалектичностью «зимнего зачина» песни.

Аудрик, песня Овернца проста — поэт посылает песню Аудрику де Вилару, трубадуру, обменявшемуся с Маркабрюном острыми сирвентами.

С. 47

Трубадуров прославить я рад (Р.— С. 323. 11) —

эта знаменитая «галерея трубадуров» вызвала к жизни огромную исследовательскую литературу. Чрезвычайно интересны содержащиеся в песне наряду с элементами пародии и сатиры элементы и собственно литературной критики. Трубадур насмехается над 12 своими братьями, собравшимися, как полагают, по случаю какого-то праздника при дворе Альеоноры Аквитанской или Альфонса II Кастильского, а может быть, в летней резиденции графов Тулузских.

В церковь лучше б ходил, маловер — намек на предысторию Пейре Роджера, который, согласно средневековому жизнеописанию, «был в Клермоне каноником... потом оставил службу и стал жонглером».

И похож Ги раут, его друг — Ги раут де Борнель — один из наиболее знаменитых трубадуров этого времени (см. ниже, с. 213).

Третий — де Вентадорн, старый шут — о Бернарте де Вентадорне см. выше, с. 208. Возможно, что источником легенды о происхождении Бернарта явились именно эти шуточные строки.

Лимузинец из Бривы — жонглер — сохранилось прение этого трубадура с Бернартом де Вентадорном.

Пятый — достопочтенный Гильем — о Гильеме де Рибасе нам ничего не известно.

А глаза взял у статуи он — высказывалось предположение, что, поскольку у католических статуй глаза раскрашивались белой и черной краской, стих этот, возможно, указывает на манеру трубадура при исполнении своих песен вращать глазами.

И шестой — Гриомар Гаузмар — от этого трубадура до нас дошла только одна песня.

Обокраден Мондзовец Пейре — об этом персонаже нам тоже ничего не известно; здесь, по-видимому, обыгрывается какой-то куртуазный анекдот.

Вымогатель Бернарт де Сайссак — также нам неизвестен, хотя традиция приписывает ему одну из песен Маркабрюна.

А девятый — хвастун Раймбаут — т. е. Раймбаут Оранский (см. ниже); здесь, несомненно, пародируются некоторые реальные черты его яркой личности.

И десятый — Эбле де Санья — в этой строфе содержатся намеки на какие-то нам неизвестные и, по-видимому, малопристойные истории, связанные с этим трубадуром.

Ратным подвигам храбрый Руис — Гонсальво Руис, высокопоставленный кастильский сановник; как трубадур нам неизвестен.

И последний — Ломбардец-старик — возможно, имеется в виду итальянский трубадур Пейре де ла Каварана, хотя словом «ломбардец» на юге Франции вообще обозначали купцов, ростовщиков, откуда его значение «скупой», «гнушный». Указание на то, что «люди ломают язык» (т. е. при исполнении его песен), можно приписать недостаточному владению им провансальским языком.

Что он всех трубадуrows глава — некоторые рукописи заменяют эту строку стихом Что поет он лягушкой ква-ква, который, по-видимому, является шутливой интерполяцией, остающейся на совести какого-то переписчика.

МОНАХ МОНТАУДОНСКИЙ

Об этом трубадуре см. ниже, с. 234. Здесь мы ограничились переводом двух строф, 12-й и 15-й, его песни (Р.— С. 305. 16), сочиненной в подражание «галерее трубадуrows» Пейре Овернского; в ней осмеяны уже 16 трубадуrows, включая автора. В этой песне, написанной спустя 25 лет после сатиры Пейре, мишенью насмешек выбраны современники поэта.

С. 50

Славен также Гираут ло Рос — трубадур родом из Тулузы, сын бедного рыцаря, служивший при тулузском дворе.

Перед сыном Альфонсовым... — речь идет о сыне графа Альфонса Джордана, Альфонсе (ум. в 1194 г.), младшем брате Раймона V Тулузского.

Из последних же — Пейре Видаль — см. о нем ниже, с. 242—244. Заключительные строки отражают реальную репутацию этого трубадура, которую он во многом создавал и культивировал сам.

Членов многих нехватка... — возможно, намек на знаменитую историю с переодеванием в волчью шкуру (см. ниже, с. 242—243).

Что язык его не посребрен — средневековое жизнеписание развивает эту метафору таким образом, будто Пейре Видаль действительно был сделан серебряный язык после того, как один рыцарь из Сен-Джили велел отрезать ему язык за то, что он намекал на близость с его женой.

РАЙМБАУТ ОРАНСКИЙ

(ок. 1147—1173)

Этот трубадур был одним из наиболее могущественных сеньоров Прованса. До нас дошло около 40 его песен. Подобно поэзии Пейре Овернского, творчество его определяется поэтикой, переходной от «темной» манеры к «изысканной». В поэтической практике этого трубадура затрудненность смысла еще в меньшей степени представляется самоцелью, но сама является следствием скорее его виртуознейшей техники и замечательного артистизма. В его поэзии культивируются редкие, выразительные слова, играющие в формально замысловатой и фонетически насыщенной рифме, и необычные образы.

С. 51

Я совет влюбленным подам (Р.— С. 389. 16) — пародия на средневековый жанр поучения, в которой игровое начало, пронизывающее все творчество Раймбаута и великолепно сочетающееся с его искусной строфикой и изыском рифмы, выходит на поверхность в характерных сниженных нотах. Рецепты трубадура, как мы видим, полностью противоположны традиционным куртуазным установкам. Отдав должное критике Дам и любви, трубадур, впрочем, признается в собственной влюбленности.

Чтоб не стал кораблем иль храмом — т. е. чтобы ваш дом в отличие от корабля был полон женщин, к тому же далеких от святости.

Мой Перстень — сеньяль возлюбленной Дамы.

Милый Жонглер — другая Дама, конфидентка трубадура, либо его друг.

На родной мой Родес... — графство Родес, хотя и не является родиной трубадура, указывает на местопребывание его возлюбленной.

С. 53

Сеньоры, вряд ли кто поймет (Р.— С. 389. 28) — песня развивает традицию «песни ни о чем», намеченную Гильемом Аквитанским (см. выше, с. 204), ее же при этом пародируя. Поэт настаивает на жанровой неотожествимости своего произведения и, чтобы сделать его еще более необычным, после каждой строфы вводит прозаические фрагменты, а в один из них — латинскую фразу из католического богослужения.

Не сирвентес, не эстрибот — жанры старопровансальской поэзии. О первом (сирвента) см. предисл., с. 12; эстри-

бот — редкий жанр, четырежды упоминаемый в провансальских текстах, однако представленный лишь двумя дошедшими до нас произведениями.

Сол — мелкая монета.

In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti! — Во имя отца и сына и святого духа! (лат.).

Дама, да что же это получается? — т. е. что за сочинение?

...хоть как госпожа Айма со своей рукой... — пикантный намек на историю, известную нам по одной из сирвент Арнаута Даниэля.

С. 54

Светлый цветок перевернут (Р.— С. 389. 28) — эта виртуозная кансона строится на чередовании парных грамматических форм одних и тех же слов от четных строф к нечетным (провансальская поэтика определяла их как «деривативные рифмы»), что предвосхищает секстину Арнаута Даниэля (см. ниже, с. 217). Таким образом поэт конструирует таинственный «перевернутый» мир, аналог к которому можно найти в поэзии XX в.

Интересно, что «обратный зачин» здесь формализован как бы дважды: не только собственно введением категории «перевернутости», но и «переворачиванием» форм слов, в том числе самого слова со значением «переворачивание». В плане содержания «поворотным оператором» является куртуазная Радость (joy) — преображающее мир экзальтированное любовное восхищение. В терминах традиционного сезонного запева зима представляется весной, лед — цветами, расцветают голые прутья, и даже иней, который трубадур обозначает редким словом *conglari* (переведено словом «наледь»), не в состоянии «ужалить» преображенное сознание поэта.

О Дама, любовь весела — две торнады с противоположным смыслом, точно так же как и концовка каждой пар строф, словно бы отражают «перевернутый» и «прямой» порядок вещей.

Жонглер — сеньяль трубадурки Азалаис де Поркайрагуэс.

ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЛЬ

(ок. 1162—1199)

С. 56

Вижу, что вам, Гираут де Борнель (Р.— С. 212. 14—389. 10а) — Гираут де Борнель — признанный мастер «темного

стиля», временами, правда, от него отступавший ради «легкой манеры» (об этом подробнее сказано ниже). В жанре партимена (см. предисл., с. 18) трубадур, однако, не столько должен был защищать свои истинные убеждения, сколько показать свое искусство в обосновании пусть даже навязанного ему мнения: возможно, что в провозглашении Гираута де Борнеля поборником простоты содержится добрая доля иронии. По мнению Раймбаута, поэзия предназначена для небольшого круга просвещенных знатоков, которые одни способны оценить степень совершенства искусства певца; Гираут, напротив, вынужден отвечать, что поэзия адресуется «многим»: для чего сочинять, если не хочешь, чтобы твои песни каждому были понятны? При этом сам партимен, включая ответы Гираута, выдержан в «темном стиле»; особенно трудны последние строфы, понимаемые учеными различно. Песня представляет исключительный интерес как ранний памятник чисто литературной полемики.

Нельзя, в творенье видя лишь тьму и т. д.— т. е. «непонятность» песни, выдержанной в «темном стиле», должна быть относима за счет автора, но проистекает из неподготовленности публики.

Эн Линьяура — эн (ст.-прованс.) — господин; Линьяура — сеньяль Раймбаута Оранского, объясняемый как «происходящий из золотого рода» (ср. игру слов *aug* и *Raimbaut d'Aurenga*); однако имя это заимствовано из «Лэ об Иньяресе» (в провансальском варианте Иньяуре или, с артиклем, ль'Иньяуре, откуда — Линьяура), герой которого, молодой рыцарь, имеет сразу 12 любовниц. Мужья этих дам убивают рыцаря и преподносят им на пиру жаркое из сердца их возлюбленного.

А каков предмет — в толк не возьму — здесь трубадур вспоминает о своей любви, которая одна движет его песенным даром и в свете которой спор о той или иной манере сочинения теряет смысл.

Линьяура, та, которой досель — Гираут вторит ему словами о своей возлюбленной Даме.

Мы уже упомянули, что, хотя в предыдущей песне Гираут и выступает сторонником простоты, прославился он как мастер именно «темного стиля». Средневековые жизнеописания отдают ему титул «лучшего трубадура». Этого ученого трубадура высоко ставит Данте, который в трактате «О народном красноречии» характеризует его как поэта, воспевавшего «прямодушие». Возможно, что отход Гираута временами на позиции «легкой манеры» был уступкой вкусам публики; любопытно, и это особенно под-

черкивает трубадур, что сочинение в «легкой манере» требует не меньшего труда и искусства, нежели изошрение в «темном стиле».

С. 58

Друг милый Аламанда, как в тумане (Р.— С. 242. 69) — тенсона между поэтом и находчивой наперсницей его Дамы, с которой он, будучи обвинен в неверности, просит примирить его. Диалог, несомненно вымышленный, исполнен поистине очаровательной иронии.

С. 60

Все время хочет мой язык (Р.— С. 242. 51).

С закрытых слов не снял пелен — эти строки «проливают свет» на поэтику «темного стиля», парадоксально сочетающегося с критерием конечной понятности.

С. 63

Звучанье радостных строк (Р.— С. 242. 36) — классический пример изошренной куртуазной кансоны, насыщенной характерным для этого трубадура «психологизмом». В ней трубадур развивает высокую идею куртуазной любви, исходящую из принципа чести, что подводит его к выводу: Безумец, кто любит не так!

Ведь сила ломит солому — в средние века существовала поговорка: «Сила побеждает право» (франц. *force passe droit*); кроме того, с латинского была переведена другая пословица: «Траворезка питает луга». Так как при переводе «траворезка» была названа *force* (от латинского *forfex* — ножницы для срезывания травы), произошло забавное смешение понятий — при обратном переводе на латинский язык поговорка получила новое звучание: *vis pascit pratum* — «Сила питает луг». На провансальской почве обе пословицы соединились (Р. А. Фридман. «Кодекс» и «законы» куртуазного служения даме в любовной лирике трубадуrows.— «Ученые записки Рязанского педагогического института». Т. 34. 1966, вып. 2, с. 89).

С тех пор, как злодей /.../ Фальшивых вестей: / Поверив лгуну — клеветник (букв. «льстец») — один из важных персонажей куртуазной лирики; он постоянно угрожает разрушить клеветой и доносами любовь трубадура и Дамы.

Честь, ищущая предлог — Честь наравне с Доблестью — одна из основных черт куртуазной личности.

С. 65

Благому Свету, славному Царю (Р.— С. 242. 64) — о жанре альбы см. предисл., с. 20. Альба Гираута де Бор-

нея — одно из наиболее прославленных произведений этого жанра. Первые шесть строф альбы вложены в уста друга, стерегущего ночной покой влюбленных и с наступлением рассвета возвещающего о необходимости расставания; последняя строфа, подлинность которой многие ученые подвергают сомнению, содержит ответ влюбленной.

Я вижу, свет звезды с востока хлынул — т. е. Венеры, утренней звезды.

АРНАУТ ДАНИЭЛЬ

(ок. 1180—1195)

О жизни Арнаута известно довольно мало: он был дворянин, получил образование, однако ради пения оставил науки. Автор жизнеописания сообщает, что Арнаут «избрал род сочинения в изысканных рифмах, так что его песни нелегко ни понять, ни запомнить». О блистательном мастерстве этого несравненного трубадура, получившего высокую оценку Данте, см. предисл., с. 12.

С. 67

Из слов согласной прямизны (Р.— С. 29. 6) — изысканная форма этой песни, воспевающей нежную грусть любовного томления, строится на так называемых *coblas capfindas*, в которых последнее слово каждой строфы является зачином следующей. Рифмы перевода в какой-то мере ограждают необычные рифмующие окончания провансальского текста.

Слова же мной огранены — один из сквозных образов поэзии Арнаута.

...и, что чей-то там партнер / Плету узор — трубадур, чтобы скрыть от недоброжелателей истинный предмет своей любви, делает вид, что служит другой. Этот топос куртуазной поэзии был использован Данте в «Новой жизни» (ср. Даму-ширму).

С. 69

Когда с вершинки (Р.— С. 29. 16) — «осенний зачин» этой песни контрастирует с глубокой внутренней радостью, какую дарит трубадуру его новая любовь.

Потрембальский хват — возможно, один из маркизов Маласпина, славившихся любвеобильностью. Понтремоли — город в Апенниннах, недалеко от Пармы.

Лелея чувства, кои / Питал Парис / К Елене, житель Трои — реминисценция популярного среди трубадуров «Романа Трои» Бенуа де Сент-Мора (XII в.).

С. 71

Не Амор в моей власти, а (Р.— С. 29. 2) — песня воспевает безграничную преданность трубадура возлюбленной Даме, противоречивое состояние между любовным отчаянием, в недрах которого зарождается высшая радость, и утешением смирения.

Закат ли, или утрит — язык Арнаута насыщен изысканными неологизмами.

К Мьель-де-бен шлет — этот сеньяль, со значением «Лучше, чем благо», не отождествлен.

С. 73

Гну я слово и строгаю (Р.— С. 29. 10) — профессиональное усилие в процессе песенного творчества сростается здесь со стремлением поэта к душевному совершенству, к которому его ведет путь любовного одиночества.

Люцерна — легендарный город в Испании, по преданию, погрузившийся на дно озера Санабрия.

Отданы ростовщиком / И должник, и заведение — метафора «любовного ростовщичества» заимствована, в числе некоторых других формул куртуазной поэзии, из области торгово-юридических отношений.

Царством я пренебрегаю / И тиары мне не надо — ради Дамы поэт отказывается от высших форм и светской власти и духовной.

Так, мол, к Даме был влеком / Тот из Монкли... — по-видимому, герой не дошедшего до нас романа или легенды.

Стал Арнаут ветробором — эти знаменитые стихи со свойственной им образной барочностью, «перевернутостью» посвящены не только «тщетным усилиям любви», но и теме недостижимости куртуазного идеала и связанного с ним идеала поэтического. Стихи эти вызвали множество подражаний как у трубадуров, так и за пределами их поэзии.

Травит он борзых быком — до сих пор этот стих неправильно интерпретировался из-за смешения соответствующих слов как описание охоты «с зайцем на быка». Значение «обратной» охоты, «антиохоты» достигается, однако, лишь при нашей интерпретации.

С. 74

Слепую страсть, что в сердце входит (Р.— С. 29. 12) — секстина, форма, изобретенная Арнаутом, вызвала лавину подражаний — от Данте и Петрарки до новейшего времени.

Форма эта строится, исходя из шести ключевых слов, объединенных попарно ассонансами и распадающихся на несколько смысловых групп, которые строго определенным образом чередуются в каждой из шести с половиной строф, образуя так называемое *retrogradatio cruciata*. Слова эти притом двусмысленны, и соответствующие места могут быть истолкованы в эротическом плане, что придает всей песне неожиданный сугубо приземленный и мастерски обыгранный автором смысл. Интересно обыгрывание подобной двусмысленности в песне одновременно предельно куртуазной по своим установкам и максимально изощренной формально.

Так даже мать родного брата — т. е. свою собственную мать.

С тех пор как палка стала Веткой — реминисценция библейского предания о расцветшем жезле Аарона, в котором средневековые комментаторы видели аллегорический образ Девы Марии.

И дал Адам впервые брату брата — т. е. родил Авеля, своего младшего сына. Адам и Дева Мария обозначают начало Ветхой и Новой истории; таким образом, здесь как бы охватывается вся история человечества.

БЕРТРАН ДЕ БОРН (ок. 1182—1195, ум. 1215)

Бертран де Борн — перигорский сеньор, стяжавший славу трубадура преимущественно своими сирвентами. Сквозной мотив песен поэта — любовь к войне, к которой он постоянно призывает королей и баронов. Брани, в их рыцарском понимании, составляют истинную «любовь» Бертрана, обозначающего экстатическое упоение боем тем же словом *joü*, каким трубадуры обыкновенно выражают понятие куртуазной Радости, испытываемой ими при созерцании Дамы: *Любовных услад / Мне слаще звонлат*. С другой стороны, в воинственности Бертрана скрывается добрая доля горькой иронии: она предстает как ответ трубадура миру, не заслуживающему лучшей участи. Но если война неизбежна, то она должна быть «честной игрой», и настоящий человек находит настоящую радость в настоящей битве.

Поэзии Бертрана присуща особая образная насыщенность, замечательная изобразительная и языковая суггестивность; трубадуру никогда не изменяет чувство юмора. Все это вместе при-

дает его песням ноту современного звучания, сближающую его творчество с поэзией XX в.

С. 76

Легко сирвенты я слагал (Р.— С. 80. 44) — для понимания этой песни необходимо знание некоторых исторических обстоятельств. Бертран по праву старшего — характерная черта средневекового быта — вступил в совместное со своим младшим братом Константином владение хорошо укрепленным замком Аутафорт, составлявшим приданое жены Константина, хотя когда-то замок принадлежал предкам обоих братьев по материнской линии. Несмотря на это, Бертран поспешил узурпировать замок, изгнав Константина силой. Последнему, однако, удалось склонить на свою сторону нескольких сеньоров (в том числе Ричарда Львиное Сердце), с помощью которых он пытался отвоевать Аутафорт. Но добиться успеха он смог лишь ненадолго, ибо, когда Бертран с помощью союзных с ним баронов, в свою очередь, осадил замок, братья пошли на взаимные уступки и сговорились о совместном владении Аутафортом. Распри двух братьев, тянувшиеся долгие годы, служили одним из постоянных мотивов сирвент Бертрана.

Лиможца с Ричардом разлад — т. е. Адемара V, виконта Лиможского (1145—1199), и Ричарда Львиное Сердце, тогда еще графа Пуатье и герцога Аквитанского; оба они были враждебны Бертрану.

Пусть подчиниться поспешат / Сегодня королю вассалы — своему сюзерену, Генриху II Английскому.

Гильем Гурдонский — один из соседствующих с Бертраном сеньоров, которых он стремится привлечь на свою сторону. Намеки, содержащиеся в этой строфе, однако, не расшифрованы.

Цепь Леонарда из металла / Была прочнейшего... — подразумевается, что разбитые цепи св. Леонарда прочнее, чем доспехи баронов, — ироническая реминисценция предания о св. Леонарде Лимузинском, освободителе узников, разбивавшем их оковы.

Таллейран — Элиас VI, граф Перигорский (1158—1203), предполагаемый союзник Бертрана.

Он, как ломбардец, копит сало — см. прим. на С. 211,

Пока Байард мой не устал — трубадур не без иронии присваивает своему коню имя скакуна эпического героя Рено де Монтабана.

Пробившись через сеть засад — эта сирвента сочинена вскоре после успешных военных действий Ричарда в Перигоре.

С. 78

Чтоб песни слагать без труда (Р.— С. 80. 20) — сирвента сложена в счастливый для Бертрана день, когда он вновь вступил во владение Аутафортом.

И граф, и король — Ричард Львиное Сердце и Генрих II Английский, поддерживавшие Константина. Согласно средневековому комментарию, король Генрих, покорив Аутафорт, простил Бертрана в память о любви последнего к своему сыну, так называемому Молодому (Юному) Королю (см. ниже), и восстановил его во владении замком.

Амбларт, Адемар — Амбларт — неотождествленный персонаж; об Адемаре V Лиможском см. прим. к предыдущей песне.

Неважно, четверг или среда и т. д. — речь идет об астрологических предзнаменованиях, указывающих на время, благоприятное для начала какого-либо предприятия.

С. 79

С тех пор как с Перигором договор (Р.— С. 80. 33) — эта песня подводит нас к основной теме сирвент Бертрана, связанной с междоусобными войнами семьи Плантагенетов.

Родовые владения Бертрана и узурпированный им Аутафорт, расположенные на границе Лимузина и Перигора, относились к областям, находившимся в сфере пересечения интересов нескольких крупных сюзеренитетов — французской, испанской и английской корон, графов Тулузских и герцогов Аквитанских, — хотя формально они были подчинены лишь последним. Положение еще более осложнилось браком Альеоноры Аквитанской (внучки «первого трубадура» и разведенной жены французского короля Людовика VII) с Генрихом II, графом Анжуйским и герцогом Нормандским, который спустя два года унаследовал английский престол. Значительная часть Южной Франции, к живейшему неудовольствию французского трона, подпадала, таким образом, под власть английского короля. В течение некоторого времени Бертран, ставший, во всяком случае номинально, васалом Генриха II, принимал активное участие в его политике, но вскоре положение изменилось. Аквитанские владения перешли к сыну Альеоноры, Ричарду Львиное Сердце, в то время как его старший брат Генрих, хотя и коронованный в 1170 г. в Вестминстерском аббатстве, остался ни с чем. Бертран, не забывший той

роли, какую Ричард играл в его распри с Константином, встал на сторону сына Генриха, Молодого Короля, побуждая его к войне против отца и брата, и этим обеспечил себе место в Дантовом «Аду», где он в числе сеятелей междоусобной вражды и смуты несет, как фонарь, отсеченную от тела собственную голову.

После серии военных и дипломатических интриг Молодой Король окончательно восстал против Генриха II и начал при «поддержке» Бертрана войну против Ричарда. В ходе военной кампании он внезапно заболел и умер. Бертран посвятил этой смерти два замечательных плача, один из которых вошел в нашу книгу (см. с. 82).

После этого воинственный пафос Бертрана обратился против его соседей-баронов, а также против Альфонса, короля Арагонского, которого он, не стесняясь никаких личных выпадов, всячески чернит в своих песнях. Он также пытался побудить Ричарда напасть на Генриха II, но попытка не увенчалась успехом.

Данная песня связана с событиями, относящимися к началу конфликта Молодого Короля с Ричардом, против которого аквитанские сеньоры образовали лигу, горячо поддержанную Бертраном.

...с Перигором договор — т. е. с графом Перигора, Таллейраном (см. прим. на с. 219).

Скрепили Вентадори и т. д. — перечисляются союзники графа Перигорского.

Стал горожанин боязлив и хмур — Бертран, певец рыцарской аристократии, с презрением относится и к крестьянам, и к горожанам, страдающим из-за войны между сеньорами в первую очередь.

Пюи-Гильем и т. д. — перечисляются владения баронов — вассалов графа Перигорского.

...сеньору Ангулемцу... — см. два последних примечания к этой сирвенте.

...эн Каретник ныне без кареты — Молодой Король, которого Ричард лишил законно причитающейся ему доли в дорожных пошлинах.

Когда б виконт, под чьей рукой Гасконь — Гастон VI Беарнский (1173—1221). Бертран продолжает перечисление противников Ричарда.

Бесстрашный Граф не сунулся б в огонь — т. е. Ричард не решился бы выступить против такого союза.

Когда б Тайбург и т. д. — в этой строфе перечисляют-

ся пуатевинские сеньоры, вассалы Ричарда, которых Бертран призывает против него восстать.

В Клерво, средь поля, крепость возвели — Ричард построил эту крепость на анжуйских землях, которые после смерти Генриха II должны были отойти не ему, а Молодому Королю. Это обстоятельство явилось одной из причин конфликта между братьями.

Матейлон — замок в Анжу со значимым названием «Крепость».

Такой же ли Филипп монарх и воин — Филипп-Август, французский король, наследовавший своему отцу Людовику VII в 1180 г.

Карл — Карл Великий.

...или в отца натурой он — Людовик VII не отличался особой воинственностью.

Увидим по Тайферу, что достоин / Домена... — после смерти Вульгина, старшего сына графа Гильема IV Ангулемского, правя на графство Ангулемское дочери Вульгина Матильды, пользовавшейся поддержкой Ричарда, оспаривались младшими братьями Вульгина; одного из них и имеет в виду Бертран.

...ибо им был признан трон — т. е. он признал себя вассалом Филиппа-Августа как граф Ангулемский.

С. 81

Я начинаю петь в негодованье (Р.— С. 80. 13) — к разочарованию участников сформированного против Ричарда союза, Молодой Король помирился по настоянию отца, Генриха II, с братом и отказался от своих претензий, за что был заклеямен Бертраном де Борном в этой сирвенте.

Король живет на чьем-то содержанье — ценой отступления от своих требований Молодой Король получил от отца денежную поддержку.

...Гильема, что в ристанье / Не побежден! — реминисценция эпизода осады и взятия Оранжа Гильемом Оранским, героем одноименного эпического цикла.

Пусть он, кому подвластны англичане — иронический намек на коронацию Молодого Короля (см. выше). Далее перечисляются владения, которые он мог бы унаследовать.

Представьте, н'Аламанда, я на грани — поэт, как это было принято в жанре сирвенты, заимствовал здесь музыку, метрико-строфическую форму и рифмы песни Гираута де

Борнеля «Друг милый Аламанда, как в тумане», см. выше, с. 58; н'Аламанда: н', на — госпожа (ст.-прованс).

...к злодею... — Ричарду Львиное Сердце.

Граф Джауфре — Джоффруа, герцог Бретани, третий сын Генриха II, т. е. младший брат Молодого Короля и Ричарда.

Уж лучше бы его отдаться длани — разочаровавшись в двух других братьях, Бертран делает ставку на младшего. С. 82

Пенье отныне заглушено плачем (Р.— С. 80. 26) — восстание, к которому Бертран долго призывал Молодого Короля, оказалось для последнего роковым: в походе он заболел лихорадкой и умер 11 июля 1183 г. Кроме этого плача Бертран сочинил еще один, пользующийся большей известностью.

Юный, для юных вождем и отцом — трубадур обыгрывает прямое и переносное значения понятия Юности (см. прим. на с. 207).

Роландовых дел / Приемник... — см. прим. на с. 240.

Безан — монета.

С. 84

Я к стене не приперт (Р.— С. 80. 21) — после того как Ричард Львиное Сердце осадил Аутафорт, поклявшись, что не отступится от него, а все союзники Бертрана его предали, — Бертран сдался на милость Ричарда и получил от него и прощение и замок.

Н и о р т — т. е. Ричард, названный здесь по имени одного из принадлежащих ему городов.

Лимузинцы плели / Хитрую ложь — перечисляются сеньоры, в большинстве знакомые нам по предыдущим песням, в которых Бертран успешно призывал их объединиться против Ричарда, — теперь, однако, предавшие его.

Три палладина — палладин — высокопоставленный придворный. Имеются в виду упоминаемые ниже герцог Бургундский, герцог Бретонский и граф Тулузский.

В старом монастыре — монастырь св. Марциала в Лиможе, знаменитая из окрестных святынь.

Не в стачке с графом я — граф — Ричард Львиное Сердце.

Эн Адемара прав — см. прим. на с. 219.

Папиоль — жонглер Бертрана, т. е. профессиональный певец, исполнявший его песни.

С. 86

Когда я вижу, как плывут (Р.— С. 80. 35) — сир-

вента, полная всевозможных «личностей», направлена против короля Альфонса II Арагонского, вместе с Ричардом принимавшего участие в осаде Аутафорта.

Будь тот при Кастеллоте крут — Эспаньоль, владетель замка под названием Кастеллот, якобы вероломно захваченного Альфонсом.

...от беарнского Гастона — Гастон VI, виконт Беарнский, союзник Бертрана по оппозиции Генриху II и Ричарду.

Взяв деньги и т. д. — средневековый комментарий поясняет: «Когда король Арагонский стал служить королю Генриху, граф Тулузский нанес ему большое поражение в Гаскони и взял в плен пятьдесят его рыцарей; когда же король Генрих дал ему всю сумму денег, нужную для уплаты выкупа, то он не передал ее рыцарям, а увез с собой в Арагон. Рыцари же, освободившись из плена, сами уплатили выкуп».

Ответного не слыша звона — скупость с точки зрения куртуазного вежества — величайший порок; жонглеров и трубадуров полагалось щедро одаривать.

...и та матрона / Из Фонтевро... — по-видимому, Матильда, сестра Филиппа Фландрского, аббатисса бенедиктинского аббатства в Фонтевро.

Увы, под новенький хомут / Пошли жонглеровы лошадки — комментарий утверждает, что этот Пейре одолжил Альфонсу «лошадей и денег», т. е. именно то, чем сеньоры обыкновенно одаривают жонглеров.

Пейре Руис — наваррский рыцарь, брат Гонсальво Руиса, трубадура, осмеянного Пейре Овернским (см. с. 48).

По знаку своего патрона — т. е. графа Ричарда, которого он иронически именуется патроном короля Арагонского.

Сюда привел... — имеется в виду все та же осада Аутафорта.

Ведь тот, кого награды ждут / Там, в Пуатье... — т. е. король получит вознаграждение опять же у Ричарда, менее высокопоставленного сеньора.

Король с Наваррцем пусть спуют — т. е. сам Альфонс II и Санчо VI Мудрый, король Наваррский (1150—1194).
С. 88

В нежный и новый сезон (Р.— С. 81. 2) — в этой сирвенте Бертран стремится усугубить вражду между Ричардом Львиное Сердце и французским королем Филиппом-Августом. Песня строится на изысканных рифмах с повторением ключевого слова «благодарный».

Бесился бы, знай я, что мой — / Дуэ, но Камбрэ не со мной — т. е. ничто из моих владений не заставит меня перестать желать еще большего.

Сеньору Руи — т. е. Филиппу-Августу.

А Юность без сечи лихой — см. прим. на с. 207.

Жизор — город в Нормандии, бывший предметом частых конфликтов между французской и английской коронами.

Да-и-Нет — сеньяль, которым Бертран именуется Ричарда Львиное Сердце, представляет собой кальку латинского названия одного из методов схоластической теологии, развивавшейся, в частности, Абеляром.

Как трантезский отец святой — в городе Мутьеан-Тарантэз в Савоие была в средние века архиепископская кафедра.

Больше, чем Алгейсы разбой — «...а было их четверо братьев, четыре великих разбойника, и занимались они разбоем, возглавляя отряд в тысячу конных грабителей и целых две тысячи пеших, и иных не знали приобретений и доходов» (комментарий XIII в.). Один из братьев, Мартин, позже участвовал в альбигойских войнах, перейдя от крестоносцев на сторону графа Тулузского.

С. 90

Споемте о пожаре и раздоре (Р.— С. 81. 29) — сирвента связана с началом войны, вспыхнувшей летом 1181 г. между Ричардом Львиное Сердце и Филиппом-Августом. Бертран воспроизводит метрику, строфику и изысканные рифмы одной из кансон Арнаута Даниэля (Р.— С. 29. 17).

Кость со свинцом кидает вероломный — т. е. фальшивую игральную кость, всегда падающую на определенную сторону благодаря вкрапленному в нее кусочку свинца.

О, где мой Лузиньян и мой Ранкон? — поэт хочет сказать, что у него нет таких богатых владений, как Лузиньян (в Пуатье) или Ранкон (в Лимузине), которые снабжали бы его необходимым для ведения войны.

На предка Карла стал бы он' похож — на Карла Великого.

Того, кто честь до боя потерял — т. е. короля Филиппа-Августа, неспособного на подвиги, подобные перечисленным в предыдущей строфе.

Едва ль мой Да-и-Нет решит Каор / Оставить... — Каор — главный город провинции Керси, которую Ри-

чард захватил в 1188 г., после чего Филипп-Август не переставал добиваться ее возвращения.

...ждет, когда король отдаст Шинон — имеется в виду Генрих II Английский, отец Ричарда, чьи сокровища, которые Ричард стремился захватить, хранились якобы в замке Шинон в Турени.

Когда корабль, затерянный в просторе — как и в сирvente «Я к стене не приперт» (с. 84), последняя строфа здесь любовная.

Т р а й н а к — современный Трейняк, город в Лимузине.

Р о д ж ь е р у с п о й... — персонаж не отождествлен.

Нет больше рифм на «омный», «он» и «ежно» — хотя в песне Арнаута Даниэля, взятой Бертраном за образец, шесть строф, — трубадур после пятой строфы признается, что не находит больше слов на требуемые рифмы.

С. 91

Д в у х к о р о л е й я в м е ш у в п о л к а н с о н ы (Р.— С. 80. 25) — собственно, в полсирventы, ибо сюжет как бы не заслуживает целой песни. Подобная половинная форма была воспринята несколькими другими трубадурами. Эта песня замечательно вскрывает более глубинное отношение Бертрана к войне.

Х р а б р ы й А л ь ф о н с — Альфонс VIII, король Кастильский. О причинах его конфликта с Ричардом Львиное Сердце мы можем лишь строить догадки.

А р о с т о в щ и к с т а н е т г о л к а к с о к о л — привычное презрение Бертрана к ростовщикам, купцам, вообще к горожанам, которых как бы вполне позволительно грабить и разорять.

С. 92

Р а с с а, с т о л ь о н а в е л и ч а в а (Р.— С. 80. 26) — с этой песней мы переходим к любовной лирике Бертрана, представленной меньшим числом сочинений, однако не менее замечательной, чем прославившие его сирventы. Расса — сеньяль, которым Бертран называл герцога Джоффруа Бретонского (см. прим. на с. 223).

Н о о т к р ы т о д н о м у к н е й в х о д — поэт имеет в виду, очевидно, себя.

С П у а т ь е, С а р а г о с ы, Б р е т а н и / И Т у л у з ы н е в з я в ш и д а н и — средневековый комментарий видит здесь перечисление четырех властителей — Ричарда Львиное Сердце, Джоффруа Бретонского, к которому обращена песня, Альфонса, короля Арагонского, и графа Раймона Тулузского, — якобы влюбленных в Даму Бертрана. По мысли комментатора, цель песни —

показать Джоффрау, что он, Бертран, единственный избранник и что остальным претендентам здесь делать нечего.

С эн Эйгаром войну ведет / Маурин... — реминисценция провансальского эпоса, дошедшего до нас лишь во фрагментах. Бертран ставит в пример, конечно, Маурина — васала, восставшего против своего сеньора.

Графа, чей столь дерзок налет — Ричарда Львиное Сердце.

К нам виконт на Пасху придет — Адемар V, виконт Лиможский, воевавший с Ричардом.

Моряк — сеньяль Молодого Короля.

Эн Гольфье де ла Тур — племянник Бертрана де Борна, о котором ходили легенды относительно его пребывания в Палестине.

Бель-Сеньор — сеньяль со значением «прекрасный господин». Трубадуры, как правило, употребляли для обозначения Дам мужские сеньяли.

С. 94

О Лимузин, земля услад и чести (Р.—С. 80. 1) — две дошедшие до нас строфы, составлявшие, несомненно, начало целой песни, сочиненной, как поясняет средневековый комментатор, на проезд из Бургундии в Лимузин доны Гвискарды де Божё, где она вышла замуж за Арчимбаута VI, виконта Комборна.

С. 95

Дама, мне уйти велит (Р.—С. 80. 12) — в этой полной иронии кансоне, проливающей свет на игровую природу куртуазной любви, трубадур, попав в немилость у своей Дамы и не найдя другой, равной ей достоинствами, создает искусственный образ «синтетической возлюбленной», которой он отныне будет служить. Для этого он заимствует у нескольких благородных Дам их лучшие черты для своей новой подруги. Образ «синтетического портрета», восходящий к античности, был воспринят у Бертрана несколькими другими трубадурами.

Цимбелин — сеньяль неотождествлен; встречается также у Пейре Видаля (см. ниже, с. 243).

Дама Аэлис — Аэлис де Монфор, дочь виконта Турени, бывшая замужем за Гильемом Гурдонским (см. выше, с. 219).

Путь в Шале мне предстоит / К виконтессе... — Гибор де Монтозё, супруге виконта Шале, воспетой в следующей песне.

К Рошшуаровскому крову — т. е. ко двору виконтов Рошешуара.

Пасть к ногам Аньес...— персонаж неизвестен.

Тристан, Изольда — герои знаменитого средневекового романа о трагических любовниках, известного в нескольких вариантах.

Дама Аудьярт — Аудьярт де Маламорт, известная куртуазная Дама.

Мбель-де-бе — сеньяль воспетой в предыдущей песне Гвискарды Комборнской. Ср. тот же сеньяль у Арнаута Даниэля, с. 72 и прим. на с. 217.

В госпоже Файдите... /.../ Бель-Мираль — персонажи не отождествлены.

Бель-Сеньор — «героиня» песни, см. прим. на с. 227.

Азиман — сеньяль со значением «магнит», обозначающий Фолькета Марсельского (ср. ниже, с. 232).

С. 97

Так как апрельский сквозняк (Р.— С. 80. 36) — любовная тема уже в третьей строфе уступает место обличению всевозможных пороков богатых сеньоров, более обычному для сирвенты, чем для куртуазной кансоны, как эта.

И я покидаю ту — согласно интерпретации средневекового комментатора, заступничество Гибор де Монтозьё помогло Бертрану вновь обрести благоволение в глазах его разгневанной Дамы, заподозрившей его в любви к Гвискарде де Божё.

Вашу признав высоту и т. д.— смысл этих стихов заключается в том, что абсолютный, не подлежащий никакой критике авторитет — прерогатива только Дамы, а «герцоги и короли», претендующие на подобную непогрешимость, будут подвергнуты Бертраном жестокой критике, составляющей дальнейшее содержание песни.

В последней строфе песни появляется, однако, «положительный герой».

Даянья их вее бедней — т. е. они погрешают против куртуазной щедрости.

Построив ристаний планы — т. е. подстраивают результаты турниров заранее.

На Темпра — сеньяль не отождествлен.

С. 100

Если б трактир, полный вин и ветчин (Р.— С. 80. 19) — согласно не вполне надежному комментарию, песня будто бы сочинена на зимнем театре военных действий, где Бертран, страдая вместе с войском от недостатка продовольствия,

предается приятным воспоминаниям. Перевод сохраняет «неточность» рифмы четных строк оригинала.

...д о н а Л а н а — сеньяль Матильды Английской, герцогини Саксонской, сестры Ричарда Львиное Сердце, со значением «нежная».

...с е н ь о р П у а т у — Ричард Львиное Сердце.

С теми, кто славой твоей, Лимузин, / Стал... — Бертран прощается с Дамами, которых воспевал прежде, чтобы отныне служить только Лане.

Цимбелин — см. прим. на с. 227.

Герб королевский в роду — т. е. герб Плантагенетов.

Анжу — королевский двор Генриха II Английского, отца Матильды, переезжал в это время из Нормандии в Анжу.

Тонкость бесед каталонского плана — каталонцы считались особенно сведущими в куртуазии.

Стиль — как у дам из Фанжу — Фанжу — город в Лангедоке. Гостеприимство его обитателей воспевал и Пейре Видаль.

М а и э р — сеньяль Матильды Английской, которой посвящена эта песня.

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ (1157—1199)

От этого царственного трубадура, с которым мы часто встречались в сирвентах Бертрана де Борна, до нас дошло две песни. Наиболее знаменитая из них — кансона, написанная им в австрийском плену, другую, которую мы здесь приводим, сирвента, обращенная к Дофину Овернскому: написана она на пуатевинском диалекте старофранцузского языка.

С. 102

Д о ф и н, как и графу Ги, / В а м... (Р.— С. 420. 1) — в этой сирvente Ричард упрекает Дофина Овернского (см. ниже) и его кузена Ги, графа Овернского (1194—1224), в том, что они не оказывают ему поддержки в его войне против французского короля Филиппа-Августа. В самом деле, графство Овернское было объектом пересечения интересов английской и французской корон, однако к моменту вспыхнувшего спора (1194 г.) оно было связано узами вассалитета с французским тронem. Подробный комментарий XIII в. к сирвентам, которыми обменялись Ричард с Дофином, исторически недостоверен.

...чтоб от схватки сторон — т. е. Ричарда и Филиппа-Августа, от которой страдали овернские вассалы.

Нас связывал договор — Дофин отрицает это в своем ответе (строфа III).

Ваш образец — Изенгрин — т. е. волк, один из героев «Романа о Лисе» (XII—XIII вв.), поступающий по отношению к Лису вероломно.

Чтоб был Иссуар отмщен? — Иссуар — мощный замок на севере Оверни, которым завладел Филипп-Август. Развалины крепости возвышаются над местностью и по сей день.

Так выбейте клином клин — Ричард увещевает Дофина и Ги отвернуться от их французского сюзерена.

...чтоб един / Стал круг из двух половин — т. е. чтобы Овернь примкнула к Ричарду.

Ребенку ложь не в укор и т. д. — под конец Ричард угрожает овернским властителям призвать их к ответственности за несправедные поступки.

ДОФИН ОВЕРНСКИЙ

(ок. 1160—1235)

Дофин (имя, отнюдь не титул), граф Клермона и Монферрана (а не всей Оверни), был, как можно заключить из различных свидетельств, человеком во многих отношениях блестящим. Будучи сам поэтом, он щедро покровительствовал трубадурам.

С. 104

Король, из меня певца (Р.— С. 119. 8) — в этой полной иронии и сарказма сирвенте Дофин последовательно отвечает на упреки, сделанные Ричардом Львиное Сердце ему и его кузену в предыдущей песне.

Зачем же в Жизоре — он? — см. прим. на с. 225. К 1194 г. Жизор был вновь захвачен Филиппом-Августом.

Бегут от вас, как от льва — намек на прозвище Ричарда.

Взяв бремя ваших обуз — т. е. став вашим союзником. Этими словами Дофин отклоняет обвинение Ричарда в нарушении якобы существовавшего между ними договора.

Легок был стерлингов груз — Дофин напоминает Ричарду, что когда в минуту нужды к нему обратился его кузен Ги Овернский, то он не получил от Ричарда щедрой поддержки.

Пю и с ним Обюссон — смысл указания именно этих пунктов не ясен; Дофин, по-видимому, хочет сказать, что, несмотря на все насмешки короля Ричарда, ему есть еще на что опереться.

Иссуар и Юссон — Дофин парирует инсинуации Ричарда касательно Иссуара и близлежащего Юссона, которых якобы лишился (см. прим. на с. 230).

За ангулемский-то кус /.../ Тольверу... — это последнее наименование не расшифровано; понятно, однако, что Дофин здесь иронизирует по поводу «щедрости» Ричарда, захватившего в 1134 г. несколько принадлежавших графу Ангулемскому городов.

Тою, чье слово — закон — подобно некоторым сирвентам Бертрана, песня заканчивается упоминанием куртуазной Дамы.

ГИЛЬЕМ ДЕ САНТ-ЛЕЙДЬЕР

(ок. 1165—1195)

В 13 дошедших до нас своих песнях этот трубадур, сеньор замка Сен-Ледье-ан-Велэ, воспевает любовь в сравнительно «простой» манере.

С. 106

Я, Дама, послан как курьер (Р.— С. 237. 7) — средневековый комментарий мотивирует эту песню вариантом известного сюжета (ср. «Повесть о ФранкLINE» Чосера): трубадур, отвергаемый Дамой, графиней де Полиньяк, просит заступничества у ее мужа, который по его просьбе исполняет перед супругой сочиненную Гильемом кансону, после чего та принимает его к себе на куртуазную службу.

Слагаю песни на манер / Мольбы о Милости... — Милость, Милосердие — неперменные характеристики куртуазной Дамы.

С. 108

Заставляет Амор проявить нас особое тщанье (Р.— С. 237. 16) — эта кансона комментируется еще более колоритным, в духе северофранцузских фаблио, рассказом, согласно которому графиня де Полиньяк, чтобы отомстить Гильему после того, как тот стал к ней охладевать, отправляется в мнимое паломничество и по дороге останавливается у него в замке в его отсутствие, специально чтобы встретиться там с другом Гильема. Песня составлена из так называемых *soblas capfindas*, с кото-

рыми мы уже сталкивались у Арнаута Даниэля (см. прим. на с. 216).

И взлелею надежду, что буду удержан я ею — *retener* (удержать рыцаря на вассальной службе) — термин, перешедший в куртуазную речь из языка феодально-юридического. В следующей строке слово это употребляется уже в обычном смысле.

Друг Бертран, согласитесь, Бертран наш достоин упрека — жизнеописание трубадура сообщает, что он, его друг Юк Марешаль и графиня де Полиньяк именовали один другого сеньялем Бертран. Обычай взаимного именованья одним и тем же именем восходит к ритуалу побратимства; надо заметить, что в куртуазной среде актуализовано необычайно много различных рефлексов архаической обрядности, шире — мифопоэтического мышления.

ФОЛЬКЕТ МАРСЕЛЬСКИЙ

(ок. 1178—1231)

Сын генуэзского купца, обосновавшегося в Марселе, Фолькет продолжал дело отца, посвящая досуги сочинению песен, безупречных по форме, однако веющих холодком безличности. Впоследствии он оставил, впрочем, то и другое ремесло, всецело посвятив себя церкви, вскоре стал аббатом, а в 1205 г. был назначен епископом Тулузским. Здесь он оставил по себе память как гонитель своих соотечественников, став одним из предводителей крестоносцев, к которым полностью примкнул после объявления альбигойского похода. Фолькет был одним из организаторов в Лангедоке инквизиции и принимал непосредственное участие в преследовании альбигойцев.

С. 110

Столь куртуазный тон возьму (Р.— С. 115. 23)

Императрицу взяв саму / За образец...— Императрица — Евдоксия Константинопольская, дочь византийского императора Мануила Комнина, вышедшая в 1174 г. замуж за Гильема VIII, сеньора Монпелье.

Лжецов презреньем окружу — строфа представляет пример действий клеветников (о них см. выше, с. 215).

Магнит — сеньяль, которым на этот раз именуют друга друга Фолькет Марсельский и трубадур Бертран де Борн.

С. 112

Не знающеее препон (Р.— С. 115. 27).

Теперь, когда нет / Императрицы... — подобно тому как в предыдущей кансоне трубадур ссылается на вдохновляющий его высокий авторитет куртуазной императрицы, здесь он сожалеет о том, что больше этого делать не может. В самом деле, в 1187 г. Гильем VIII разошелся с Евдоксией, обвинив ее, по одной из версий, в неверности. На основании этой строфы средневековый комментатор приписал любовь к Евдоксии самому Фолькету, сделав ее адресатом его песни.

С. 114

Как те, кто горем сражен (Р.— С. 155. 20) — эн Барраль, виконт Марсельский, при дворе которого подвизался Фолькет, умер в 1192 г.

С. 116

Отныне не вижу, что (Р.— С. 155. 15) — сирвента, призывающая короля Альфонса II Арагонского предпринять крестовый поход против испанских мавров. Известно, что спустя десятилетие Фолькет столь же пылко призывал к крестовому походу против собственных соотечественников-еретиков.

Враг его Гроба Святого лишил — Саладин завоевал Иерусалим в 1187 г.

Король Кастильский давно — Альфонс VIII Кастильский, потерпевший со своими войсками сокрушительное поражение от мавров при Аларкосе в 1195 г. Именно это поражение явилось толчком для пропаганды крестового похода в Испанию.

Славный Магнит — торнада обращена к Бертрану де Борну.

АРНАУТ ДЕ МАРЕЙЛЬ

(ок. 1195)

Трубадур скромного происхождения, первоначально был клириком. Его поэзия, выдержанная в «легкой манере», отличается отделанностью и изяществом, расцветшими под влиянием наиболее заметных достижений провансальской лирики.

С. 118

Сладко дыханье апреля (Р.— С. 30. 10) — песня в традиции Бернарта де Вентадорна.

Телом — Елены белей — т. е. Елены Троянской.

С. 119

Искренностью приема (Р.— С. 30. 15) — согласно средневековому комментарию, этой песней трубадур открыл свою

любовь графине де Бурлац, супруге Роджбера II, виконта Безье и Каркассона.

Генуэзец — неотождествленный сеньяль одного из покровителей трубадура.

С. 121

Тешились мысли мои (Р.—С. 30. 19) — средневековый комментатор поясняет, что песня была сочинена после того, как графиня де Бурлац по настоянию влюбленного в нее короля Альфонса II Арагонского, оговорившего трубадура, дала ему «отставку».

Генуэзец, Француз — сеньяли не отождествлены.

МОНАХ МОНТАУДОНСКИЙ

(ок. 1193—1210)

Согласно жизнеописанию, этот благородного происхождения трубадур, ставший приором Монтаудонской обители, за свой песенный дар получил разрешение вернуться в мир, где был прекрасно принят при многих куртуазных дворах. С его творчеством, проникнутым духом юмора и шутки, мы уже встречались на примере фрагмента из его «галереи трубадуров», сочиненной в продолжение «сатиры» Пейре Овернского (см. выше, с. 50).

С. 123

Хоть это и звучит не внове (Р.—С. 305. 10) — о жанре энуэг, представленном у Монаха Монтаудонского тремя песнями, см. предисл., с. 22. В них трубадур дает интереснейшие жанровые зарисовки из современной ему жизни, сатирически изображая пустоту, суету и тщеславие мира, который он исходил вдоль и поперек.

И раб, тулузской даме верный — реминисценция истории, вошедшей в итальянский сборник «Новеллино» (№ 49): некий доктор, ничего не подозревая, берет в жены племянницу архиепископа Тулузского, которая рождает сразу после свадьбы.

...плащ в два меха... — т. е. плащ, сшитый из двух не подходящих один к другому дешевых мехов, взамен одного дорогого.

Четырехгранность пик и стрел — имеется в виду незаконное применение на турнире боевого оружия.

Святой Авон — французское наименование св. Абиндуса, мученика IV в. (при Диоклетиане).

С. 125

Гостил я в раю на днях (Р.—С. 305. 12) — вообра-

жаемая тенсона с богом, оправдывающим, по мысли монаха, его песенное творчество и возвращение в мир. Тенсоны с богом сочиняли также трубадуры Гильем д'Аутполь и Пейре Карденаль. В этой песне использована метрика и рифмы одной из песен Фолькета Марсельского, послужившей также образцом Бертрану де Борну.

Рандон Парижский — Рандон де Кастельноу, покровитель трубадуров, владетель замка под названием Париж.

А братией будет учтен / Барыш на каждой поэме — жизнеописание повествует, что Монах Монтаудонский употреблял богатые дары, которые получал от сеньоров, на украшение своей обители.

...путь забыв в Арагон — ко двору короля Альфонса II, покровительствовавшего трубадуру.

За тем, чей лен — Олерон — т. е. за Ричардом Львиное Сердце. Олерон — остров в Гасконском заливе, близ Сентонжа, относящийся к владениям Ричарда.

...и бо пленен — Ричард Львиное Сердце попал в германский плен в 1192 г.

Плывет сарацинов племя / К Акре... — Акра — город на восточном берегу Средиземного моря, завоеванный христианами в 1191 г.

...тот обречен / Кто вдел ради вас ногу в стремя — концовка песни выражает скептическое отношение трубадура к буму вокруг крестовых походов, согласующееся с антимилицаристскими идеями, высказанными им в его эннугах.

ГАУСЕЛЬМ ФАЙДИТ

(ок. 1172—1203)

Наследие этого трубадура, весьма разнообразное по своему составу, насчитывает до 65 песен. Жизнеописание наделяет Гаусельма Файдита чертами раблезианских персонажей: «был он щедр, и был он очень охоч до еды и питья и потому растолстел сверх меры». В своих странствованиях трубадур доходил до Нормандии, Венгрии и Палестины. Его куртуазные кансоны относятся к классическому наследию провансальской лирики.

С. 127

Был полон услад (Р.— С. 167. 33).

Бель-Эспер — по-видимому, Мария, жена Эбле V Вентадорнского (ум. в 1221 г.). См. о ней ниже, прим. на с. 238.

...Из Прованса назад / Нет дороги обратной —

поэт посетил Вентадорн, находящийся в Лимузине, после пребывания при нескольких куртуазных дворах Прованса.

...в край благодатный /.../ В путь отправлюсь превратный — поэт принял участие в третьем крестовом походе, который он прославляет в традиционных выражениях.

С. 130

Кто закален в воспитании строгом (Р.— С. 167.52) — эта песня дошла до нас в 18 рукописях, что говорит о ее большой популярности. Средневековый комментатор, опираясь на последнюю строфу, содержащую критику одной Дамы, произвольно обосновывает ее вариантом того же сюжета, что и песню Гильема де Сант-Лейдъера «Заставляет Amor...» (см. с. 108). Строфа эта, содержащая непонятные нам намеки, лишь оттеняет, однако, хвалу трубадура Марии Вентадорнской, составляющую содержание всей песни.

...трон королевский Мая — во время традиционного праздника, которым в первый день мая отмечалось наступление весны, юноша и девушка, избранные майскими королем и королевой, торжественно вводились в селение.

С. 132

Птиц мелодичный куплет (Р.— С. 167. 43) — одна из лучших куртуазных кансон Гаусельма, которую он, по-видимому, сочинил от имени названного в торнаде «сеньора Пуатье», т. е. Ричарда Львиное Сердце (до того, как он стал английским королем в 1189 г.). Трубадуры нередко складывали от имени своих сеньоров песни, которые исполняли перед их возлюбленными Дамами.

Вместо ста «да» одно «нет» — намек на сеньяль Даи-Нет, которым Ричарда называл Бертран де Борн (см. выше, с. 225).

ГИ И ЭЛИАС Д'ЮССЕЛЬ

(ок. 1195—1240)

Три брата — Эблес, Пейре и Ги, владельцы замка Юссель, и их племянник Элиас, составлявшие семью трубадуров, нередко обменивались друг с другом прениями. Ги д'Юссель, младший и самый талантливый, был каноником и, как сообщает жизнеописание, получил папский запрет сочинять и исполнять песни. Это обстоятельство относится, очевидно, ко времени посещения родины трубадуров в 1209 г. папским легатом Пейре де Кастельноу, убийство которого на обратном пути в Рим послужило по-

водом для начала альбигойского крестового похода. Поучительно с точки зрения смены эпох сравнить историю Ги д'Юсселя с судьбой Монаха Монтаудонского, получившего — за 15 лет до того — совершенно иной наказ от своего аббата.

С. 134

— Будь пилигрим наш — эконо́м (Р.—С. 163. 2, 3; 167. 3а, 13) — шуточно-сниженные строфы, которыми обменялся Элиас д'Юссель с Гаусельмом Файдитом, составляют небольшую тенсону, полную веселых поношений. Как мы знаем, Гаусельм принимал участие в крестовом походе; первая строфа сочинена Элиасом д'Юсселем на его возвращение. В четвертой строфе, начало которой содержит непонятный намек, полтора стиха утрачены.

Сам Саладин искал бы в нем — Саладин, европейское искажение имени Салах ад-Дина, султана Сирии и Египта, знаменитейшего противника крестоносцев (1174—1193). Если, однако, речь идет о возвращении Гаусельма из четвертого крестового похода (1202—1204), то «Саладин» должно быть заменено на «Сафадин» — имя султана Сайф ад-Дина, брата Саладина.

А не провисни брюхо с юных лет /.../ Над Гаусельмом, что, как палка, худ — уже цитировалось свидетельство жизнеописания о чрезмерной тучности Гаусельма.

В Шарлюсе — Шарлюс-ле-Пайу, замок в Сент-Экзюпери, близ Юсселя, принадлежавший Элиасу д'Юсселю. Комментатор утверждает, что эн Элиас, не отличаясь богатством, потчевал гостей преимущественно своими песнями.

Плюс пышная Гильельма... — комментатор сообщает, что Гаусельм привез из крестового похода жену — «госпожу Гильельму, по прозвищу Монашка, даму веселого нрава, еще более толстую, чем он сам».

С. 136

— Эн Элиас, поговорим — партимен Ги д'Юсселя с Элиасом д'Юсселем (Р.—С. 136. 1 = 194. 2) относительно важнейшего вопроса «куртуазной доктрины», который комментарий мотивирует обстоятельствами жизни самого Ги д'Юсселя.

На Маргарита — жена виконта Раймона VI д'Обюссона (1201—1245). Как это нередко бывает в прениях, решающее слово в споре предоставляется знатной куртуазной Даме.

С. 138

— Ги д'Юссель, сердит мой упрек (Р.—С. 194. 9 = = 295. 1) — о Марии Вентадорнской, воспетой многими трубаду-

рами, в том числе Гаусельмом Файдитом, см. выше, с. 235. Замок Вентадорн находился всего в 30 километрах от замка Юссель. В тенсоне рассматривается диалектический вопрос о «равенстве» куртуазных влюбленных.

Почему, о пенье забыв, / Вы молчите?..— средневековый комментатор поясняет, что Ги д'Юссель, предпочтя быть возлюбленным, а не мужем своей Дамы, был ею отвергнут и она вышла замуж за другого рыцаря; он же от горя перестал петь. Быть может, однако, на самом деле и д'Юссель просто послушался папского запрета, о котором говорилось выше.

...руки сложив и т. д.— формулы, заимствованные из ритуала феодального оммага (ср. выше, прим. на с. 232).

ГРАФИНЯ ДЕ ДИА (конец XII — начало XIII в.)

Графиня де Диа — наиболее ранняя (хронологически) и наиболее интересная из известных нам 17 трубадурок, которые, кроме одной, все сочиняли в «легкой манере». Тема поэзии средневековой Сапфо — боль и обида покинутой женщины, говорящей языком не гневных проклятий, а нежных упреков. Ее пяти песням свойственна особая сила, одушевленная огнем сильной личности прекрасной трубадурики.

С. 140

Печалью стала песня перевита (Р.— С. 46. 2).

Как Сегуин Валенсию, любила — героиня не дошедшего до нас средневекового романа, упоминаемые несколькими трубадурами.

РАЙМБАУТ ДЕ ВАКЕЙРАС (ок. 1180—1205)

Большая часть жизни этого блистательного трубадура прошла в Италии, при дворе его покровителя и друга маркиза Бонифачио Монферратского. Творчество его богато жанровыми экспериментами, из которых здесь представлено несколько.

С. 142

Мне образец мотива (Р.— С. 392. 14) — гарламбей, т. е. «конный турнир», представляет собой уникальную жанровую инновацию, в которой трубадур пародирует нравы куртуазных сеньоров и их дам, представленных лошадьми. Многие из

персональных намеков, к сожалению, не поддаются расшифровке, отчего песня, однако, не теряет своего очарования и блеска.

В двух последних строфах имеются лакуны. Перевод в числе нескольких других песен, входящих в эту книгу, был недавно положен на музыку композитором Сергеем Слонимским.

Монт Рабей — Пейре де Монт Рабей, герой старопровансальского эпоса «Джирарт Русильонский», стихотворный размер которого пародируется парами стихов «Гарламбея».

Дон де Бос — имеется в виду Гильем V де Бо, впоследствии принц Оранский.

Эн Раймон — Раймон Ренуар, впоследствии консул в Тарасконе.

Драгонет — Драгонет де Мондрагон, рыцарь при тулузском дворе, видный участник партизанского движения в эпоху альбигойских войн.

Граф де Боке — владетель Бокера, граф Раймон V Тулузский (1148—1194).

Де Монлор — Понс де Монлор, также участник сопротивления северофранцузским крестоносцам. До нас дошел его партимен с трубадуром Ги де Каваллоном.

Барраль из Марселя — Барраль, виконт Марсельский, оплакан Фолькетом Марсельским (см. выше, с. 233).

Эн Понс — младший брат Драгонета де Мондрагона.

Де Меольон — Раймон де Мевуйон, рыцарь, упоминаемый в одной провансальской тенсоне.

Авенгут — сеньяль не отождествлен.

С. 145

Вот, обложил Амор, мой сюзерен (Р.—С. 392. 2).

Дождался я столь доброго совета — вокруг этого и последующих стихов средневековый комментатор выткал романтическую историю: маркиза Беатриса Монферратская, которой трубадур якобы поведал о своей любви в третьем лице, посоветовала ему, чтобы герой рассказа сделал открытое признание, обещав тому любовную награду.

Как перед Фисбою Пирам... — трагические любовники из «Метаморфоз» Овидия (IV. 55—166); на этот сюжет был создан старофранцузский роман (ок. 1170 г.).

Когда сдавался Алий Рыцарь в плен — реминисценция сцены из «Персеваля» (ст. 833—1206) Кретьена де Труа: юный и неопытный Персеваль одолевает хвастливого Алого Рыцаря и завладевает его доспехами.

Но мучусь, как Тантал...— снова реминисценция из «Метаморфоз» (IV.457; X. 41).

Когда просил мне срезать локон в дар — Дама дарила рыцарю локон, шнурок, перчатку, кольцо в знак принятия его на куртуазную «службу»; обычай этот восходит к феодальному оммажу.

Я был — как к Тиру рвавшийся Эвмен! — герой «Романа об Александре» (ок. 1180 г.), отличившийся при осаде и взятии Тира.

Энглес — сеньяль маркиза Бонифачио Монферратского (букв. «англичанин»).

Оранже и Монтлимар — родные места трубадура (близ Вакейраса).

Прекрасный Рыцарь — сеньяль одной из дам при монферратском дворе.

С. 147

Начало мая (Р.— С. 392. 9) — эстампида, танцевальная песня северофранцузского происхождения с короткими стихами. Согласно средневековому комментарию, трубадур сочинил ее по настоянию маркиза Монферратского на мелодию, сыгранную на виолах двумя французскими жонглерами.

Бель-Кавальер — сеньяль Дамы, обозначенной в предыдущей песне как Прекрасный Рыцарь.

Служу, / Как тот Эниде — Энида и Эрек — герои романа Кретьена де Труа, принадлежащего к артуровскому циклу. С. 150

Имеет слабость больше сил (Р.— С. 392. 21) — девиналь; интереснейший образец поэтики «темного стиля», представляющий собой диалектическую композицию, составленную набором последовательно разобранных антитез, суммарно еще раз перечисленных в последней строфе. Разгадки даны в заглавии, предпосланном нами этой песне.

Чем тот, который только жил — ср. евангельскую притчу: «...если зерно, пав на землю, не умрет... то останется одно; если же умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24).

То стужу грел, то жар студил — образ холодного или жаркого (в зависимости от силы) дуновения рта восходит к Эзоповой басне, известной по пересказам в парафразах Бабрия и у Авиана.

Лишь бедность — богача удел — ср. снова серию евангельских притч о неразумном богаче.

С. 151

Волны высокие, волны кругом (Р.— С. 392. 5а) — уникальный во всей провансальской поэзии пример стилизации под жанр женской «песни друга», представленной в поэзии галисийско-португальской. Авторство Раймбаута, который мог познакомиться с подобными песнями в бытность свою в Испании, оспаривалось некоторыми учеными.

С. 152

— Правда ль, Раймбаут, что с вами дамы строги? (Р.— С. 392. 1 = 15. 1) — по поводу этой шутливой перебранки трубадура с маркизом Альбертом Маласпина (ок. 1160—1206), одним из наиболее могущественных сеньоров Северной Италии, который был женат на сестре Бонифачио Монферратского, см. предисл., с. 22.

Та, для кого вы делали концы / В Тортону... — Тортона — один из дворов маркиза, при котором Раймбаут ухаживал за некоей неизвестной нам Дамой.

Что на беду вас встретили в дороге — поэт обвиняет маркиза в ограблении торговых караванов генуэзских купцов, проходящих через его владения.

...чей шаг ломбардскими натружен / Дорогами... — намек на скитания Раймбаута по Северной Италии, до того как он снискал покровительство маркиза Бонифачио Монферратского.

Кто, ставя Петракорву под удар и т. д. — поэт перечисляет пармские владения Маласпины, которые тот вынужден был уступить городу Пьяченце. То же относится к Кастаньеру (ниже).

...Ланфранкон да Мар / И Николо... — члены высокопоставленной генуэзской семьи; их сестру, Сальдину да Мар, похитил маркиз Альберт.

Вы из жонглера стали кавалер — в 1194 г. маркиз Монферратский посвятил Раймбаута де Вакейраса в рыцари.

...Я не Оливье как воин и т. д. — Роланд и Оливье — герои «Песни о Роланде», чьи имена были нарицательными для обозначения мужества.

Оруженосец — сеньяль Дамы маркиза Альберта.

...эн Пьер — / Кастрат в парше... — вероятно, Пейре Видаль, в 1195 г. пребывавший при дворе маркиза Монферратского.

С. 154

Дама и друг ее скрыты листвою (Р.— С. 461.

113) — еще одна альба, дошедшая до нас без указания ее автора. Строфы I—V вложены на этот раз в уста Дамы.

С. 155

Да будет вам все обо мне известно (Р.— С. 461. 69) — анонимная баллада, тяготеющая к фольклорному жанру *chanson de malmariée* (букв. «песня женщины, выданной за нелюбимого человека»), хорошо представленному в северофранцузской традиции. Рефрен — вероятно, древнейший элемент этой песни — первоначально мог распеваться хором женщин.

ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ

(ок. 1183—1204)

Необычайно красочные средневековые жизнеописания трубадура и комментарии к его песням, хотя часто и восходят к неверно понятым фрагментам его текстов, тем не менее отражают несомненно, экстравагантный характер поэта, пользовавшегося в куртуазных кругах репутацией безумца (ср. характеристику, данную ему Монахом Монтаудонским, с. 50).

С. 157

Мне петь от тоски невмочь (Р.— С. 364. 16).

Ибо недужен мой граф — граф Раймон V Тулузский, покровитель поэта.

Король зато жив и здрав — Альфонс II Арагонский, для которого трубадур сложил эту песню.

...в Арагон отряжу / Гильема, и Бласко... — Гильем Раймон де Монкада и Бласко Ромео — арагонские придворные; последний был королевским мажордомом.

Той, по которой тужу — госпожи Вьерны де Монпелье, проявляющей к трубадуру холодность.

Трон радости... /.../ Как император... — из этого и подобного фрагментов средневековый комментатор заключил, что Пейре Видаль реально претендовал... на византийский престол!

...начав / Любить комторову дочь — госпожу Раймбауду (де Биоль?). Комтор — временный управитель церковной кафедры.

Снурки Раймбауды свяжу / В один и т. д. — т. е. у трубадура будет больше любовных даров от госпожи Раймбауды, чем у короля Ричарда Львиное Сердце, со всеми его владениями, от его дам.

Чтоб пастухи, закричав: / «Волк!», стали

гнать меня в ночь — эти строки послужили основой для красочного комментария, согласно которому трубадур, переодевшись ради любимой им Дамы по прозвищу Волчица в волчью шкуру, был истерзан пастушескими овчарками. Рассказ, однако, представляет собой вариант известного сюжета, представленного в «Дафнисе и Хлое» Лонга.

Цимбелин — этот сеньяль встречается также у Бертрана де Борна в песне о Составной Даме (см. выше, с. 227).

Волчице принадлежу — возможно, что этим сеньялем трубадур обозначил ту же госпожу Раймбауду.

С. 159

Воспеть маркиза в стихах (Р.— С. 364. 74) — маркиза Бонифачио Монферратского, уже знакомого нам как покровителя Раймбаута де Вакейраса.

Внушил Арагонец страх — Альфонс II Арагонский, к которому обращена предыдущая песня и с которым у трубадура, в свою очередь, произошел конфликт, как перед этим с графом Раймоном V Тулузским.

Дамам Аржанса укор — характерное обыгрывание значений географических имен — Аржанса (от корня со значениями «серебро», «блеск») и Вальфлёра (долина цветов).

Я — свой, пусть с недавних пор и т. д. — т. е. свой при монферратском дворе, и лишь гость в родном Провансе.

Брат мой — сеньяль трубадура Гильема де Бергедана.

С. 161

Эн Драгоман, да будь я на коне (Р.— С. 364. 18) — песня представляет собой шутивную похвальбу, в которой трубадур превозносит собственную отвагу и доблесть в надежде получить коня в дар от своего господина. Эн Драгоман — сеньяль со значением «толмач», обозначающий Гильема VIII, сеньора Монпелье.

При эном Ги подаренном мече — возможно, Ги Бургундский, брат Гильема VIII.

Земля трясется под моей стопой — цитата из провансальского эпоса «Ронсеваль», относящаяся к Роланду.

Бесстрашен, как Роланд и Оливье — см. прим. на с. 240—241.

Любезен, как Бернарт из Мондидье — герой эпической повести Жана Боделя, прославленный своей куртуазностью.

...в снурке ль витом, в кольце — см. прим. на с. 240.

Король бы поживать мог в сладком сне —

Альфонс II Арагонский, который в союзе с Гильемом VIII воевал против графа Раймона V Тулузского; последующие географические наименования относятся к театру военных действий, ведущихся между этими сюзеренами.

Услышав «Аспа!» и «Оссба!» их вой — названия долин в нижних Пиренеях, близ Наварры, ставшие боевым кличем происходивших оттуда баскских воинов-наемников.

Сеньора Вьерна — Дама, которой трубадур посвятил несколько песен.

Эн Райньер — общий сеньяль Пейре Видаля и Барраля де Бо, виконта Марсельского.

С. 162

Я прибыл в Прованс... (Р.— С. 364. 37) — комментатор, опираясь на вторую строфу песни, видит в ней завершение сюжета, согласно которому трубадур, войдя в комнату госпожи Азалаис, жены своего покровителя Барраля Марсельского, «похитил» у нее поцелуй, за что был изгнан. Впоследствии, однако, Барраль уговорил жену простить Пейре, и по его возвращении Азалаис «даровала ему поцелуй взамен того, который он похитил».

Обещан же в короли / Артур британцам в итоге — легендарный образ Артура, короля бриттов, спроецирован здесь на родившегося в 1187 г. Артура, сына Джоффруа, герцога Бретани.

Для покаяний предлоги — мотив диалектически «заслуженно-незаслуженного» наказания за несотворенные грехи был чрезвычайно распространен у трубадуров.

Бель-Райньер — сеньяль Раймона Джауфре Барраля, виконта Марсельского: этот сеньяль может быть осмыслен как «Прекрасный Источник Света» или как «Лучащийся Красотой».

БЕРТРАН ДЕ БОРН-СЫН

(ок. 1179—1233)

С. 165

Когда, новый сезон открыв (Р.— С. 81. 1) — сирвента, сочиненная старшим сыном знаменитого трубадура в 1206 г., близка по стилю произведениям отца; средневековый комментатор предпосылает ей обширное вступление.

Петь об Иоанне начну — об английском короле Иоанне Безземельном, уступившем (см. ниже) другим европейским монархам значительную часть своих владений.

На Тур и Пуатье права — эти земли отошли к французскому королю Филиппу-Августу.

Плач летит от гиеннских стен и т. д.— т. е. жители провинции Гиенна, которую постигла та же участь, оплакивают времена короля Ричарда Львиное Сердце, умевшего отстоять свои владения.

Гавен — племянник короля Артура, герой романов Круглого стола, сочетавший в отличие от короля Иоанна любовь к охоте с воинской доблестью.

Отдает Логроню страну — т. е. Альфонсу VIII Кастильскому.

Мы, будь ныне Людовик жив /.../ ...разбит Халиф — реминисценция подвига Людовика Благочестивого, воспетого в не дошедшей до нас версии эпической «Осады Оранжа».

Как монах кадуэнский... — Кадуэн — цистерцианский монастырь возле Бержерака (Перигор).

Саварик — Саварик де Маулеон, рыцарь и трубадур, в то время состоявший на службе у Иоанна Безземельного.

АЙМЕРИК ДЕ ПЕГИЛЬЯН

(ок. 1190—1221)

Этот трубадур, родом из Тулузы, провел жизнь в странствиях в качестве жонглера и придворного поэта, преимущественно при дворах Испании и Италии. Аймерик — великолепный мастер стиха, обладающий высоким профессиональным самосознанием.

С. 167

— Дама, зачем эта пытка так зла? (Р.— С. 10. 23) — нечастый пример вымышленного диалога в духе Гираута де Борнеля, в котором участники обмениваются репликами от стиха к стиху. После третьей строфы диалог с Дамой сменяется на диалог с самим Амором.

ЮГЮЭТ ДЕ МАТАПЛАН

(ок. 1185—1213)

Югюэт (Юк) де Матаплана был крупный каталонский феодал и второстепенный трубадур. Детальное описание его пышного двора содержится в стихотворной новелле «Суд любви» трубадура Раймона Видаля де Безалу.

Сирвента, которую вдруг (Р.— С. 451. 1) — Югюэт направляет эту сирвенту своему другу трубадуру Раймону де Миравалью с призывом к куртуазной терпимости по отношению к его жене Каударенке, с которой он расстался из-за того, что та, как и он, сочиняла песни и принимала куртуазное ухаживание. Подобное действие со стороны мужа-ревнивца считалось предельно некуртуазным. Средневековый комментарий развивает этот сюжет таким образом: Раймон де Мираваль будто бы сам отдал свою жену ее воздыхателю Гильему Бремону под тем предлогом, что «не пристало двум трубадурам жить под одной крышей»; на деле же он поступил так потому, что сам хотел жениться на госпоже Эменгарде де Кастрас. Та, однако, вышла замуж за знатного барона, и Раймон сразу потерял и жену и возлюбленную.

Раймон де Мираваль ответил Югюэту песней, воспроизводящей метрику, рифмы и ключевые слова этой сирвенты. В ней он оправдывается против обвинений в некуртуазности, обстоятельно мотивируя свой поступок и, в свою очередь, упрекая Югюэта в незнании истинных законов вежества.

ГАВАУДАН (ок. 1195—1211)

Этот трудный трубадур, о котором нам известно крайне мало, культивировал в своих песнях герметически темную манеру, определяющую, в частности, стиль представленной здесь сирвенты. Его произведения насыщены образами редкостной красоты, к которым мы не всегда, однако, можем подобрать ключ.

С. 171

Ранним утром третьего дня (Р.— С. 174. 6) — см. об этой пастурели предисл., с. 20. Странное смешение сна и реальности дополняется в этой загадочной песне сходством пастушки с Дамой, любимой трубадуром.

С. 173

В самый короткий день в году (Р.— С. 174. 1) — понимание этой сирвенты, выдержанной в предельно темном стиле, крайне затруднено. Трубадур применяет «деривативные рифмы», с какими мы уже встречались в «Обратной песне» Раймбаута Оранского (см. выше, с. 54), переведенные соответствующими парами слов (дела—предел, несмело—несмел и т. д.). Один из критиков сопоставляет первую строфу этой

песни «с наиболее прекрасными астрономическими отрывками Дантовой Комедии».

Началу худого дела и т. д.— речь идет, по-видимому, о событиях, связанных с началом альбигойских войн, в результате которых погибло множество провансальцев и краю был нанесен огромный урон.

Спеси тех, кто лелеет сны — сторонников крестоносцев.

...на графа надеть узду — графа Раймона VI Тулузского.

...хоть сами белы — из эпической «Песни крестового похода» известно, что часть жителей Тулузы, вдохновляемая Фолькетом Марсельским, тогда уже епископом Тулузским, в 1211 г. образовала «белое братство», выступившее на стороне крестоносцев не только против альбигойцев, но и против собственных сограждан, которые остались верными графу Раймону и самоотверженно обороняли родной город.

Чтоб мир был ал, а не бел — т. е. залить мир кровью.

Роланд за ничтожную мзду / Продан... — реминисценция предательства Ганелоном героя «Песни о Роланде».

Как Марсий... — горожане, бросившие вызов графу Раймону, уподобляются Марсию, вызвавшему на музыкальное состязание Аполлона и потерпевшему в нем поражение, за что с него заживо была содрана кожа. В том же смысле следует понимать остальные стихи этой строфы.

ГИЛЬЕМ ДЕ КАБЕСТАНЬ (ок. 1212)

Этого трубадура, о котором до нас дошло очень мало сведений, жизнеописание делает героем известного мирового фольклорного сюжета, встречающегося в Индии, Скандинавии, в «Декамероне» Боккаччо (день 4, новелла 9) и его многочисленных подражаниях. Согласно этой легенде, муж воспеваемой трубадуром Дамы, исполнившись ревности, убивает его и, вырезав сердце, готовит из него кушанье, которое дает своей жене. Дама, узнав об этом, говорит: «Господин! Вы угостили меня таким прекрасным блюдом, что я не отведаю иного вовек», бросается вниз из окна замка и разбивается насмерть.

С. 175

Сладостно-злая (Р.— С. 213. 5) — эта классически куртуазная кансона пользовалась, быть может, благодаря «романтиче-

ской биографии» трубадура, огромной популярностью: подобно «Секстине» Арнаута Даниэля, она дошла до нас в 22 рукописях. Песня эта характеризуется обостренным чувством формы, ощущением полновесного поэтического слова и специфическим, только ей свойственным, оксюморонным настроением «сладостной грусти», нежной и задумчивой любовной меланхолии.

Э н Р а й м о н — адресат этой, как и следующей песни, не отождествлен.

С. 178

Вновь долгих дней дождались мы (Р.— С. 213. 3) — эта кансона, своей экзотической образностью и замысловатой рифмовкой во многом напоминающая песни Арнаута Даниэля, является прекрасным примером поэзии «изысканной манеры».

С тех пор как эн Адам средь рощ / Эдемски х... — т. е. от сотворения мира.

ГИРАУТ ДЕ КАЛАНСОН

(ок. 1202—1212)

• Кроме нижеприведенной интереснейшей кансоны, дошедшей до нас в числе десятка песен трубадура, он особенно прославлен своим дидактическим поучением жонглеру, содержащим ценное для нас перечисление литературных произведений, героев и тем, бывших в «литературном обиходе» эпохи.

С. 180

Речь покоренного вами певца (Р.— С. 243. 2) — к этой аллегорической кансоне, написанной до 1202 г., поздний трубадур Гираут Рикьер (см. ниже, с. 254) составил стихотворный комментарий. Представления Гираута де Калансона о «структуре любви», весьма характерные для аллегорического средневекового мышления, находят соответствие в провансальском энциклопедическом трактате XIII в. «Часослов любви».

О третьей, и меньшей, любви... — букв. «о меньшей трети любви», т. е. о любви, которую «Часослов» называет «любовью между мужчиной и женщиной». В данной песне рассматриваются пути лишь этой любви. Две другие «трети» — вторая: «естественная любовь», т. е. любовь между родителями и детьми, между друзьями и т. д., и первая: «божественная» — лишь упоминаются в конце песни.

Смертельно ранит стальной ее дрот — любовь аллегорически представлена воинственной Дамой, соединяющей в себе черты Купидона и Венеры.

Ведут пять дверей в глубь ее дворца — Дворец Любви — образ, распространенный в средневековом искусстве. Пять дверей интерпретируются по-разному, в частности как пять чувств.

Четыре ступени — средневековый теоретик любви Андрей Капеллан говорит о следующих ступенях любви: надежда, созерцание, объятие, полная отдача.

Стань, песнь, маркизу Гильему мила — Гильему VIII де Монпелье.

ПИСТОЛЕТА (ок. 1205—1228)

Немногое известно нам и об этом поэте, кроме того, что он был жонглером при трубадуре Арнауте де Марейле. На такую профессию указывает и его имя — несомненно, жонглерская кличка (букв. «письмецо»): жонглеры часто выступали в роли вестника, посланного трубадуром, доставляя адресату его новую песню.

С. 182

Мне тысячу бы марок серебром (Р.— С. 372. 3) — от имени бедного жонглера написана и эта кансона, пользовавшаяся огромной популярностью.

ЮК ДЕ САНТ-СИРК (ок. 1217—1253)

Трубадур этот, чья жизнь на протяжении нескольких десятилетий прослеживается при дворах Лангедока, Испании, Прованса, Италии, был одним из редакторов жизнеописаний трубадуров и комментариев к их песням. Его собственное поэтическое наследие включает любовные кансоны, сирвенты, тенсоны и шуточные строфы.

С. 184

Давно уж душа объята (Р.— С. 457. 18) — комментарий к этой песне утверждает, что она сочинена трубадуром в надежде добиться примирения с Дамой, с которой он вступил в конфликт из-за того, что та принимала ухаживания слишком многих поклонников и чересчур многим давала обещания. Что касается самой песни, то в ней довольно резкая критика Дамы сочетается с традиционным выражением ей преданности.

Пускай вместит в себя пенье / Утеху и огорчение — букв. «пусть она (т. е. песня) станет надвое разделенной — веселой и грустной одновременно».

ЛАНФРАНК ЧИГАЛА —
ГИЛЬЕЛЬМА ДЕ РУДЖИЕР
(ок. 1235—1257)

Ланфранк Чигала — генуэзский трубадур: жизнеописание сообщает, что он был «судьей и рыцарем в одно время, однако жизнь вел подобающую судьбе; в любви он знал толк и был хорошим трубадуром, понимающим в сочинении». О собеседнице его нам почти ничего не известно.

С. 186

— Гильельма, обошлись однажды круто (Р.—С. 282. 14) — пример куртуазного диспута, за отвлеченной проблематикой которого начинают просвечивать личности уклончивого «куртуазного судьи» и пылкой Дамы, не поступающей своими правами; тенсона оканчивается обменом откровенно шутивными «сниженными» репликами.

...Не грызет удила / Конь и т. д.— спор принимает все более двусмысленный характер.

СОРДЕЛЬ
(ок. 1220—1269)

Жизнь этого итальянского трубадура, происходившего из знатного мантуанского рода, прошла в бурных приключениях и скитаниях. В молодости он похитил Куницу, жену графа Сан-Бонифачио, при дворе которого в то время пребывал, и, спасаясь от мести со стороны графского клана, вынужден был бежать в Испанию, а оттуда — в Лангедок, где сблизился с домами графов Прованских и Карла I Анжуйского. Во время похода Карла против короля Сицилии Манфреда попал в плен к гиббелинам, но был выкуплен.

В своих любовных кансонах Сордель обнаруживает себя приверженцем куртуазной любви в ее наиболее чистой и утонченной форме, переходной от сублимированного сенсуализма классических трубадуров к спиритуалистической любви ранних итальянских поэтов. Среди дошедших до нас 40 его песен находятся переведенные для этой книги плач и пикантные тенсоны с другими трубадурами.

Легенды о Сорделе послужили сюжетом для замечательной поэмы Роберта Браунинга «Сорделло».

С. 188

По эн Блакацу плач я на простой мотив (Р.— С. 437. 24) — Блакац — провансальский сеньор, славившийся своей щедростью и покровительством, какое он оказывал множеству трубадуров; сохранилось около десятка его прений с разными трубадурами, в том числе с Юком де Матаплана и Пейре Видалем. Блакац умер в 1236 г.

Плач по Блакацу с его мотивами «съеденного сердца» привлек соперничающее внимание еще двух трубадуров при дворе Прованса, пожелавших внести в него свои коррективы. Бертран д'Аламанон (см. о нем ниже, с. 252) в написанной тем же размером сирвенте, начинающейся словами: «Меня очень огорчил сеньор Сордель, ибо ему изменил разум...», заявил, что незачем делить благородное сердце между трусами, которых перечисляет Сордель, а лучше отдать его достойным дамам, «прекрасное — прекрасному» (Р.— С. 76. 12). Со своей стороны Пейре Бремон Рикас Новас в сирвенте «После того как сеньоры Сордель и Бертран разделили сердце...» предлагает разделить не сердце, а все тело (Р.— С. 330. 14). Интересно, что в дантовском «Чистилице», где Сордель на протяжении нескольких песен является проводником Данте и своего мантуанского соотечественника — Вергилия, трубадур указывает на души правителей, высмеянных им в плаче по Блакацу. В XX в. мотивы этой песни реминисцировал У. Б. Йитс, который в своем стихотворении, посвященном смерти знаменитого лидера ирландских националистов Чарльза Парнелла, советует отведать его сердца политическим деятелям Ирландии.

Отдаленно с плачем по Блакацу могут быть сопоставлены «Составная дама» Бертрана де Борна (см. выше, с. 96—97) или «Рецепт сиропа» Сервери де Джироны, который, чтобы укрепить пошатнувшееся здоровье Амора, предлагает составить питье, постоянное на достоинствах и красоте разных знатных испанских дам.

Пусть первым съест его тот, чья держава — Рим и т. д. — король Фридрих II. Речь идет о его конфликте с Ломбардской лигой с ее центром в Милане, которой он, однако, в 1237 г. нанес поражение.

Король французский пусть откусит вслед за ним и т. д. — Людовик IX, внук Альфонса VIII Кастильско-го; мать Людовика, Бланка Кастильская, бывшая до 1236 г. ре-

гентшей, сохранила свое влияние на сына и после его интронизации.

Стою с мольбою пред английским королем и т. д.— король Генрих III, в 1230 г. потерпевший поражение при попытке отвоевать утраченные его отцом, Иоанном Безземельным, континентальные владения.

И должен за двоих Кастилец съест потом и т. д.— имеется в виду Фердинанд III, король Кастилии и Леона.

А то узнает мать...— королева Беренгуэра Кастильская, сестра Бланки Кастильской.

И Араговец, съев, воинственную дрожь / Почувствует и т. д.— Марсель и Милло составляют дипломатические потери короля Якова I Арагонского.

От сердца пусть вкусит король наваррский то ж и т. д.— Тибо IV Шампанский, в 1234 г. получивший наваррский престол, в 1236 г. потерпел поражение в своем восстании против Людовика IX. Сордель, как мы видим, намекает на самые актуальные события.

Побольше должен граф Тулузский сердца съест и т. д.— Раймон VII, граф Тулузский, вынужден был в ходе альбигойских войн уступить большую часть своих владений французской короне.

И граф Прованский съест, чтоб знать, что предпочесть и т. д.— имеется в виду Раймон Беренгарий IV, граф Прованса, при дворе которого пребывал Сордель, когда сочинил плач.

Утешник Милый — очевидно, сеньяль Гвиды де Родес, дочери графа Генриха I де Родес (1214—1227).

С. 190.

Что вы скажете, эн Сордель (Р.—С. 344. 3а) — очевидно, Пейре Гильем Тулузский, второстепенный трубадур XIII в., хотя некоторые ученые приписывают участие в этом сочинении итальянскому трубадуру Пейре Гильему де Люзерна. См. в связи с этой тенсоной предисл., с. 18.

С. 192

Бертран, пусть был бы выбор вам предложен (Р.—С. 437. 10 = 76.2) — Бертран д'Аламанон (ок. 1229—1266) — один из видных рыцарей при дворе графов Прованских. Среди более чем 20 его песен преобладают сирвенты и тенсоны; уже упоминался его плач по Блакацу по мотивам Сорделева плача.

Эта тенсона — весьма характерный пример куртуазного де-

бата, в котором элементы квазисхоластического спора сочетаются с духом игры и шутки. Тенсона имеет тот пикантный оттенок, что Бертран д'Аламанон, защищающий брани в ущерб любви, пользовался репутацией далеко не храбреца, как об этом недвусмысленно говорится в целом ряде песен различных трубадуров. Несомненно это обстоятельство было на уме у Сорделя, когда он задавал свой вопрос Бертрану, который превосходно ему «подыграл».

Графиня де Родес — дама, обозначенная в плаче по Блакацу сеньялем Милый Утешник. Вновь тенсона заканчивается предложением разрешить спор с помощью куртуазной Дамы (ср. партимен на с. 137).

Жан де Валлери — рыцарь и казначей при дворе французского короля Людовика IX.

ПЕЙРЕ КАРДЕНАЛЬ

(ок. 1205—1272)

Поэтическая деятельность Пейре Карденаля — обличителя, сатирика, моралиста — падает на смутное для Прованса время периода альбигойских войн, когда на смену веротерпимости, широте взглядов и расцвету всяческих искусств пришла строгость ортодоксии. Большую часть наследия Пейре составляют моральные сирвенты: по словам жизнеописания, он «порицал зло этого мира и неверность клириков».

С. 194

Я ненавижу лживость и обман (Р.— С. 335. 58) — эта сирвента — типичный пример моральных инвектив Пейре Карденаля.

Денье, турецкое су — мелкие монеты; безан, золотая марка — монеты крупного достоинства.

Файдит, ступай с сирвентою моею — обращение к жонглеру, возможно к Гаусельму Файдиту.

Торнель — замок в Вольвике, Пюи-де-Дом.

Гигон — граф Ги II Овернский (1194—1224).

Эбле де Клермон — брат последнего, сеньор Оллерга.

В путь, Раймондет!.. — сирвента, возможно, была вручена двум жонглерам: первый должен был доставить ее ко двору графа Ги, второй получил лишь «общие указания»; не исключено, что вторая посылка добавлена самим этим Раймондетом.

С. 196

Любовь я ныне славлю в сласть (Р.— С. 335. 7) — всего три кансоны трубадура (из общего наследия более 70 пе-

сен) проникнуты — в духе Маркабрюна — неприязнью к дамам и к любви, а также к потерявшим свое значение и пародируемым им куртуазным формулам. В этой песне поэт, иронизируя, восхваляет Амора за то, что тот наконец оставил его в покое: дальше он перечисляет все, чего ему не надо больше делать, исходя из привычных куртуазных клише.

Хочу на тех охулки класть — эта строфа песни характеризуется настойчивой аллитерацией, причем аллитерирующие согласные меняются от стиха к стиху.

СЕРВЕРИ ДЕ ДЖИРОНА (ок. 1259—1285)

Каталонец Гильем де Джирона, по прозвищу Серверí, оставил наиболее обширное, из всех трубадуров, наследие — 114 песен и 5 нарративных произведений, — составляющие как бы ретроспективный обзор всех возможных жанров, стилей и тем предшествующей поэзии трубадуров. В его артистичных стихах, разнообразнейших по форме, тщательно отделанных, исполненных остроумия и всевозможной игры, в последний раз и в какой-то мере даже неестественно ярко расцветает «изысканная манера выражения».

С. 198

Трудно понять, как в море пролегла (Р.— С. 434. 1) — см. в связи с этой песней предисл., с. 23. В ней поэт развивает образы «Книги Притчей Соломоновых» (30. 18—20): «Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице. Таков путь и жены прелюбодейной...»

Дама Сверхдостоинств — сеньяль, обозначающий одну из дам при дворе графини Кардонской, при котором подвизался и Сервери.

Пейре — Пейре III, король Арагонский (1276—1285).

ГИРАУТ РИКЬЕР (ок. 1254—1292)

Гираут Рикьер, сочинявший свои песни при кастильском дворе в конце XIII в., т. е. в эпоху полного упадка поэзии трубадуров в Лангедоке, традиционно считается «последним трубадуrom». Того же мнения придерживался, впрочем, и он сам. «Увы,

я пришел последним!» — восклицает он в одной из своих песен. Кроме классических тем куртуазной лирики в его творчестве разрабатываются дидактическое, моральное и особенно религиозное направления. Песни свои он сам собрал в книгу, тщательно их озаглавив, пронумеровав и проставив даты.

Любопытна серия безукоризненно куртуазных пастурелей Гираута, которые, располагаясь в определенной последовательности, образуют нечто вроде любовной новеллы или романа в шести главах: годы идут, и если в первой пастурели у прелестной пастушки есть жених, то в пятой она уже замужем, у нее дочь; наконец, в шестой она овдовела и собирается выйти замуж за многодетного вдовца, а дочь уже в девицах, и наш трубадур уже ухаживает за ней, как в свое время за ее матерью. Такой бытовой сюжетный реализм стал возможен только в эпоху полного упадка, и хотя и замысел и его реализация не лишены известного очарования, это глубокая осень куртуазной лирики.

С. 200

Однажды лугами (Р.— С. 248. 49) — эта пастурель — первая в названной серии, как указывает авторское заглавие.

Бель-Депорт — сеньяль Дамы (букв. «Прекрасное Утешение»), идентифицируемой, в качестве одного из вариантов, с Филиппой д'Андюза, виконтессой Нарбоннской; трубадур был родом из Нарбонна, куда вернулся в последние годы жизни.

Сеньор, эн Рикьером — пастушка с юмором поясняет, что если она и склоняется на предложения трубадура, то под влиянием его же песен.

Бертран д'Опиан — нарбоннский рыцарь, покровитель и друг трубадура. Упоминание его, возможно, не связано со смыслом песни и является простым куртуазным оммажем.

СОДЕРЖАНИЕ

О поэзии трубадуров. А. Г. Найман	3
ГИЛЬЕМ АКВИТАНСКИЙ.	
Песня ни о чем	26
Песня об удачливой любви	27
Прощальная песня	28
ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЬ.	
Песня о дальней любви	30
МАРКАБРЮН.	
Пастурель, в которой сеньор соблазняет пастушку, но та защищается с большим достоинством и искус- ством	32
Песня о превратностях любви	35
Песня, в которой трубадур утешает деву, чей воз- любленный отправился в крестовый поход	37
АЛЕГРЕТ.	
Песня о губительном влиянии «сухости»	39
БЕРНАРТ ДЕ ВЕНТАДОРН.	
Песня о полной зависимости от Дамы	41
Песня, рассуждающая о том, стоит ли делиться Да- мой с другим	43
ПЕЙРЕ ОВЕРНСКИЙ.	
Песня о том, как в любви наступила зима	45
Песня, в которой трубадур живописует двенадцать своих братьев, а в последней строфе — себя	47
МОНАХ МОНТАУДОНСКИЙ.	
Песня, добавляющая сведений к предыдущей	50
РАЙМВАУТ ОРАНСКИЙ.	
Песня о поведении, способствующем успеху у дам	51
Песня про «не-знамо-что»	53
Обратная песня	54
ЛИНЬАУРА — ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЛЬ.	
Песня-тенсона двух трубадуров о преимуществах и недостатках «темного» и «легкого» стилей	56
ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЛЬ.	
Песня, в которой трубадур просит наперсницу своей жестокосердой возлюбленной защитить его перед нею	58

Песня о сновидении, которому суждено свершиться	60
Песня, в которой трубадур, оставленный Дамой, сетует на судьбу	63
Предрасветная песня-альба	66

АРНАУТ ДАНИЭЛЬ.

Песня о том, что верный влюбленный, будь он даже несчастен в любви, пребывает в радости	67
Песня о верности Даме	69
Песня о том, как трудно дожидаться ответной любви	71
Песня влюбленного, который с достоинством ждет признания	73
Секстина	74

БЕРТРАН ДЕ БОРН.

Песня, побуждающая баронов к войне против Ричарда	76
Песня о преимуществах войны перед миром	78
Песня, побуждающая баронов объединиться против Ричарда	79
Песня, содержащая упреки как Ричарду, так и его брату Молодому Королю	81
Песня, оплакивающая смерть Генриха, Молодого Короля	82
Песня на возвращение крепости Аутафорт	84
Песня, избличающая вероломство короля Арагонского, союзника Ричарда	86
Песня, побуждающая короля Филиппа начать войну с Ричардом (который с Бертраном де Борном называли друг друга Да-и-Нет)	88
Песня, вдохновленная началом войны между Филиппом и Ричардом	90
Полпесни о двух королях	91
Песня, обращенная к Джоффруа Бретонскому, прославляющая достоинства возлюбленной певца и обличающая низость некоторых ее поклонников	92
Песня на прибытие доны Гвискарды	94
Песня, пытающаяся заменить жестокосердную возлюбленную некоей Составной Дамой	95
Песня, в которой трубадур, вернувшись после размовки к своей Даме от другой, за него заступившейся, рисует общее падение нравов	97
Песня, в которой певец, даже проголодавшись в походе, предпринятом королем Ричардом, все-таки не удерживается от восхвалений сестры короля, доны Ланы, в присутствии которой недавно пировал	100

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ.

Песня, порицающая Дофина Овернского за измену	102
---	-----

ДОФИН ОВЕРНСКИЙ.

Песня, достойно отвечающая на упреки Ричарда Львиное Сердце	104
---	-----

ГИЛЬЕМ ДЕ САНТ-ЛЕЙДЬЕР.

- Песня, в которой посланец влюбленного, призна-
ваясь Даме в любви, помогает тем самым влюблен-
ному 106
Песня о верности единственной избраннице, хотя бы
и пренебрегающей возлюбленным 108

ФОЛЬКЕТ МАРСЕЛЬСКИЙ.

- Песня, добивающаяся возврата прежнего чувства . 110
Песня, сетующая на разлуку с Императрицей, же-
ной сеньора Монпелье 112
Песня-плач об умершем эн Баррале, сеньоре Мар-
селя 114
Песня, призывающая к крестовому походу 116

АРНАУТ ДЕ МАРЕЙЛЬ.

- Песня о радости любви 118
Песня о верности, которая поможет перенести уда-
ры судьбы 119
Песня, в которой влюбленный не теряет надежд на
успех 121

МОНАХ МОНТАУДОНСКИЙ.

- Песня о том, что невыносимо 123
Песня о беседе монаха с богом, который поощряет
его сочинительство, но порицает измену королю
Ричарду 125

ГАУСЕЛЬМ ФАЙДИТ.

- Песня об усладе, полученной влюбленным от Дамы
накануне крестового похода 127
Песня, в которой доблестный влюбленный изливает
на изменившую ему Даму свой гнев лишь в послед-
нем куплете 130
Песня, в которой трубадур просит Даму вернуть ему
утраченное расположение 132

ЭЛИАС Д'ЮССЕЛЬ — ГАУСЕЛЬМ ФАЙДИТ.

- Песня-перебранка 134

ГИ Д'ЮССЕЛЬ — ЭЛИАС Д'ЮССЕЛЬ.

- Песня-партимен о том, что предпочтительнее: быть
мужем или любовником Дамы? 136

МАРИЯ ВЕНТАДОРНСКАЯ — ГИ Д'ЮССЕЛЬ.

- Песня-тенсона о том, имеет ли в любви Дамы пре-
восходство над мужчиной 138

ГРАФИНЯ ДЕ ДИА.

- Песня о благородстве и верности Дамы, брошен-
ной возлюбленным 140

РАЙМБАУТ ДЕ ВАКЕЙРАС.

- Песня-гарламбей о небывалом ристалище, которая,
говоря о лошадях, имеет в виду Дам 142

Песня о величии и непобедимости любовного чувства	145
Эстампида о неразделенной любви	147
Песня-девиналь, загадывающая пять загадок: о победе женщин над мужчинами, о мирской славе, о брожении вина, о павшем в землю зерне и о дыхании	150
Песня-романс о возлюбленном, уплывшем за море	151
АЛЬБЕРТ МАЛАСПИНА — РАЙМБАУТ ДЕ ВАКЕЙРАС.	
Песня-тенсона, в которой оба трубадура терпят поношение; один — за бедность и неудачливость, другой — за грабеж на дорогах и трусость	152
АНОНИМ.	
Предрасветная песня-альба	154
АНОНИМ.	
Танцевальная песня девушки, выданной замуж за немилого	155
ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ.	
Песня о том, как трубадур, влюбившись в Даму Лобу, что значит Волчица, готов облачиться в волчью шкуру и быть гонимым пастухами	157
Песня, в которой трубадур восхваляет достоинства маркизы, жены своего покровителя	159
Песня, которой трубадур вымогает у своего покровителя коня	161
Песня, сочиненная после того, как Дама вернула влюбленному поцелуй, украденный у нее во сне .	162
БЕРТРАН ДЕ БОРН-СЫН.	
Песня, негодующая на короля Иоанна Безземельного за его трусость, леность и бездействие . . .	165
АЙМЕРИК ДЕ ПЕГИЛЬЯН.	
Песня-спор о любви, сначала с Дамой, потом с Амором	167
ЮГЮЭТ ДЕ МАТАПЛАНА.	
Песня, в которой трубадур порицает поведение своего друга Раймона де Миравалья, обманом изгнавшего жену из дому	169
ГАВАУДАН.	
Пастурель, за пением которой трубадур узнает в пастушке свою прежнюю подругу	171
Песня об обреченности тех, кто низок душой . . .	173
ГИЛЬЕМ ДЕ КАБЕСТАНЬ.	
Песня с мольбой о признании	175
Песня о посте в любви	178
ГИРАУТ ДЕ КАЛАНСОН.	
Песня о третьей, «меньшей», любви	180

ПИСТОЛЕТА.	
Песня жонглера, мечтающего о богатстве и знатности	182
ЮК ДЕ САНТ-СИРК.	
Песня, предупреждающая Даму о бедах, к которым ее может привести измена	184
ЛАНФРАНК ЧИГАЛА — ГИЛЬЕЛЬМА ДЕ РУДЖИЕР.	
Песня-тенсона о том, что выше: служение Даме или рыцарский долг?	186
СОРДЕЛЬ.	
Песня-плач по эн Блакацу, призывающая властелинов вкусить от его сердца, дабы укрепить свое мужество	188
ПЕЙРЕ ГИЛЬЕМ — СОРДЕЛЬ.	
Песня-тенсона, разбирающая некоторые тонкости в поведении возлюбленных	190
СОРДЕЛЬ — БЕРТРАН Д'АЛАМАНОН.	
Песня-тенсона о том, что чему предпочесть: куртуазную любовь бранной славе или наоборот?	192
ПЕЙРЕ КАРДЕНАЛЬ.	
Песня о падении нравов эпохи	194
Песня, прославляющая любовь за то, что удалось от нее избавиться	196
СЕРВЕРИ ДЕ ДЖИРОНА.	
Песня о злых женщинах	198
ГИРАУТ РИКЪЕР.	
«Первая пастурель эн Гираута Рикьера, сочиненная в году МССLX»	200
Примечания	203

П28 **Песни трубадуров.** Пер. со старопрованс.,
сост., предисл. и примеч. А. Г. Наймана. М.,
Главная редакция восточной литературы изд-ва
«Наука», 1979.

260 с. с ил.

Старопровансальская культура формировалась на стыке двух культур — западноевропейской и арабоспанской. Арабская средневековая поэзия, поэтическая культура арабской Испании оказали влияние на поэзию трубадуров, которая принадлежит к высшим достижениям культуры европейского средневековья.

П $\frac{70404-014}{013(02)-79}$ 184—78. 4703000000

ПЕСНИ
ТРУБАДУРОВ

Редактор *Л. Ш. Рожанский*

Младший редактор *Г. А. Бурова*

Художник *Э. Л. Эрман*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *М. В. Полюсима*

Корректор *В. В. Воловик*

ИБ № 13469

Сдано в набор 21/II 1978 г. Подписано к печати 11/XII 1978 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 2 Печ. л. 8,25. Усл. п. л. 13,86. Уч.-изд. л. 12,71 Тираж 30 000 экз. Изд. № 4150. Заказ № 2578
Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы й д у т:

Ряузова Е. А. Роман в современных португалоязычных литературах: (Проблемы типологии и взаимодействия). 18 л.

Серебряков И. Д. Литературный процесс в Индии VII—XIII вв.: (К методологии исследования). 15 л.

Усманов Н. К. Проза Тауфика аль-Хакима. 7 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы й д у т:

Г о р я е в а Л. В. Соотношение устной и письменной традиции в малайской словесности: (Жанры «черита пенглипур лара» и «хикайат»). 10 л.

Д е х т я р ь А. А. Проблемы поэтики дастанов урду. 8 л.

П а р н и к е л ь Б. Б. Введение в литературную историю Нусантары (IX — XIX вв.). 18 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»